

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

11 43
4 344

ВЪ ОГНѢ.

Очерки и рассказы.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 ФЕВРАЛИ 1905 Г.

44936-43

2010513530

РИСКОВАННЫЙ СЕАНСЪ.

День былъ очень жаркій, и хотя солнце давно уже перешло зенитъ, но парило на славу.

Сегодня штурмъ вышелъ удачный, какъ рѣдко; открыли мы близкій огонь изъ нашихъ легкихъ четырехъ пушекъ на разсвѣтъ, чуть забрезжило, а къ полудню уже и самая цитадель была занята нами, и крохотный, укрѣпленный кокандскій городокъ опустѣлъ, покинутый своими защитниками, въ страхѣ разбѣжавшимися въ сосѣднія горныя ущелья.

Наши ворвались черезъ брешь, пробитую пушками; часть глинобитной стѣны рухнула и удачно завалила глубину рва, помогли и лѣстницы немного, но теперь въ этой брешѣ необходимости не было, потому что обозъ нашъ и тяжести вошли въ городъ уже по боковой дорогѣ, черезъ ворота, заваленныя кокандцами, но теперь расчищенные и гостепріимно открытыя настежь нашими саперами. Брешь эта оказалась значительно въ сторонѣ, отъ дороги почти за полверсты, и была мало замѣтна оттуда за стѣнками садовъ и группами фруктовыхъ деревьевъ.

Дорога и узкія кривыя улицы города кипѣли теперь иною жизнью, немножко дикою, положимъ, но весьма естественною, принимая въ расчетъ нервное возбужденіе недавняго боя... Въ воротахъ стѣснились двухколесныя арбы нашего обоза, выючные верблюды и ишаки, конные полувооруженные киргизы, милиціонеры, оборванные нищіе — «*шакалы*», вѣчно бредущіе голодными вереницами за нашими отрядами... Все это натурально орало и гвалтовало на разные лады, сплошнымъ облакомъ стояла въ воздухѣ густая пыль, словно насыщенная ревомъ верблю-

довъ, скрипомъ немазанныхъ колесъ, ржаніемъ коней, воплями ословъ, звучными щелканіями нагаекъ и перекрестною отборною руганью, гдѣ русская рѣчь словно спорила съ туземною богатствомъ и вычурностью выраженій.

Протискавшись кое-какъ сквозь этотъ хаосъ и вынырнувъ снова на свѣтъ Божій изъ-подъ темной арки воротъ, я попалъ въ узкую улицу, сразу начинающуюся крутымъ колѣномъ; въ этой улицѣ двѣ встрѣчныхъ арбы не могли бы разѣхаться вовсе, справа и слѣва поднимались сложенные изъ камня и глинобитныя стѣны сакель, изрѣдка прорѣзанныя воротами; ни одного окна на улицу не выходило, по обычаю мусульманства... До цитадели, гдѣ уже собралось начальство, было еще не близко, а потому, конечно, всѣ ворота были разбиты въ дребезги, и въ опустѣлыхъ, покинутыхъ хозяевами дворахъ энергично хозяйничали побѣдители.

Запыхавшіяся, оборванные, перепачканные грязью и кровью фигуры шмыгали изъ двора во дворъ, перебѣгали улицу, ыгладывали изъ-за гребней стѣнъ... Все это добывало и тащило, оспаривая другъ у друга право на добычу...

Тамъ казакъ-сибирякъ навьючилъ своего коня снопами сусеннаго клевера покрылъ все сверху парю дорожныхъ ковровъ, навѣшалъ еще новаго шелкового тряпья и самъ залѣзъ на верхъ, да еще сверхъ своей армянинной форменной рубахи накинулъ малиновый халатъ, сплошь зашитый золотомъ и блестками... Конь едва передвигаетъ ноги подъ непосильною тяжестью, а встрѣчный, еще пока «порожній» товарищъ завистливо смотреть и пытается:

А это ты гдѣ же, Данило Ивановичъ?

— Тамъ! — киваетъ Данило на сосѣднюю саклю... и съ бранью, конечно, отчаянно балансируетъ руками въ воздухѣ, потому подпруга не выдержала, скользить сѣдло на бокъ, и валится *богатый* казакъ въ грязь со всѣми своими коврами, шелками и съ малиновымъ халатомъ.

А надъ сосѣднею саклею взвилось зловѣщее черное облачко, зарумянившееся снизу, изъ стѣнной продушины тоже задымилло...

— Братцы, это что же? Это не годится!..—отчаянно мечется урядникъ съ крестами и медалями, сился пробиться съ объѣздомъ къ мѣсту начинающагося пожара, да подъ ноги его

чубарого коня подвернулся татаринъ-маркитантъ Ахметка, на-барантовавшій гдѣ-то цѣлую вязанку мѣдныхъ тазовъ и кунгаповъ, растерявшійся, струсившій и за себя, и за свою добычу... Лушитъ урядникъ кавалеръ плетью и по Ахметкиной тюбетейкѣ, и по его тазамъ...

— Словно въ литавры пажариваетъ! — острить бѣйкій стрѣлокъ-пѣхотинецъ, а самъ къ стѣнкѣ прижался, обходить сторонкою, потому что по дорогѣ тѣло лежитъ ничкомъ, въ синемъ халатѣ, въ желтыхъ остроносыхъ сапогахъ, съ головою обнаженною, бритою... Затылокъ раздробленъ чисто, должно быть, это уже послѣ смерти, колесомъ, знать, пушечнымъ переѣхало... А около тѣла, перемѣшавшись съ грязью и кровью, разсыпанъ цѣлый мѣшокъ изюму сушенанаго и урюку, да больно изгажены эти соблазнительныя сласти... Братъ не стоитъ!

Гдѣ-то въ темномъ углу самаго задняго дворика отыскали старика дряхлаго, беззубаго, въ одной длинной бѣлой рубахѣ, вытащили эти мощи на свѣтъ Божій, спрашиваютъ: «Ты что за человѣкъ?» — а тотъ молчитъ, только крохотными слезливыми глазами помаргиваетъ...

— Тащи его къ генералу къ допросу!

Нейдетъ старикъ, сами ноги подгибаются, не дѣйствуютъ...

Въ другомъ мѣстѣ поднимается пожарный дымокъ... Глухими перекатами доносится барабанная дробь и дребезжащія звуки сигнальных рожковъ. Это въ цитадели сборъ быть въ всѣмъ частямъ... Въ концѣ улицы, на поворотѣ, надъ пестрою толпою сверкаютъ въ пыли десятка два штыковъ, и болтается красная тряпка рожкового значка — это выслана уже пѣшая команда для возстановленія порядка и тушенія замѣченнаго, значить, въ цитадели только еще начинающагося пожара.

Мало-по-малу порядокъ возстанавливается дѣйствительно... Даже въ воротахъ и тамъ стало относительно просторно... Вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, караулы поставлены, офицера засновали тамъ и сямъ. Одинъ красивый блондинъ недоволенъ чѣмъ-то и товарищу жалуется:

— И гдѣ они, *mon cher*, женщинъ своихъ прячутъ?

А «*mon cher*» чиркаетъ на рысяхъ спичкою, трубочку въ зубахъ стиснулъ, закурить собирается и тоже недовольство свое высказываетъ, но уже совсѣмъ по другому поводу...

— Ну, ужъ и вздую я своего Антошку каналью! Каждый

разъ, подлецъ, увлечется «барантою» и запропастится гдѣ-то. Погоди же ты, на этотъ разъ у меня, каторжный!

— А какъ въ цитадель ближе?—спросилъ я у казака.

— Прямо, ваше благородіе! А тамъ все лѣвѣе держитесь, около стѣночки, какъ разъ попадете... Лѣвѣй да лѣвѣй, ваше благородіе!

— Ладно!

Взялъ я сначала прямо, потомъ лѣвѣе и точно выѣхалъ въ стѣнкѣ, ко внѣшней только. Погналъ рысью своего Карьку и самъ по указанію все лѣвой стороны придерживаюсь.

Тутъ уже совсѣмъ тихо стало, безлюдно. Справа заднія стѣнки крайнихъ дворовъ и сакель, слѣва—полуобвалившіеся барбеты крѣпостной стѣны съ зубцами... Дорога узенькая, грязная, вопючая, двумъ верховымъ впору разѣхаться; на одномъ изъ барбетовъ пушка допотопная стоитъ на боку, безъ одного колеса, около два тѣла валяются. «Карька» мой храпитъ, упирается, къ сторонѣ жмется...

«Туда-ли я попалъ?» — думаю... Хотѣлъ было уже назадъ вернуться, да впереди какъ будто просторное мѣсто виднѣлось, и зелень деревьевъ замаячила... Погналъ я шибче и скоро выѣхалъ, только не къ цитадели, а какъ разъ къ мѣсту штурмовой бреші. Сталъ осматриваться.

Какъ картинно, какъ причудливо разбросались въ горячемъ бою эти массы человѣческихъ тѣлъ по изрытому, окровавленному пологому обвалу... Тамъ въ одиночку, тамъ по нѣсколько вмѣстѣ, а тамъ подъ навѣсомъ стана, въ углу, гдѣ, значитъ, податься некуда было, тамъ цѣлою грудю, не разберешь—гдѣ чья рука, гдѣ чьи ноги.

Тутъ, какъ разъ посреди бреші, лежитъ молодой боецъ лѣтъ семнадцати, мальчикъ, и не лежитъ совсѣмъ, а вотъ словно подпяться на ноги хочетъ, да и окоченѣлъ въ этомъ послѣднемъ движеніи; недалеко полуголый аъметъ распластался крестообразно, и въ груди подъ ложечкой двѣ зіяющія штыковые раны... Тутъ сѣдой старикъ въ золотистомъ халатѣ сидитъ, упершись спиною въ стѣну, голова низко на грудь свѣсилась, около книга лежитъ большая, тяжелая, въ красномъ кожанномъ переплетѣ, окостенѣвшіе, похолодѣлые пальцы правой руки судорожно уцѣпились за мѣдныя застѣжки святой книги... Убить мулла въ самомъ пылу вдохновенной проповѣди.

«Какъ это книгу такую *они* оставили? Вѣдь, поди-жь, ты, ни вѣсть, какая рѣдкость, должно быть, конечно, коранъ рукописный съ заставками, стъ руки рисованными, съ арабесками, съ золочеными рамочками... Надо бы слѣзть съ коня, осмотрѣть, забрать съ собою... Да претить какъ будто... Мертвыхъ обирать своими руками не хочется. Вотъ еслибъ казачишко какой проѣхалъ мимо, приказалъ бы... а то»...

Солнце тутъ, спускаясь къ горному горизонту, заглянуло въ пролетъ этой брешы и косымъ лучомъ прямо въ старика муллу уперлось, рѣзкую тѣнь откинуло; заблестали, словно загорѣлись складки золотистаго халата, словно ожило это строгое лицо съ глубокими, провалившимися впадинами глазъ...

И само собою случилось, что слѣзъ я съ своего Карьки, бросилъ ему поводья на шею, вынулъ свой дорожный, очередной альбомчикъ изъ кармана и сталъ зарисовывать эту типичную «натуру».

Увлечся рисункомъ сильно, карандашъ словно самъ собою бѣгаетъ по бумагѣ, широко прокладывая пятна тѣней, прихотливые ракурсы тѣла и складокъ, и смутно чувствую, что кто-то стоитъ сзади меня и пристально, въ упоръ, разсматриваетъ мой затылокъ. Обернулся, самъ за револьверъ взялся на всякій случай... Осмотрѣлся... Нѣтъ никого, должно быть, это мнѣ такъ показалось... Мирнымъ сномъ покоятся кругомъ мертвецы. Тишина въ воздухѣ, ни одинъ волосокъ не пошевелится... Да— это мнѣ только показалось!

Принялся я снова за свой рисунокъ и снова, спустя минутъ десять, начинаю испытывать тоже, въ высшей степени непріятное впечатлѣніе—ну, вотъ интересуется мною кто-то, да и только! Обернулся опять—все покойно. Только одно обстоятельство показалось мнѣ нѣсколько подозрительнымъ. Сзади меня, шаговъ въ десяти, лежалъ трупъ ничкомъ; одна рука у него подъ тѣломъ была спрятана, а другая вытянута впередъ, лицо совѣтъ въ рыхлую землю уперлось, кромѣ затылка въ тибетскія ничего не видно... Вотъ это самое тѣло, показалось мнѣ, какъ будто теперь ближе, чѣмъ прежде лежало, немного, но эдакъ шага на три.

Присмотрѣлся я внимательно, подошелъ даже, ногою толкнулъ... нѣтъ ничего...—«Да и ближе-ли онъ?»—думаю, пустяки... Однако постоялъ съ минуту около, понаблюдать, и результаты моихъ наблюдений вполне меня успокоили.

Занялся я опять рисункомъ. Вотъ сейчасъ кончу — да и пора въ лагерь! Солнце сядетъ — темнѣетъ быстро, разомъ, а впотьмахъ и дороги не сыщешь.

Вдругъ по близости грянулъ выстрѣлъ.

Встрепенулся я и альбомчикъ изъ рукъ выпустилъ, вскочилъ на ноги, оглядываюсь...

А этотъ-то, что ничкомъ лежалъ, теперь уже здѣсь, шагахъ въ двухъ отъ меня, не больше, и уже ни ничкомъ лежитъ, а на правомъ боку, змѣю извивается, корчится и на меня глядитъ, не то укусить хочетъ, не то просить чего-то жалостливо...

Изъ-за угла стѣнки дымокъ пороховой ниточкою протянулся, и солдатъ выглядываетъ, въ кепи на затылокъ... Хохоchetъ, заливается...

— Это я, — говоритъ, — его, ваше благородіе, ошарашилъ. Я все его подстерегалъ, какъ это онъ къ вамъ сзади подбирался... Вѣдь, вишь, ты, азіатъ проклятый! А вы, ваше благородіе, съ оглядкою бы по здѣшнимъ мѣстамъ. У насъ, вонъ, унтера Михѣева такой-то раненый съ посилокъ ножомъ заколотъ. Подобрали его, какъ путнаго, въ лазаретъ тащили, а онъ на-ко, вотъ — поди-жь ты... Вы, ваше благородіе, по здѣшнимъ мѣстамъ съ оглядкою...

Согласился я съ солдатомъ, что дѣйствительно «по здѣшнимъ мѣстамъ надо съ оглядкою», и кстати попросилъ взять и доставить до моей палатки «интересную книгу», такъ меня соблазнявшую, что мой спаситель и исполнилъ весьма охотно, стацивъ при этомъ и золотистый халатъ съ плечъ старика, наивно приговаривая:

— Вы, ваше благородіе, ротному только не сказывайте, а мнѣ за этотъ охабень Ахметка пару стаканчиковъ поднесетъ... Оно расчудесно — съ устатку, да на сонъ грядущій!

П О Р Т Р Е Т Ъ.

Былъ у меня пріятель, одинъ изъ офицеровъ линейнаго батальона; то-есть, они всѣ были мои пріатели, но этотъ особенный, къ нему какъ то ближе лежало сердце, съ нимъ отрадѣе и легче дѣлились и горе, и радость... Душа у него была очень чуткая и отзывчивая, и лицо такое, ни Богъ вѣсть, какъ красивое, самое обыкновенное, но симпатичное, доброе, открытое. Звали его Ваня Черныхъ; онъ былъ родомъ изъ сибиряковъ, а тамъ большинство фамилій съ такимъ окончаніемъ. Въ чинахъ Ваня былъ не большихъ, но уже ротою командовалъ и считался лучшимъ офицеромъ, да еще первымъ храбрцомъ въ бою, и храбрецомъ настоящимъ, а не показнымъ, экзальтированнымъ. Черныхъ въ самый разгаръ схватки былъ покоенъ и ровенъ, какъ у себя въ палаткѣ. Не кричалъ, не бѣсновался, не ругался никогда, считая это великимъ грѣхомъ, но голосъ его, покойный, твердый, ясно слышался тогда, когда это было нужно, и глазъ умѣлъ во время замѣчать всѣ малѣйшіе варианты судьбы даннаго боя, а опытъ научилъ отлично пользоваться этими вариантами. На «подвиги» онъ никогда не напрашивался, какъ многіе другіе, но когда приходилось вынимать жребій идти командовать отборными охотниками, то, видимо, радовался, когда попадался ему счастливый билетикъ «идти» и также, видимо, огорчался, когда выходило обратное. Въ наградные списки и не заглядывалъ вовсе, а чтобы еще самому идти къ адъютанту похлопотать да справиться, это ему и въ голову не приходило.

Пили всѣ тогда очень шибко, особенно во время затишья. Почти и жили-то въ полъ-пьяна, не отрезвившись, какъ слѣ-

дуетъ ни разу, но Ваня Черныхъ не пилъ ничего, даже къ шампанскому не прикасался, которое иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, подавалось у генерала, изъ завѣтнаго ящика. И не пилъ Ваня не потому, чтобы выдѣляться изъ круга пьяницъ-товарищей, ради отличія, какъ думали было про него нѣкоторые, а просто не тянуло его ни къ чему спиртному, претило даже отъ одного вида маркитапской посуды.

Разговоры скабрёзныхъ по поводу женщинъ не переносилъ мой пріятель тоже, — въ краску его кидало отъ этихъ разговоровъ и намековъ, а разъ, шутки ради, самъ генералъ показалъ ему стереоскопъ съ нецензурною картинкою, такъ Ваня до того растерялся отъ этой неожиданности, что плюнулъ въ самую середину стекла генеральскаго стереоскопа, да потомъ спохватился и, потупясь, пробормоталъ: «виновать, ваше превосходительство!»

И вотъ, этому-то человѣку, въ то время, когда женщины доступна была для всѣхъ прочихъ только развѣ въ помыслинїяхъ, судьба, какъ нарочно, послала прелестный экземпляръ изъ плеяды «вѣнцовъ созданія природы». Случилось это такимъ образомъ.

Ваня Черныхъ со своею ротою былъ дня на три посланъ въ одну изъ боковыхъ рекогносцировокъ. Дѣло было зимою, въ студеную пору, въ такую пору, что и старики не запомнятъ, чтобы въ ихъ время когда-либо свирѣствовали такіе морозы, смѣняющіеся періодически страшными мятелями и выюгами. Вотъ въ такую-то пору, въ саглѣ одного изъ покинутыхъ жителями ауловъ, Черныхъ нашелъ старушку, полумертвую отъ холода и голода, и съ нею дѣвушку, лѣтъ пятнадцати. Накормили ихъ, отогрѣли, чаемъ напоили, да и какъ поили-то! Поставятъ около, а сами отойдутъ подальше, чтобы и глаза не видѣли, ну, тѣ и съѣдятъ, а то и не подступятся вовсе. Совсѣмъ дикія какія-то! Наконецъ, отряду надо было дальше выступать, — не бросить-же бабъ на произволъ судьбы, безсильныхъ, безпомощныхъ, замерзать заживо! Хотѣли съ собою ихъ взять, да онѣ не идутъ охотою... Старуха словно ожила, ухватила за порогъ руками и зубами щелкаетъ, а молодая въ уголъ прижалась, и не плачетъ, а завываетъ дикимъ голосомъ... Уговаривали, уговаривали, словно не понимаютъ ничего, не слышатъ, а вѣдь идти-то, все-таки, надо.

Черных растерялся, какъ быть, не знаетъ, а горнистъ Шадринъ говоритъ:

— Я это, ваше благородіе, мигомъ обработаю!

Сговорились четверо, разомъ къ старухѣ подступили, на рукахъ ее вынесли, какъ ужъ она ни барахталась, на ишака усадили и привязали крѣпко; тронулись въ походъ, а молодая сама пошла сзади, да поодаль, какъ козленокъ за маткою.

Вернулись на стоянку уже глубокою ночью. Черныхъ бабъ въ свою землянку спрятали, а самъ пошелъ ночевать къ фельдфебелю. Къ утру старуха къ предкамъ отправилась: не выдержала, значить; а молодая осталась одна, на попеченіи нашего Вани.

Быстро разпелася вѣсть о «дорогой гостѣ» по лагерю. Всѣ знали, какъ строго запрещено было въ отрядѣ присутствіе «бабьяго элемента», и всѣхъ очень интересовалъ вопросъ: что будетъ дѣлать Черныхъ со своею находкою, и какъ генераль взглянетъ на такое исключительное обстоятельство? Надѣлъ Ваня форму, пошелъ докладывать: такъ и такъ, говорить:

— Знаю!—отвѣчаетъ генераль.

— Куда представить прикажете, ваше превосходительство?

— А выведите ее за цѣпь, и пусть идетъ съ Богомъ на всѣ четыре стороны!

— Ваше превосходительство! — задрожалъ голосъ у офицера.— Тамъ, вѣдь, степь... холодъ... ее волки съѣдятъ... Жилото мѣста, туземнаго, нѣтъ близко.

— Знаю!—отвѣтилъ генераль.

Говорить покойно, даже строго какъ будто, а у самого, замѣчаемъ мы, скула подергивается, не то расхохочется сейчасъ, не то вспылить, хоть святыхъ выноси... Это всегда уже такой признакъ, всѣмъ намъ давно извѣстный.

Жалко намъ стало... и товарища жалко, и ту дѣвочку... Сами понимаемъ, что на смерть обрекаетъ ее генеральскій приговоръ. Адъютантъ Балагановъ съ развязностью сунулся было адвокатствовать, исключительные резоны представлять началъ было, да только произнесъ:—ваше... Какъ генераль ему гаркнулъ:—Молчать! Не ваше дѣло!

Съ минуту всѣ помолчали.

— Ну, Черныхъ,—заговорилъ генераль,—держите ее пока у себя, не въ примѣръ прочимъ, до времени теплаго, или до подходящаго случая удобнаго, а тамъ видно будетъ...

Растерялся Ваня отъ такой неожиданности такъ, что даже руку поцѣловалъ у его превосходительства.

— А вотъ за это на лишнее дежурство. Распорядитесь, поручикъ Балагановъ!

Вышли мы, стали поздравлять Ваню, а тотъ и слышать не хочетъ; бѣгомъ пустился къ своему бивуаку и сейчасъ-же распоряженія сдѣлалъ. Много смѣялись въ отрядѣ надъ этими распоряженіями: такъ они были не то, что странны, а совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя бы, на мѣстѣ Вани, всякій другой сдѣлалъ бы. Во первыхъ, онъ вынесъ изъ своей землянки всѣ свои вещи, кромѣ постели и разнаго запаснаго теплаго платья, — землянку всецѣло предоставилъ въ распоряженіе своей новой жилищки, а самъ помѣстился около, въ палаткѣ которую уже солдатики, радѣя о своемъ ротномъ, окопали и для тепла укрыли сверху войлоками. Насчетъ продовольствія такой былъ данъ приказъ денщику, Гаврилѣ Краснову, чтобы три раза въ день приносилось и ставилось въ землянкѣ горячее кушанье и чай, но чтобы самъ Гаврило ничѣмъ не беспокоилъ и не пугалъ дѣвочку, а, молъ: «поставь и уходи съ Богомъ» — сама съѣстъ, какъ оглядится, да аппетитъ почувствуетъ. Самъ Ваня не подходилъ даже къ землянкѣ, обойти подальше всегда старался и другихъ просилъ не беспокоить, не любопытствовать.

— Что, красивая? — спрашивали, бывало, обладателя таинственной затворницы.

— А я почему знаю! Она, вѣдь, закрываетъ лицо... это у нихъ по закону такъ слѣдуетъ!

— Вѣдь, вотъ чудакъ! — удивлялись многіе, а больше всѣхъ поручикъ Балагановъ.

Долго-ли бы такъ тянулось, — не знаю, только денщикъ Гаврило Красновъ, старикъ почтенный и недурно говорившій по-татарски, не очень-то соблюдалъ приказъ своего барина, особенно, когда того дома не было. Понесетъ, бывало, ей «порцію», а самъ присядетъ у порога, разспрашивать начнетъ, ум-разуму учить, и мало-по-малу, недѣли въ двѣ, добился-таки и въ отвѣтъ слова. А первое слово, что первый шагъ, что возъ тяжелый съ мѣста двинуть, дальше уже само-собою дѣло сдѣлается.

Доложилъ барину: «такъ, молъ, и такъ — хомутъ, молъ, приняла, какъ дальше пойдетъ выѣздка?»

Сначала было упирался Ваня, Гаврилу даже выругалъ первый разъ въ жизни, а потомъ и самъ укладкою рискнулъ навѣдаться. Теплое время стало подходить, обжились оба... Разговоръ опять пошелъ между товарищами, намеки разные, только эти намеки Ваня остановилъ разомъ.

— Будетъ хорошо понимать по нашему, попривыкнетъ, сама своею волею пойдетъ, ладно тогда, а пока я ее и пальцемъ не трону!

Тутъ, неожиданно для всѣхъ, одобрилъ его майоръ Брутовъ, человѣкъ-циникъ, для котораго ничего святого не было, вѣчно пьяный, вѣчно съ сальнымъ словомъ на языкѣ; а тутъ вотъ подошелъ къ Ванѣ, хлопнулъ его по плечу и хриплымъ басомъ произнесъ:

— Это ты, бррратъ вѣрно, потому человѣкъ не скотина!..

Замѣтили мы, что Черныхъ сталъ на деньги скупъ, все, что ни получалъ, все въ казенный ящикъ клалъ на сбереженіе. Себѣ во всемъ сталъ отказывать... Что такое?

— А это, говорить, на случай, если она не захочетъ со мною оставаться—уйти, значить, къ своимъ пожелаетъ, такъ чтобы ее не съ пустыми руками отпустить. Все ей достанется!

— А тебѣ-то что же?

— А мнѣ, говорить, тогда уже ничего не нужно будетъ...

Такъ онъ эту фразу сказалъ, что у насъ и языкъ прилипъ, а майоръ Брутовъ даже самую тонкость понялъ, — подошелъ опять вплотную, пристально уставился своими оловянными глазами, крикнулъ:

— Ты, значить, ее въ лицо видѣлъ?

— Видѣлъ! — чуть слышно, потупясь, произнесъ Ваня и вспыхнулъ, словно вся кровь ему въ лицо бросилась...

Снѣгъ только растаявъ, земля пригрѣлась, ростокъ зеленый дала, а уже все дѣло перемѣнилось... Уже и мы всѣ прочіе стали заходить въ землянку; эта дѣвочка уже и къ намъ приглядѣлась; узнавала кое-кого, надъ Брутовымъ даже подшучивала, пѣсни пѣла по-своему и чаемъ насъ угощала... Ну, да и мы же всѣ ее баловали! Все, что было у кого изъ одежды лишняго, все ей тащили. Генераль самъ прислалъ ей халатъ шелковый, зеленый, и уборъ головной, бирюзовый, съ камнями цвѣтными... Только Ваня, все-таки, жилъ отдѣльно и заходилъ къ «Нурь-чашѣ» (такъ ее звали), какъ гость, наравнѣ съ прочими.

Пришлось нашему отряду сниматься съ позиціи и двинуться впередъ, переходовъ на десять. Нуръ-чашъ ѣхала въ арбѣ закрытой, съ обозомъ; а пришли на новое мѣсто, особенную палатку для нея поставили. Въ землянкахъ не было надобности: время уже настало теплое, и въ мѣста пришли жилища...

Молчитъ генераль, не напоминаетъ о высылкѣ. Понятно, что не нашлось никого, кто-бы захотѣлъ вывести его изъ этой забывчивости. Вотъ тутъ-то и разыгралась у меня съ Нуръ-чашъ такая исторія.

Дикарка узнала, что я рисую, и очень любила даже разсматривать мои альбомы, которые я ей охотно показывалъ. Особенно она засматривалась на пейзажи, зданія, рисунки разныхъ цвѣтовъ, утвари; но ее, видимо, смущали изображенія живыхъ существъ—она ихъ разсматривала жадно, со жгучимъ любопытствомъ, но вмѣстѣ и со страхомъ, и когда я спросилъ ее объ этомъ обстоятельстве, то она сначала нехотя, а потомъ, увлекаясь все болѣе и болѣе разговоромъ, сообщила, что по ихъ закону рисовать живыхъ — большой грѣхъ, страшный грѣхъ, навлекающій на рисовальщика большую отвѣтственность и наказаніе Божіе, а пуще на того, кто позволилъ съ себя рисовать свою добрую волю...

— Аллахъ, — рассказывала она, — только одинъ можетъ творить все живое. Онъ даетъ форму, онъ даетъ и душу этой формѣ, а ты развѣ можешь дать душу всему тому, что ты нарисовалъ въ своихъ снимкахъ? У всякаго изображенія живого, у всякой, значить, формы, душа есть, только вселиться она можетъ по волѣ Аллаха и ни по чьей больше, и вотъ ты нарисовалъ форму, а душа ея носится около, тоскуетъ, жалуется на тебя Аллаху и проситъ ее избавить отъ этого мученія; а избавить ее можетъ только смерть самого рисовальщика, виновника этой тоски, этихъ мученій. Но если кто самъ, по своей волѣ, позволить снять съ себя форму, то Аллахъ въ наказаніе отбираетъ отъ такого грѣшника половину его собственной души, а разрозненные половинки тоскуютъ вдвое и приносятъ наказанному одно только горе, однѣ неудачи въ жизни, однѣ несчастія.

Мнѣ въ первый разъ тогда пришлось слышать такое объясненіе. Потомъ я уже самъ убѣдился, что повѣрье это существуетъ у всѣхъ мусульманскихъ народовъ, въ большей или

меньшей силѣ, за исключеніемъ киргизовъ, которые вовсе не считаются добрыми мусульманами. Ни на фрескахъ мечетей, ни въ украшеніяхъ стѣнъ богатыхъ сакель мнѣ не приходилось видѣть изображеній живыхъ существъ, и богатые рисунки - орнаменты исключительно наполнялись только арабесками, цвѣтами, предметами утвари, а если и встрѣчались намеки на что-либо живое, какъ, напримѣръ, на бухарскихъ коврахъ, то это живое выражалось только въ очень слабомъ сходствѣ и совершенно видоизмѣнялось, принимая форму оригинального и замысловатаго орнамента.

Признаться, меня не особенно радовала и утѣшала философія Нуръ-чашъ. Я давно уже мечталъ о томъ, какъ я уговорю ее посидѣть два или три сеанса и нарисую это оригинальное, полное жизни и характера, румяное личико, съ чудными, черными, какъ уголь, глазами, съ этими бровями дугою, съ этимъ сочнымъ, чувственнымъ ртомъ, сверкавшимъ при улыбкѣ рядомъ превосходныхъ, бѣлыхъ, какъ слоновою костью, ровныхъ зубовъ...

Да и Ваня меня просилъ не разъ объ этомъ... Онъ все еще боялся спросить: согласна-ли Нуръ-чашъ быть его женою? Боялся отказа больше, чѣмъ смерти, и утѣшалъ себя надеждою — хоть портретъ ея имѣть, когда оригиналъ улетитъ, повинувшись своей собственной волѣ. Бѣдный Ваня! Онъ и не подозревалъ, что уже этой собственной воли не было у его Нуръ-чашъ, что она жила и дышала не своею, а его собственною волею и ждала только, когда наступитъ для нея этотъ блаженный часъ, въ который придетъ и возьметъ ее — ея повелитель.

Приступилъ я осторожно къ дѣлу, — началъ съ обвиняковъ, заходилъ, что называется, и справа, и слѣва, но едва только Нуръ-чашъ угадывала мое намѣреніе, то приходила въ такой ужасъ, что по три дня не могла даже видѣть меня безъ того, чтобы съ ней не случилось чего-то похожего, пожалуй, даже на истерику.

Пустился я на хитрость. Давъ съ недѣлю успокоиться, я опять началъ показывать ей свои альбомы и нарочно нарисовалъ предварительно нѣсколько драпировокъ и разныхъ уборовъ, но безъ лицъ и формъ тѣла. Ваня согласился помочь мнѣ въ моихъ планахъ, и уговорилъ Нуръ-чашъ какъ-то одѣться понаряднѣе и попросилъ гостей. Пришелъ и я. Понятно, что я

пришелъ въ восторгъ отъ ея убраства, и мы всѣ вмѣстѣ кое-какъ уговорили ее сидѣть смирно, только якобы для того, чтобы нарисовать исключительно ея серьги, ожерелье, налобникъ и прочія детали костюма. Она долго не соглашалась, она словно подозрѣвала мою хитрость; но къ общимъ просьбамъ присоединился Ваня, и она покорно согласилась, жалобно, просительно глядя на того, кого она считала своимъ повелителемъ, у кого взглядомъ просила теперь защиты и покровительства. Я рисовалъ поспѣшно, лихорадочно. Мало-по-малу черты ея лица переходили на бумагу; съ каждымъ прикосновеніемъ кисти эти черты оживлялись, сходство усиливалось, передавался даже исключительный характеръ выраженія ея въ эту минуту. Я былъ въ ударѣ. Я кончилъ и вдругъ торопливо вышелъ изъ палатки, захватя съ собою альбомъ. Я предвидѣлъ, что она захочетъ взглянуть, и мнѣ надо было выиграть время переменить альбомъ на другой, такой - же, гдѣ заранѣе приблизительно набросаны были только драпировки и украшенія моей невольной натурщицы. Когда я принесъ ей этотъ, уже подмѣненный рисунокъ, она пристально посмотрѣла на меня, покачала головою и грустно прошептала:

— Не надо... уйди... У меня теперь только половина души, другой нѣтъ... Она улетѣла. Я это чувствовала... Она тамъ теперь... и далеко...

И, заплакавъ, какъ ребенокъ, она легла на постель, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и накрылась съ головою халатомъ.

Съ этого дня, дѣйствительно, на насъ троихъ обрушилось одно тяжелое несчастіе. Нуръ - чашъ совершенно измѣнилась: ея веселость исчезла безъ слѣда, унеся съ собой и ея живой румянецъ, и ея симпатичную, заразительную улыбку. Ваня опустилъ носъ и захандрилъ невыносимо. У меня тоже неприятно зашевелилось нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти, и какъ я себя ни оправдывалъ, а все-таки дорого бы далъ за то, чтобы этого портрета не существовало вовсе. Но дѣло уже было сдѣлано, и поправить его оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы всѣ сначала думали. Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы не выручила насъ изъ бѣды иная сила, которая оказалась могучѣе силы вѣрованія, силы врожденныхъ, всосанныхъ съ молокомъ матери предразсудковъ.

Дни и ночи проводилъ бѣдный Ваня около своей тоскующей

и заболѣвшей не на шутку Нуръ-чашъ. Рѣдко ей удавалось засыпать, и эти сны сопровождались то тяжелыми, мучительными грезами, то грезами иного рода. И вотъ эти - то другія грезы и убѣдили нашего пуританина, что ему нечего уже бояться отказа, что любятъ его безгранично, безраздѣльно, что передъ этою любовью уже не стоитъ никакихъ перегородокъ, никакихъ препятствій. Но Черныхъ вбилъ себѣ въ голову, что не дотронется до нея иначе, какъ черезъ алтарь, а для этого надо было, чтобы Нуръ-чашъ рѣшилась креститься въ нашу вѣру. Когда, со всѣми предосторожностями, объявили ей объ этомъ, то она отвѣтила своему возлюбленному:

— Я твоя, и душа моя твоя, жаль только, что теперь одна половинка осталась!

— Только, — сообщилъ тутъ намъ отрядный докторъ: — вы поторопитесь, а то, вѣдь, эти психическія болѣзни, чортъ знаетъ, до какой степени доходятъ и большими пакостями кончаются... Вотъ, напримѣръ, возьмемъ хоть обезьяну въ нашемъ климатѣ...

— Вы-бы сравненіе-то получше выбрали! — брезгливо прервалъ его Ваня Черныхъ, и все-таки, не откладывая въ долгій ящикъ, отправился совѣщаться съ отцомъ Геннадіемъ, отряднымъ духовникомъ, — іеромонахомъ.

Черезъ недѣлю Нуръ-чашъ уже носила другое имя — Анастасіи, какъ неперемѣнно хотѣлъ Черныхъ, въ честь своей покойницы матери; а еще черезъ недѣлю мы лихо пировали на оригинальной военной свадьбѣ, гдѣ присутствовала только одна женщина, и то сама невѣста, гремѣли хоры пѣсенниковъ, и пускались въ плясъ всѣ, отъ самаго генерала до послѣдняго барабанщика. Майоръ Брутовъ былъ воспріемникомъ новообращенной, и, о дивное дѣло! Не выпилъ на свадьбѣ ни одной рюмки и велъ себя особенно чинно и торжественно, завѣряя всѣхъ, что, ради такого дорогого дня, онъ и совсѣмъ пить перестать намѣренъ. А отецъ Геннадій сумѣлъ убѣдить Нуръ-чашъ (виноватъ, Настеньку), что теперь и душа у нея новая, цѣльная, что эти разрозненные половинки были мусульманскія, ну, пусть онѣ тамъ гоняются другъ за другомъ, сколько имъ угодно, а молъ, нашъ, русскій Богъ, настоящій Богъ, далъ ей теперь такую душу, полную, да хорошую, какую онъ даетъ только своимъ самымъ любимымъ дитятамъ.

Теперь я уже совершенно свободно могъ рисовать Настю, сколько угодно, да и желающихъ имѣть ея портретъ было столько, что я едва успѣвалъ удовлетворять своихъ заказчиковъ. Но первый портретъ былъ, все-таки, самый удачный, и имъ завладѣлъ Ваня Черныхъ, сказавъ при этомъ:

— Ну, видишь, другъ... Вотъ! Одно слово... Понимаешь-ли... по гробъ!..

Тутъ онъ меня схватилъ обѣими руками и чуть не десять минутъ ломалъ и душилъ въ своихъ дружескихъ объятіяхъ.

СТРАШНОЕ МГНОВЕНІЕ.

(Изъ походныхъ записокъ линейца).

— Ваше благородіе, генераль къ себѣ требуетъ-съ!

Это было, по моему личному мнѣнію, совсѣмъ уже не кстати. Во-первыхъ, потому, что я уже очень усталъ за этотъ тяжелый, сорока-верстный переходъ, и снявъ съ себя походные сапоги, вытянувшись во всю длину на пестромъ тюркменскомъ гилымѣ (коврѣ), протянулъ руку къ стакану янтарнаго чая, разливать который, на всю нашу компанію, обязательно взялся юнкеръ Гузяковъ... Апетитъ мой, надобно замѣтить, настолько развился, что я намѣренъ былъ выпить, по-крайней мѣрѣ, шесть такихъ стакановъ... Во-вторыхъ, мы собирались до вечерней зари перекинуться направо и налево, и я слышалъ, какъ капитанъ Спѣлохватовъ говорилъ своему денщику: «ты, братъ, новыхъ-то картъ намъ не подсовывай; годятся пока и старыя, а новыя мы уже на Аму-Дарьѣ распечатаемъ»... А въ третьихъ... да мало-ли что въ-третьихъ было такого, что заставило меня не совсѣмъ ласково взглянуть на рыжебородаго казака уральца, проснувшаго свою изрытую оспою рожу между раздвинутыхъ полъ моей конической палатки.

— Эхъ, думаю, значить, надо одѣваться, напяливать ботфорты, въ которыхъ (такъ мнѣ казалось въ данную минуту) было по пуду вѣсу въ каждомъ, опоясываться.—Да, можетъ, не меня требуетъ генераль-то, не ошибся-ли ты?..—обратился я вслухъ къ казаку, и въ моей головѣ шевельнулась легкая тѣнь надежды.

— Никакъ нѣтъ; именно васъ требуютъ... такъ и сказали: поди, говорятъ, Данило, и позови кап...

— Ну, ладно, ладно... сейчас иду!..—тоскливо согласился я съ казакомъ Данилой. — Вы ужъ, господа, подождите меня немного!—отнесся я къ своимъ, болѣе счастливымъ товарищамъ.

— Подождемъ немного!—потянулся и зѣвнулъ поручикъ Усогрызовъ.

— А вы тамъ недолго! — сообщилъ мнѣ нашъ докторъ, намазывая себѣ на солдатскій сухарь паюсную икру изъ цилиндрической жестянки.

Онъ готовился *пропустить* объемистый серебряный стаканчикъ полынной, такъ и сверкавшій своею чеканкою на сѣрой суконной попонѣ, исправлявшей должность нашей походной скатерти.

— Мы безъ васъ пока начнемъ маленькую; я закладываю четвертную, не больше!—утѣшилъ меня Спѣлохватовъ, съ трескомъ тасуя карты.

„Солдаты весело живутъ,
Службу царскую несутъ“...

Доносился изъ коновязи голосъ хорового запѣвалы.

— Да, служба!—покорно вздохнулъ я, снарядившись, какъ слѣдуетъ, и шагнулъ за предѣлы моей палатки.

— Такъ ждите-же, господа!—крикнулъ я, приглядываясь въ эту знойную, дрожащую мглу: гдѣ-же это торчитъ ярко-красный съ семью большими звѣздами значокъ нашего генерала:

Вдоль по обоимъ берегамъ каменистой балки раскинулся нашъ отрядный бивуакъ. Группы солдатскихъ переносныхъ палаточекъ бѣлѣли на темно-коричневомъ, словно накаленномъ тонѣ почвы, правильными четверугольниками; длинные ряды составленныхъ въ козлы ружей окоймляли эти четверугольники съ лицевой стороны... У оружія, полудремля, чуть-чуть переступая, бродили съ ногъ до головы бѣлые линейцы-часовые. Изъ подъ палаточекъ, вышиною въ полтора аршина, не болѣе, торчали во всѣ стороны обутыя и необутыя ноги, слышался дюжій храпъ спящихъ... Тутъ-же, свернувшись клубкомъ, виднѣлись разношерстные жучки, полкашки, валетки, волчки,—неизбѣжные спутники всякаго военного отряда вообще и туркестанскаго въ особенности.

Понуривъ свои горбоносыя головы, не обращая даже вниманія на растрепанные передъ ними снопы сухого клевера, въ длинныхъ коновязяхъ стояли артиллерійскія лошади и лѣниво отмахивали хвостами докучливыхъ, невѣсть откуда летѣвшихъ мухъ и слѣпней. Изъ-за этихъ коновязей видѣлись ярко-зеленые зарядные ящики, а дальше сверкали на солнцѣ ярко вычищенные жерла мѣдныхъ орудій, и около нихъ опять тоже неизбежныя, клюющіе носомъ, усталые часовые.

Болѣе пестроты и движенія было въ казачьемъ лагерѣ, расположившемся нѣсколько на отлетѣ. Сотенные значки цвѣтными тряпками неподвижно висѣли въ знойномъ воздухѣ; тамъ и сямъ вились синеватые дымки, станки ракетныхъ батарей казались издали какими-то треногими пауками... Совсѣмъ уже дикою, до нельзя пестрой ордою расположились оборвыши туземные милиціонеры, а самое большое пространство, обрамленное конными и пѣшими пикетами, хватающее чуть не до самаго, терявшагося въ мгlistомъ туманѣ, горизонта, — занимали व्यючные обозы отряда, достигающіе численностью до трехъ тысячъ व्यючныхъ верблюдовъ, развьюченныхъ и уложенныхъ въ данную минуту безконечными рядами... Горбатыя животныя лежали на горячемъ пескѣ, вытянувъ длинныя шеи, пережевывая свою пѣнистую зеленоватую жвачку. Противъ нихъ, такими-же правильными рядами сложены были тюки съ фуражемъ, провіантомъ, войлочными кибитками, солдатскимъ имуществомъ и прочимъ подобнымъ скарбомъ.

Мѣшковатые, неуклюжіе лаучи (верблюдовожатые) бродили между своими животными, подкладывали имъ подъ морды саманъ (рубленую солому), осматривали на досугѣ व्यючныя сѣдла — и искоса, недружелюбно поглядывали на сторожевыхъ казаковъ, охватившихъ весь обозный бивуакъ своею живою цѣпью.

Не разъ уже случалось, что лаучи уходили отъ отрядовъ угоняли съ собою верблюдовъ, оставляя отрядъ въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Неизбѣжная и продолжительная остановка движенія посреди мертвой, бесплодной степи слишкомъ давала себя чувствовать, чтобы не научить насъ поменьше довѣряться этимъ косоглазымъ степнякамъ, сроднымъ по всему нашимъ противникамъ и потому невольно имъ симпатизирующимъ. Теперь уже какъ лаучи, такъ и व्यючные верблюды, ни на минуту не выходили изъ подъ самого зоркаго присмотра.

Самое-же большое оживленіе царствовало у колодцевъ, по близости которыхъ расположились солдатскія кухни. Густой черный дымъ стлался надъ ложиною; гарью и саломъ несло оттуда; уныло мычали быки, предназначенные на убой... Русскій и туземный говоръ и пѣсни слышались въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ звуковъ.

— Сюда, ваше благородіе, сюда!—торопилъ меня уралецъ-казакъ, мой проводникъ. — Сюда пожалуйста, тамъ обозы, далеко обходить придется!

И я покорно шелъ за нимъ, шагая черезъ растянутыя на полъ-аршина отъ земли веревки свѣтло-зеленыхъ, ярко-красныхъ, бѣлыхъ, пестрыхъ, полосатыхъ, коническихъ, цилиндрическихъ, кубообразныхъ, круглыхъ, однимъ словомъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ—палатокъ.

Большая кибитка изъ бѣлаго войлока, подбитая снизу краснымъ сукномъ, стояла какъ-то на отлѣтѣ: мѣсто вокругъ нея было значительно просторнѣе, чѣмъ вокругъ остальныхъ кибитокъ. Двое часовыхъ ходили передъ входомъ. У кибитки стоялъ на длинномъ древкѣ большой значокъ, именно тотъ самый, съ семью бѣлыми звѣздами, расположенными въ видѣ созвѣздія большой медвѣдицы. Эта и была генеральская кибитка.

Подойдя ближе, я замѣтилъ оригинальную группу въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отъ кибитки лежала на песокъ полу-круглая синеватая тѣнь.

Нѣсколько человѣкъ, полуголыхъ, на израненномъ тѣлѣ которыхъ остатки одежды висѣли грязными, окровавленными тряпками, съ какими-то пепельно-блѣдными, искаженными страхомъ и ожиданіемъ лицами, сидѣли на корточкахъ, связанные попарно, подъ конвоемъ двухъ или трехъ казаковъ, опершихся на свои танеровскія винтовки. Это были плѣнные хивинцы, пойманные нашими развѣздами по близости лагеря... Несчастные нечаянно наткнулись на закрытый казачій секретъ и заплатились свободою за свою оплошность.

Съ нихъ только-что былъ снятъ допросъ, въ результатъ котораго, какъ я узналъ впоследствии, и оказалась попытка за мною, такъ не кстати прервавшая мой кейфъ.

Генералъ сидѣлъ на складномъ табуретѣ, спиною ко мнѣ, и что-то писалъ. Я задѣлъ нечаянно шпорою за коверъ, по-

тянулъ его, опрокинулъ что-то и, вообще, надѣлалъ шуму своимъ появленіемъ.

— А, это вы?—обернулся немного генераль.

— Ваше превосходительство изволили...

— Звалъ, звалъ.—Садитесь пока; я сейчасъ кончу!

Онъ кивнулъ мнѣ на другой складной стулъ и занялся своимъ дѣломъ, казалось, вовсе не обращая вниманіе на мое присутствіе.

Ждалъ я четверть часа, наконецъ, полчаса... часъ даже. Меня начала одолѣвать самая неотвязная дремота.

И вотъ заходили передъ моими глазами и заволновались всѣ предметы, наполнившіе внутренность кибитки: походная кровать, прикрытая ковромъ, начала подниматься то однимъ концомъ, то другимъ: она колыхалась, какъ шляпка по волнамъ... Заскакалъ на одномъ мѣстѣ серебряный умывальный приборъ; туманомъ застало свѣтлый четырехугольникъ зеркала. Широкая генеральская спина съ перетянутыми на крестъ шелковыми подтяжками (генераль былъ безъ сюртука) стала разползаться все шире и шире... вотъ она заняла уже почти всю кибитку... «Постойте... куда-же мнѣ дѣваться?! Я, ваше превосходительство, сейчасъ... я сейчасъ...», а генеральское перо такъ и трещитъ, такъ и скрипитъ по бумагѣ трр... трр... трр...

— Э... гм!...—громко откашлялся генераль.

— Ваше превосходительство!..—шарахнулся я со стула.

— А! Вы, вѣрно, устали... Ну, это ничего. Вы будете имѣть часа четыре отдыха передъ исполненіемъ моего порученія!

— Я готовъ, ваше превосходительство...—побравировалъ было я.

— Нѣтъ, отдохните. Вамъ предстоитъ трудная и не безопасная прогулка!

Генераль всталъ, прошелся раза два по кибиткѣ и произнесъ,—а, дѣйствительно, припекаетъ!

— Вотъ эти конверты—ихъ два вы отвезете полковнику А. въ передовой отрядъ... Онъ, какъ вы знаете, впереди насъ на одинъ переходъ, въ разстояніи... въ разстояніи... А Богъ его знаетъ, въ какомъ это разстояніи, однимъ словомъ, вы постарайтесь въ ночь добраться туда и поспѣть прежде, чѣмъ онъ снимется съ ночлега... Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство...—пробормоталъ я.

Вѣроятно, въ моемъ голосѣ зазвучало что-нибудь подозрительное, потому что генераль внимательно посмотрѣлъ на меня и добавилъ:

— Темнота почи васъ прикроетъ... Это не такъ опасно, какъ кажется съ перваго взгляда; къ тому-же, у васъ такая прекрасная лошадь: кровный тюркмень, кажется?

— Да, ваше превосходительство, т. е. оно не-то, чтобы кровный...

— На прошлогодней скачкѣ она замѣтно выдѣлялась... Вы взяли первый призъ?

— Да-съ, но теперь какъ будто что-то на лѣвую ногу жалуется! — заговорилъ я въ минорномъ тонѣ; но генераль, кажется, не обратилъ вниманія на это обстоятельство.

— Такъ вотъ вы поѣдете... Направленіе вамъ извѣстно, а что касается до подробностей пути, то такой отрядъ не могъ пройти по голой степи, не оставивъ за собою замѣтныхъ слѣдовъ, а проводники (да ихъ кстати и нѣтъ вовсе) вамъ не понадобятся.

— А въ случаѣ,—если?..—началъ было я, и холодный потъ проступилъ у меня подъ рубашкою отъ одного только предположенія «этого случая».

— Вы поѣдете съ закатомъ солнца. До свиданья... счастливаго пути!.. Донесите мнѣ о часѣ и даже минутѣ вашего отъѣзда!

Молча я взялъ оба полновѣсные конверта, повертѣлъ ихъ въ рукахъ, поклонился и вышелъ. Не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ услышалъ за собою генеральскій голосъ; онъ громко и отчетливо произносилъ мою фамилію. Я обернулся. Генераль высунулся изъ кибитки и звалъ меня. Часовые отхватили подходящій къ случаю ружейный приѣмъ и замерли на мѣстѣ. Плѣнные хивинцы тоскливо начали переглядываться.

— Мнѣ необходимо, чтобы эти конверты своевременно попали въ руки полковника А. И понятно, что вы ничего не проиграете по службѣ, если... Ну, Господь съ вами!

И генераль, тронулъ меня по плечу, скрылся въ своей кибиткѣ.

Послѣдній намекъ былъ для меня тоже очень понятенъ, и, признаться, духъ честолюбія заглушилъ на мгновеніе ту—не

то, чтобы робость, а что-то весьма похожее, что испытывалъ я, взвѣсивая всѣ хорошіе и дурные шансы предстоявшей мнѣ поѣздки.

Приѣдя къ себѣ домой, я первымъ долгомъ завалился спать; я хотѣлъ подкрѣпить себя сномъ передъ безсонною ночью. Товарищи, узнавъ, зачѣмъ меня требовалъ генералъ, не беспокоили меня ни предложеніемъ карточки, ни чѣмъ другимъ, болѣе или менѣе соблазнительнымъ; только сосѣдь мой артиллеристъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— А знаешь, что?! Ты на всякій случай часы и бумажникъ оставь здѣсь, зачѣмъ имъ пропадать даромъ?

Но, вѣроятно, я посмотрѣлъ на него за это такимъ волкомъ, что онъ поспѣшилъ отретироваться, бормоча:

— Да вѣдь что-же, я не съ какою-либо корыстною цѣлью а досадно, если такая хорошая вещь попадетъ въ руки этой косоглазой сволочи!

— Да съ чего ты это взялъ, что я непременно попадусь, а не проскачу благополучно?—крикнулъ я на всю палатку, обернулся къ стѣнкѣ и завернулся въ простыню съ головою.

Медленно опускалось въ густую туманную полосу багровое, словно расплавленный чугунокъ, солнце. Этотъ кровавый дискъ казался громаденъ; онъ былъ безъ лучей, и отъ него по степи разливался матовый красный свѣтъ, скользя по вершинамъ камней, по гребнямъ и остріямъ палатокъ, сверкая на остріяхъ пикъ, частоколомъ воткнутыхъ въ землю за казачьими коновязями, на кончикахъ штыковъ пѣхотныхъ ружейныхъ козель. Глухой, унылый ревъ подняли обозные верблюды; теперь пришелъ ихъ чередъ къ водопою, и ихъ вели къ колодцамъ длинными вереницами.

Осторожно пробрался я мимо солдатскихъ палаточекъ и скоро выѣхалъ на просторъ, миновалъ послѣднія пары часовыхъ въ цѣпи. Нашъ лагерь остался сзади — и съ каждымъ шагомъ моего коня все стихали, замирая въ ночномъ воздухѣ, его разнообразныя звуки.

Скоро перестали долетать до меня и эти замирающіе отголоски. Мертвая, тоскливая тишина охватила меня кругомъ... эта страшная, давящая душу, наводящая суевѣрный ужасъ тишина пустыни.

Разъ-два, разъ-два, разъ-два... отчетливо щелкалъ своими плоскими тюркменскими подковами мой Орликъ. Та-та, та-та, та-та, та-та сѣменили тропотой моштаки двухъ казаковъ-уральцевъ, Богъ-вѣсть, по какому вдохновенію навязанныхъ мнѣ въ бесполезный конвой.

Съ двойнымъ чувствомъ посматривалъ я на этихъ коренастыхъ, обросшихъ бородами парней, безпечно согнувшихъ на своихъ высокихъ сѣдлахъ. Я былъ и доволенъ ихъ присутствіемъ, и нѣтъ: доволенъ потому, что все не одинъ въ этой мертвой степи, все есть хоть съ кѣмъ-нибудь переброситься словомъ; за то на меня находило и другое скверное чувство: я посматривалъ на этихъ толстоногихъ, откормленныхъ лошадокъ, неутомимыхъ на продолжительномъ тихомъ бѣгу, но далеко не быстрыхъ на-короткѣ. Что если мы наткнемся на какую-нибудь партію хищниковъ?.. Что пустякъ для моего тюркмена—то положительно немыслимо для нихъ. Мнѣ представляется въ этомъ случаѣ выборъ: или гибнуть вмѣстѣ съ этими двумя казаками, или бросить ихъ на произволъ судьбы и спастись самому. Долгъ службы обязывалъ меня сдѣлать послѣднее, честь требовала перваго.

— И какъ это я не догадался просить, чтобы меня уволили отъ этого бесполезнаго конвоя?..—досадовалъ я самъ на себя и вымѣщалъ эту досаду, натискивая слегка шпорами бока моего Орлика.

Передъ мною разстилалось небольшое пространство, задернутое туманною ночью мглою. Горизонтъ исчезалъ, сливаясь съ небомъ въ этомъ туманѣ. Чуть-чуть мерцала высоко звѣзда. Какой-то странный молочный, фосфорическій свѣтъ дрожалъ надъ каменистою поверхностью степи, усѣянной кое-гдѣ сухою, колючею растительностью, годной только развѣ на одно топливо. Даже неприхотливый верблюдъ — и тотъ пренебрегаетъ этою флорою, не рискуя наколоть свои губы и языкъ, защищенные, между прочимъ, такою жесткою шероховатою кожей, объ которую способна ломаться и тушиться даже обыкновенная англійская иглозка.

— А что я вамъ доложу, ваше благородіе?—подогналъ поближе ко мнѣ одинъ изъ казаковъ.

— А что?

— Хорошо, таперичи вотъ что, очень это было-бы при-

красно... Коли-бы ежели взять по лоскутку кошмы, да подвѣ-
зать подковы конямъ снизу; важно было бы!

— Это зачѣмъ? — спросилъ я и тотчасъ же сообразилъ,
что сказалъ глупость.

— Теперь... темно, значить, не видно; иначе тихо, и
потому далеко слышно! — принялся объяснять мнѣ уралецъ, уди-
вляясь, вѣроятно, какъ, молъ, этакое пустякъ я не понимаю. —
Теперь, если мы подвѣжемъ кошкемъ, пойдемъ мы, ровно кошки,
самымъ неслышнымъ шагомъ!

— Дѣло! — согласился я, и мы всѣ трое остановились,
чтобы привести въ исполненіе предложенный планъ.

Болѣе получаса употребили мы, пока снова тронулись въ
путь и, какъ оказалось, потратили совершенно бесполезно до-
рогое ночное время. Сначала пошло отлично... мы даже сами
не слышали шаговъ своихъ коней, неслышно ступавшихъ въ
своихъ мягкихъ башмакахъ, но, увы, это было не надолго...
Не прошли мы и трехъ верстъ по этому каменистому грунту,
какъ снова послышалось знакомое бряканье... сперва из-
рѣдка, потомъ все чаще и чаще... Импровизованная конская
обувь пришла въ полную негодность гораздо скорѣе, чѣмъ мы
предполагали.

Плюнули мы, освободили щиколотки нашихъ лошадей отъ
обрывковъ войлока и поѣхали дальше, безцеремонно оглашая
степь мѣрнымъ шелканьемъ двѣнадцати подковъ.

Фррр!.. вылетѣла изъ-подъ самага носа моего коня какая-
то птица... Дрогнувъ Орликъ, запрялъ ушами и попятился.

— Тсъ!.. Ваше благородіе, а ваше благородіе! — шепталъ
сзади тревожный голосъ.

Я и самъ замѣтилъ вправо отъ дороги что-то подозри-
тельное... Какая-то темная масса громадныхъ размѣровъ и со-
вершенно неопредѣленныхъ очертаній двигалась на насъ; по
крайней мѣрѣ, мнѣ ясно казалось, что она двигается... Около
поя, то отдѣляясь, то сливаясь вмѣстѣ съ нею, виднѣлись дру-
гія темныя пятна меньшихъ размѣровъ... Красноватая точки
искрились во мракѣ, глухое, злобное ворчаніе и повизгиваніе
дало намъ понять, въ чемъ дѣло. Это волки теребили павшаго
верблюда. Туманъ увеличилъ размѣры тѣхъ и другихъ; мелкіе
степные волки казались съ добрую лошадь — трупъ верблюда
не меньше киргизской кибитки.

— Ахъ, вы, стервецы!—брякнулъ казакъ.

— Ну, чалки, небось! Не заѣдятъ, поштрели-те въ пузо!—ободрилъ своего коня другой.

Подался въ сторону мой Орликъ и бочкомъ, косясь направо, прошелъ мимо волковъ, отбѣжавшихъ въ сторону и оставившихъ на минуту свой ужинъ.

— Мы на хорошей дорогѣ,—замѣтилъ я,—вонъ еще виднѣется какая-то падалъ! Здѣсь шелъ отрядъ... Вонъ и слѣды орудійныхъ колесъ, глубоко врѣзавшіеся тамъ, гдѣ мѣстность была песчанѣе и рыхлѣе.

— Не собьемся!—утѣшалъ меня казакъ.—Чу-косъ!

Опять какой-то странный шумъ слышался спереди... Теперь это топотали десятки конскихъ ногъ, и этотъ грозный топотъ медленно двигался намъ навстрѣчу.

— Господи, благослови!—шепталъ казакъ и снялъ съ плеча винтовку.

— Спѣшиться надо!—посоветовалъ другой, тоже освобождая свое оружіе.

За моими плечами висѣла короткоствольная англійская двухстволка, заряженная охотничьей картечью; я всегда предпочиталъ эти заряды пулямъ... Все вѣрнѣй какъ-то! Я поспѣшно взвелъ курки, повернулъ коня и сталъ всматриваться въ темноту.

Темная группа, очевидно, конная, осторожно шла намъ навстрѣчу.

— Подожди, не стрѣляй!—шепталъ казакъ своему товарищу.—Кто ихъ знаетъ, можетъ, свои, такъ вотъ, какъ и мы...

— Хивинцы!—шепнулъ другой, прицѣливаясь.

Орликъ вытянулъ шею, фыркнулъ и громко заржалъ.

— Попались!—подумалъ было я и приготовился къ схваткѣ.

Во всѣ стороны шарахнулись мнимые всадники и большими прыжками скрылись въ темнотѣ.

— Сайгаки!—невольно крикнулъ казакъ.

— Ахъ, волкъ ты заѣшь! А я было испужался! — произнесъ тотъ, кто увѣрялъ, что это были хивинцы.

Часа два мы ѣхали спокойно, послѣ этой маленькой тревоги и, по моему расчету, должны были сдѣлать навѣрное болѣе тридцати верстъ отъ нашего лагеря. Мой Орликъ шелъ

ходкимъ проѣздомъ, тѣмъ оригинальнымъ смѣшаннымъ аллюромъ, которымъ обыкновенно барантаци наѣзжаютъ своихъ лошадей. Проѣздъ не утомляетъ коня, чрезвычайно покоенъ для всадника и настолько быстръ, что непривычная къ этому ходу лошадь только рысью можетъ поспѣвать за конемъ, идущимъ этимъ ходомъ.

Мой туркменъ, казалось, нисколько не былъ утомленъ, онъ весело потряхивалъ своею сухою головою, шелестилъ подвѣсками и амулетами, украшавшими уздечку туземнаго образца. Легкій, предразсвѣтный вѣтеръ такъ пріятно пробирался подъ складки моего плаща, освѣжая эту душную, тяжелую ночную атмосферу. Даже казачьи моштаки, тоже, повидимому, нисколько не уставшіе, шли бодро, хватая другъ друга зубами за загривки, едва только казакъ отпускалъ вольнѣе ременный поводъ. Все шло очень хорошо, все предвѣщало полный успѣхъ нашей поѣздки.

Что это... Никакъ зарево бивуачныхъ костровъ?.. — Вонъ вспыхиваетъ легонько и тонкою свѣтлою полоскою тянется по горизонту... Нѣтъ, это утренняя заря... Близокъ разсвѣтъ. Утро скоро наступитъ и разгонитъ спасительную темноту, а передового отряда и не слышно, и не видно. Гдѣ-же онъ? — Неужели мы сбились съ дороги? Нѣтъ, не сбились, мы на «хорошемъ пути» (какъ сказалъ казакъ). Стоить только нагнуться, чтобы видѣть безчисленные слѣды пѣшихъ и конныхъ, широко расплзающіеся двойные слѣды верблюдовъ, борозды, колеи... Все, все говоритъ, что отрядъ шелъ здѣсь, именно по той самой дорогѣ, по которой бѣгутъ наши кони, которыхъ мы не на шутку принялись подгонять легонькими ударами нагаекъ и толчками шпоръ въ ихъ замаслившіеся бока, перетянутые сѣдельными подпругами.

Углы обоихъ конвертовъ, которые я засунулъ за пазуху рубахи, все время меня ужасно беспокоили; я ихъ переключивалъ то направо, то налево, прихватывалъ поясомъ; казалось: черезъ минуту-двѣ опять начинается беспокойное поталкиваніе.

— И какъ это я сразу не догадался! — подумалъ я, поспѣшно отстегнувъ сѣдельную кожаную сумку на потникъ, предназначавшуюся собственно для запасныхъ подковъ, и сунулъ бумаги.

— Тутъ много будетъ способнѣй, — замѣтилъ казакъ мой маневръ, — отсюда ни въ жисть не вывалются!

„Сп-идитъ беркутъ на курганъ.
Зорко на степь онъ глядитъ...“

Замурлыкалъ какую-то пѣсню.

„Онъ глядитъ на ту дорогу...“

Подтянулъ ему товарищъ.

Быстро начало свѣтать. Колыхнулся туманъ отъ свѣжаго вѣтра; дымчатыми волнами погнало его этимъ самымъ вѣтромъ; мало-по-малу развертывался передъ глазами безконечный горизонтъ. Легкіе миражи голубоватыми силуэтами рисовались на золотистомъ, свѣтломъ - разсвѣтломъ фонѣ. Засверкала окраина солнечнаго диска, и потянулись отъ коней и всадниковъ длинныя, безконечно въ степь убѣгающія, тѣни.

— Много, чортъ ихъ дери, за день проперли! — замѣтилъ казакъ, прервавшій свою пѣсню о беркутѣ.

Это сердитое замѣчаніе относилось къ передовому отряду, до котораго мы никакъ не могли добраться... Отрядъ этотъ дѣйствительно находился *только въ одномъ переходѣ*, — но въ какомъ? Въ такомъ, который можетъ совершить развѣ только туркестанскій отрядъ, гдѣ люди, какъ кажется, заразились отъ верблюдовъ терпѣніемъ, силою и выносливостью.

— Теперь дѣло дрянъ, это точно ужъ! — шепотомъ заговорили сзади меня.

— Это, братъ, ужъ не сайгаки...

— Человѣкъ двадцать будетъ?

— Больше!..

— Пронеси, Господь!.. Ваше благородіе!..

— Вижу, братъ, авось проберемся! — подбодрилъ я казаковъ, а у самого сжалось сердце, и въ мозгу заворочались гяжелыя мысли.

Вереница красныхъ точекъ подвигалась въ сторонѣ, пересѣкая нашу дорогу. Въ свой бинокль я ясно различалъ масти лошадей и вооруженіе всадниковъ... это были «не наши».

Круглые металлическіе щиты сверкали за спинами джигитовъ, куда кто-нибудь изъ нихъ поворачивался задомъ къ солнцу... Тюркмены, должно-быть, не замѣчали насъ — да это

имъ было довольно трудно, потому что мы пробирались ложиною въ тѣни, между тѣмъ какъ они шли по гребнямъ наносныхъ песчаныхъ бугровъ, ярко освѣщенныхъ косыми лучами утренняго солнца.

Эта спасительная лощина, въ которую мы попали, тянулась на далекое разстояніе, наискось къ направленію нашего пути. Не выходя изъ нея, мы не должны были слишкомъ много уклоняться отъ нашей дороги, и потому мы рѣшились отнюдь не оставлять этой лощины, рассчитывая выиграть этимъ время у нашихъ враговъ. Если мы попадемъ прежде на точку пересѣченія лощины съ тѣмъ путемъ, по которому шли тюркмены, то еще не все потеряно.

Я пустилъ казаковъ впередъ, такъ какъ мнѣ приходилось соображать бѣгъ своего коня съ ихъ бѣгомъ, и уральцы, пригнувшись къ самымъ шеямъ коней, понеслись во всю прыть своихъ моштаконъ, погоняя ихъ увѣсистыми ударами ремешныхъ нагаекъ... Я пошелъ за ними сдержаннымъ галопомъ, зорко оберегая правую сторону, — ту сторону, откуда могли показаться на перерѣзъ идущіе намъ барантаци.

Минутъ пятнадцать скакали мы такимъ образомъ. Лощина кончилась; мы вынеслись на открытое мѣсто.

Дикій крикъ и какое-то волчье завываніе привѣтствовало наше появленіе. Непріятельскіе наѣзтники рассказали и пустились за нами, какъ борзые за зайцами.

— Не уйти!..—тоскливо поглядывалъ назадъ казакъ.

— Богъ милостивъ!—совершенно впрочемъ безнадежнымъ тономъ бормоталъ другой.

Я видѣлъ, насколько лучше скакали лошади преслѣдователей. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, становилось все меньше и меньше... Вотъ они наѣдаютъ... Я слышу уже фырканье лошадей и торопливый, задыхающійся на скаку говоръ.

— А! Вотъ оно что!.. Берегись!..

Жалобно пропѣла оперенная тростинка съ острымъ, гвоздеобразнымъ наконечникомъ... Другая стрѣла опередила меня слѣва, врѣзалась въ песокъ и переломилась.

Мы выскакали на вершину скалистаго кургана.

— Стой, братъ, все равно, не уйти!—рѣшительно осадилъ уралецъ своего моштаконъ и соскочилъ на землю.

Мгновеніе—и оба казака были пѣшкомъ, пустивъ своихъ запыхавшихся коней вольно, на длинные чумбурь.

Я одинъ остался верхомъ. Орликъ горячился и рвался впередъ. Его смущало это гибанье, несущееся намъ навстрѣчу.

Замѣтивъ нашъ маневръ, туркмены тоже остановились и окружили нашъ курганъ. Они хорошо знали превосходство нашего оружія, чтобы рискнуть прямо броситься въ атаку, когда увидѣли передъ собою уже не бѣглецовъ, а людей, приготовившихся къ отчаянной оборонѣ.

Они шагомъ ѣздили вокругъ барнака, придерживаясь сдержаннѣе почтительнаго отдаленія. Сложивъ трубою у рта руки, они посылали намъ самую унижительную, по ихъ мнѣнію, брань и грозили издали своими длинными, гибкими, какъ трость, пиками.

Я насчиталъ двадцать лошадей и восемнадцать всадниковъ, потому что двое изъ нихъ были, что называется, о дву-конь, т. е., сидя на одной, держали другую въ поводу. По всемъ признакамъ, это были *рыскачи* изъ шаекъ Садыка.

Солнце поднималось все выше и выше; мы начали чувствовать жажду. Солнечный жаръ могъ утомить и измучить насъ и нашихъ коней больше, чѣмъ движеніе. Выжидательное положеніе, въ которомъ мы находились, становилось невыносимо.

— Ваше благородіе!—окликнулъ меня казакъ.

— Что? — отозвался я, не поворачиваясь къ нему и не спуская глазъ съ высокаго молодца въ остроконечной войлочной шапкѣ, такъ и вертѣвшагося на поджаромъ бѣломъ конѣ передъ прицѣломъ моей двухстволки.

Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось влѣпить въ него зарядъ картечи изъ одного ствола! Трудно было мнѣ удержаться отъ этого соблазна.

— Вонъ курганъ синѣетъ... вершина у него, словно спина верблюжья, двойнымъ горбомъ выходитъ... Тамъ онъ и есть!

— Что? Тамъ есть?

— Отрядъ... мнѣ арбакешъ киргизинъ сказывалъ вчера... говорить: энти родники подъ курганомъ, у котораго гребень раздвоенный... Ну, вотъ онъ самый раздвоенный и есть!

Очень могло быть, да даже и дѣйствительно не могло быть иначе, что отрядъ находился отъ насъ близко, верстъ восемь, не больше. Разстояніе, которое мой Орликъ проскакалъ-бы въ полчаса, даже менѣе — минутъ въ двадцать... Эхъ! Не попытаться-ли? — мелькнуло у меня въ головѣ.

— Намъ долго сидѣть всѣмъ не приходится; можетъ, къ нимъ еще народъ подойдетъ, тогда плохо будетъ! — говорилъ опытный уралецъ. — На своихъ коняхъ намъ тоже не уйти, а вы на своемъ, пожалуй, и уйдете... Гоните въ лагерь, а мы ужъ отсидимся, дастъ Богъ, коли скоро на выручку къ намъ вышлите!

Я не могъ не убѣдиться въ неотразимости предложенія уральца; отъ него такъ и вѣяло обдуманностью и здравымъ смысломъ. Бумаги должны быть утромъ у полковника — это необходимо... Значитъ, надо было оставить казаковъ отсиживаться и возложить всю надежду на быстроту Орлика.

Я слѣзъ, opravилъ сѣдло, протеръ коню ноздри платкомъ, намоченнымъ въ водѣ, поправился самъ и сѣлъ въ сѣдло...

Маневръ мой, должно-быть, былъ понятъ тюркменами, потому что они заволновались и стали стягиваться къ той сторонѣ, съ которой, по мнѣнiю ихъ, я долженъ былъ пуститься.

А казаки межъ тѣмъ стреножили коней, положили ихъ и, прислонившись спинами другъ къ другу, приготовились отсиживаться.

— Ну, Орликъ, выноси! — гикнулъ я. — Помогай вамъ Богъ! — обернулся я на мгновенiе къ казакамъ и далъ коню волю.

Орликъ прыгнулъ, какъ дикая коза, заложилъ назадъ уши и ринулся впередъ. Вдругъ что-то щелкнуло о его крупъ; онъ присѣлъ; мнѣ показалось, что онъ спотыкнулся на заднюю ногу, — однако, оправился и поскакалъ.

Выстрѣлы моей двухстволки, направленные почти въ упоръ въ эти скуластыя, уродливыя рожи, загородившiя мнѣ дорогу, расчистили путь. Тонкое острiе тюркменской пики задѣло меня слегка въ бокъ и разорвало рубаху.

— Выноси, Орликъ, выноси! — шепталъ я на ухо своему скакуну. Слыша за собою вытье преслѣдователей, нѣсколько разъ я оборачивался. Мнѣ казалось, что вотъ - вотъ пихнетъ меня въ спину что-нибудь острое, — и каждый разъ, когда мнѣ приходилось взглянуть назадъ, я не безъ удовольствiя замѣчалъ, какъ все болѣе и болѣе растягивался промежутокъ между мною и тюркменами.

Но вотъ мой Орликъ сталъ ослабѣвать, я чувствовалъ, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становились его скачки; я чувствовалъ,

какъ рѣзкій свистъ вѣтра, несшійся мнѣ навстрѣчу, становился все тише и тише... и снова громче раздавались страшные крики сзади.

— Неужели лошадь слабѣетъ, неужели она утомляется? Но этого не могло быть! Я зналъ свойства своего коня... А!.. Что это? Рука моя вся въ крови; я погладилъ по крупу коня, и вотъ моя рука стала красная, смокъ даже рукавъ моей рубахи. Бѣдный Орликъ! Онъ ослабѣлъ не отъ бѣга... его сломила потеря крови. Онъ раненый неся все это время — и по его слѣдамъ, на горячемъ пескѣ оставались красныя кровавыя пятна.

А вѣдь уже немного... Вотъ уже ясно очерчиваются *Верблюжьи Горбы*; черныя точки мелькаютъ впереди: никакъ наши бѣлыя рубахи мелькнули.

Вдругъ Орликъ остановился, присѣлъ назадъ и запнулся... Выхвативъ револьверъ, я соскочилъ съ сѣдла — и въ то же мгновеніе былъ сбитъ съ ногъ наскочившими на меня лошадьми.

Я ничего больше не помнилъ.

Сопѣнье, храпъ, тупой ударъ по темени, какая-то отвратительная вонь и рѣзкая, колющая боль въ боку... вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Голова у меня болѣла невыносимо, тупо, и въ ушахъ стоялъ непрерывный гулъ: лѣвой руки я почти не чувствовалъ вовсе. Я испытывалъ то ощущеніе, когда, что называется, отлежишь руку; острые покалыванія перебѣгали въ пальцахъ и по всей ладони. Но болѣе всего страданій доставляли мнѣ щиколотки ногъ; онѣ были такъ усердно перевязаны тонкою волосною веревкою, что арканъ перетеръ уже давно кожу и, весь окровавленный, все дальше и дальше врѣзывался въ мясо, производя рѣжущую жгучую боль, отъ которой я, вѣроятно, и началъ приходить въ чувство...

Меня сильно покачивало; чья-то рука придерживала меня за поясъ, кругомъ фыркали и топали лошади, слышался неясный гортанный говоръ... Вотъ выстрѣлы — одинъ, другой, третій... пѣлая перестрѣлка доносилась откуда-то очень въдалека... Стихла... Опять началась еще дальше.

— Уйдемъ, уйдемъ, береги только конскую прыть... уйдемъ! — ободрительно, не громко, говоритъ голосъ близко около меня, это произнесъ, какъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, геть,

чья рука придерживала меня за сѣдломъ въ такомъ неудобномъ положеніи... Фраза эта была произнесена незнакомымъ голосомъ, не русскимъ языкомъ и ничего ее имѣла для меня утѣшительнаго.

Фраза эта дала мнѣ почувствовать: во-первыхъ, что я въ плѣну, а во-вторыхъ, что нѣтъ уже надежды на избавленіе... Они уходятъ, значить, ихъ не догонять, а догонять могли только наши русскіе—русскіе, вѣроятно, тѣ самые, которыхъ я видѣлъ вдали, падая вмѣстѣ съ своимъ Орликомъ.

Дышать тяжело... воздуху нѣтъ! Хоть-бы голову мою кто-нибудь поддерживалъ въ болѣе удобномъ положеніи; мнѣ казалось, что она слишкомъ уже безнадежно висѣла на безсильной, словно парализованной шеѣ. Я опять пересталъ все слышать, пересталъ даже видѣть передъ глазами тѣ красноватыя круги свѣта, тотъ туманъ, въ которомъ двигалось что-то неопредѣленное... Все погрузилось въ глубокую темноту...

— Сдохъ!..—неожиданно и совершенно ясно услышалъ я голосъ.

— Пожалуй, что и такъ!—говорилъ другой.

— Нѣтъ, дышетъ. Да все равно, скоро околѣетъ!

— Это его Гассанъ такъ по затылку огрѣлъ!

— Барахтался очень, оттого и огрѣлъ. Да что съ нимъ возиться — брось! Все равно, живого не довезешь до стана! Только задержка одна!

— Чего задержка! Вѣдь ушли... Ну, а къ ночи дома будемъ... Мулла Садыкъ халатъ дастъ за него... Вѣдь это, должно быть, большой «тюра» *)!

— Все равно, привезти: что все тѣло, что одну голову,— а везти много удобнѣе будетъ. Отрѣжь-ка...

— Погоди, можетъ, очнется; все живьемъ лучше!

— Не очнется!

— Ну, тамъ посмотримъ!

Я слышалъ весь разговоръ такъ отчетливо ясно... Я такъ хорошо понималъ его содержаніе... Я совершенно понималъ смыслъ и ужасъ этого спора. Боже, какъ мнѣ захотѣлось очнуться!

иъ.
днѣхъ

*) Тюра—начальникъ.

Если имъ все равно было, довести все тѣло или одну только голову, то мнѣ это было далеко не все равно. Въ тѣлѣ могла еще храниться жизнь, а съ жизнью — надежда; но въ одной головѣ... въ этомъ круглышѣ, отдѣленномъ отъ тѣла... Я собралъ всѣ свои силы. Я сдѣлалъ нечеловѣческое усилие. Я застоналъ.

— Эй!—одобрительно крикнулъ первый голосъ.

— Замычалъ баранъ! Ха-ха!—усмѣхнулся другой.

— Приѣдемъ на колодцы--водой облить нужно—совсѣмъ очнется!

— Гайда, гайда!

И опять я погрузился въ безпамятство, и опять я словно въ воду нырнулъ, и не слышалъ уже ничего, кромѣ неяснаго, мало-по-малу затихающаго, неопредѣленнаго гула.

Солнце садилось въ густомъ знойномъ туманѣ. Громадный ярко-красный дискъ его до половины выглядывалъ надъ горизонтомъ—и вся степь, весь воздухъ, все было залито багровымъ свѣтомъ. Крупные камни, разбросанные въ большомъ количествѣ по песчаному сыпучему грунту, казались издали раскаленными угольями. Въ глубокой котловинѣ, гдѣ мы остановились, вѣло сыроватую прохладю. Синеватая тѣнь стояла надъ этою котловиною; тонкій, бѣловатый паръ поднимался надъ зияющими круглыми отверстиями степныхъ колодцевъ. Песокъ кругомъ былъ влаженъ, и на немъ искрились мелкія солонцоватыя блестки. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки побѣлѣвшей, оставшейся золы, чернѣлъ пометъ, отпечатки перепутанныхъ слѣдовъ верблюжьихъ, конскихъ и человѣческихъ, обрывочки веревокъ, лоскутки какой-то ткани и тому подобные остатки минутныхъ бивуаковъ.

Лошади стояли порознь, на приколнѣ и, должно быть, онѣ очень устали, потому что уныло понурили свои сухощавыя, красивыя головы, прикрытыя полосатыми капорами съ наушниками. По этимъ капорамъ и по теплымъ попонамъ, покрывавшимъ лошадей, я догадался, что мои похитители—разбойники высшего полета, туркмены, а не какая-нибудь киргизская сволочь. Да вотъ и сами они: одинъ стоитъ ко мнѣ спиною, нагнулся—и, часто перебирая руками, вытягиваетъ на веревкѣ кожаное ведро изъ ближайшаго колодца; другой на

корточкахъ сидитъ неподалеку и перетираетъ между мозолистыми ладонями горстку зеленого табаку для жвачки; третій возится съ кучкою собраннаго сухого помета и пытается развести огонь, раздувая тлѣющій лоскутокъ тряпичнаго трута, четвертый такъ лежитъ, ничкомъ на песокъ, и тихо стонетъ, ерзая животомъ по влажной его поверхности.

Самъ я лежалъ съ связанными ногами, съ руками, стяннутыми въ локтяхъ и просунутою по-за спиною палкою. Голова моя была совершенно мокра, вокругъ меня стояла узкая лужа, помемногу всасывающаяся въ песокъ. Должно быть, меня облили,—припомнилъ я дорожное предположеніе.

— Пить дайте, пить!—простоналъ я, едва только успѣлъ сообразить все окружающее.—Воды!..

— Ага, братъ, и по-нашему говорить умѣть. Гассанъ, дай ему ведро. Вотъ видишь-ли — очнулся совсѣмъ, живого привеземъ. Теперь уже не далеко!

Одинъ изъ тюркменовъ порылся въ коржумахъ (переметныхъ сумкахъ), досталъ оттуда кусокъ сухого, твердаго, какъ камень, овечьяго сыра, называемаго по-киргизски: крутъ; потомъ отдѣлилъ отъ него небольшую часть и распустилъ въ водѣ на днѣ кожанаго ведра.

— На, локай!—сунулъ онъ мнѣ ведро къ самому лицу.

Я приподнялся на локтѣ, приподнялъ голову и даже застоналъ отъ боли. Я не могъ воспользоваться предложеннымъ мнѣ питьемъ.

— Развяжи ему руки!

— Совсѣмъ развяжите, совсѣмъ... Ноги болятъ...—стоналъ я:—Зачѣмъ меня мучить, я не уйду... Васъ много, я одинъ,—чего боитесь?

— Да, одинъ! Небось, тамъ такъ барахтался, что коли-бы я не сломалъ приклада о твою голову — ничего-бы съ тобою не сдѣлать! Просто зарѣзать бы пришлось!

— Вонъ, гляди, Мосоль все съ своимъ брюхомъ возится!.. кивнулъ другой въ ту сторону, гдѣ лежалъ раненый тюркменъ.—Все твоихъ рукъ дѣло!

— А, знаешь, его надо, и въ самомъ дѣлѣ, распутать: пусть отдохнетъ, послѣ опять скрутимъ!

— Пѣшій въ степи не убѣжить, да на такихъ ногахъ...—усмѣхнулся тюркменъ, глядя на мои искалѣченные веревками ноги.

Меня развязали, часа полтора, по крайней мѣрѣ, лежалъ я навзничъ, лицомъ къ небу, пока только возстановилось кровообращеніе. Слабыми дрожащими руками подтянулъ я къ себѣ ведро, чуть не опрокинулъ его... Захватилъ зубами за его край и всосалъ въ себя кислотоватую, сильно пахнувшую потомъ, сырную гущу... Я почувствовалъ себя много свѣжѣе, и если-бы только не эта тупая боль въ головѣ... Я ощущалъ рукою больное мѣсто: громадная шишка находилась у меня какъ разъ надъ лѣвымъ ухомъ, волоса вокругъ были совершенно склеены запекшеюся кровью... Лѣвымъ глазомъ я видѣлъ гораздо хуже, чѣмъ правымъ...

— Ты куда это ѣхалъ?..—спросилъ меня, пытливо оглядывая съ ногъ до головы, первый барантачъ.

— Въ отрядъ, что впереди стоялъ...—отвѣчалъ я, быстро приготовляясь къ предстоящему допросу.

— Зачѣмъ?..

— Послали меня... а зачѣмъ—про то начальники знаютъ!

— Гм! Да ты самъ развѣ не начальникъ?..

— Нѣтъ, я простой сарбазъ (солдатъ). Какой я начальникъ!..—употребилъ я маленькую хитрость. Я зналъ, что это могло-бы пригодиться мнѣ впослѣдствіи: за плѣнными солдатами, во-первыхъ, гораздо меньше присмотра, а во-вторыхъ, гораздо меньше придирокъ и хлопотъ, если-бы могло коснуться обмѣна или выкупа...

— Не хитри, не лижи языкомъ грязь! Вонъ тѣ двое, что остались отсиживаться, то простые; а ты тюра... мы, братъ, тоже не въ первый разъ вашего брата видимъ!

— Какъ знаешь!

— То-то!.. Что-же это ты такъ просто по степи ѣхалъ, или не зналъ, что мы тутъ-же держимся?..

— А чего мнѣ васъ бояться?

— А вотъ видишь чего!.. Эй!.. Го-го... Я тебя!..—прикрикнулъ онъ на своего жеребца, только-что хватившаго задомъ своего сосѣда.

Помолчали всѣ немного. Слышно было только, какъ стоялъ и охалъ тюркменъ, теперь уже скорчившійся кренделемъ, такъ что лицо его приходилось у самыхъ колѣнъ.

— Пулька твоя маленькая въ животѣ у него сидитъ!—объяснилъ мнѣ Гассанъ причину страданій своего товарища.

Опять наступила ночь, настоящая степная ночь: тихая, душная, съ мерцающими сквозь туманную мглу звѣздами.

Мнѣ опять связали локти и просунули сзади между ними обломокъ пика; ноги, впрочемъ, оставили мнѣ на свободѣ... И къ чему онѣ могли-бы послужить мнѣ, когда я положительно не способенъ былъ подняться даже на колѣни? Тюркмены очень хорошо замѣтили это обстоятельство и потому не позаботились даже стеречь меня ночью, — а всѣ четверо крѣпко заснули, за исключеніемъ только раненаго, теперь уже непрерывно стонавшаго. Только въ смертельной агоніи человѣкъ можетъ стонать такимъ образомъ.

Нѣсколько разъ что-то въ родѣ сна набѣгало на меня, мои глаза закрывались, но и въ эти минуты мнѣ ясно слышались тоскливые стоны, заглушавшіе даже дружное носовое похрапываніе спящихъ разбойниковъ.

До разсвѣта еще поднялся на ноги нашъ бивуакъ — и начали всѣ собираться къ отъѣзду.

Два тюркмена разостлали на песокъ конскую попону, подошли къ своему раненому товарищу, который, наконецъ, пересталъ стонать, взяли его за голову и за ноги, брякнули, какъ мѣшокъ, на попону и заворотили его, какъ пеленаютъ маленькихъ дѣтей. Весь свертокъ былъ обвязанъ арканомъ — и этотъ продолговатый тюкъ перевѣсился поперекъ сѣдла, притороченный къ нему ремешными подпругами. Лошадь храпѣла и рвалась, когда усаживали на нее такого оригинальнаго всадника.

— Если-бы это я умеръ, то со мною поступили-бы иначе! — невольно представлялъ я самъ себѣ милую картину. — Со мною дѣло было-бы гораздо проще. Мнѣ-бы не потребовалось цѣлаго войлока; одного мѣшка, маленькаго мѣшка, въ чемъ обыкновенно даютъ кормъ лошадямъ, было-бы совершенно достаточно, чтобы спрятать мою голову, — а тѣло было-бы брошено на мѣстѣ, развѣ только оттащили-бы его подальше отъ колодезѣй, къ которымъ обыкновенно всякій номадъ питаетъ нѣкотораго рода уваженіе.

— Гайда, гайда!.. — прикрикнулъ Гассанъ, когда, наконецъ, и меня усадили на конскій крупъ за сѣдломъ, и вся шайка гуськомъ выбралась изъ котловины. Выѣхалъ одинъ всадникъ, посмотрѣлъ на тѣло... принялся, какъ волкъ, оставившій ло-

гово... За нимъ другой, за тѣмъ третій... Фыркая и подбира-
сывая, выскакала лошадь съ трупомъ, — и всё волчьёю нето-
ропливою рысью потянулись степью — совсѣмъ въ противопо-
ложную сторону той, гдѣ все ярче и ярче разгоралась золо-
тистая предразсвѣтная полоска.

О, намъ предстоялъ тяжелый знойный день, къ концу ко-
гораго, впрочемъ, Гассанъ, какъ можно было догадаться изъ
разговора, предполагалъ добраться до большого лагеря на
Дарьѣ, — лагеря, гдѣ, по его соображеніямъ, должна была на-
ходиться ставка муллы Садыка, этого степного богатыря, по-
стояннаго непримиримаго нашего соперника.

Къ вечеру этого дня мы замѣтили вдали какую-то дымча-
тую полосу, слегка волнующуюся вмѣстѣ съ нижнимъ слоемъ
нагрѣтаго за-день воздуха. Полоса эта то исчезала, то появ-
лялась снова; наконецъ, мы ее совсѣмъ потеряли изъ вида,
спустившись въ какую-то лошину: поднялись снова и снова
увидѣли ее, теперь уже значительно ближе, такъ что можно
было уже узнать воду, обрамленную бѣлыми песчаными бе-
регами.

— Дарья... Дарья!.. — протянулъ Гассанъ впередъ свою
руку, вооруженную нагайкою.

— Дарья! — отозвались остальные, болѣе веселымъ голосомъ.

Даже лошади обрадовались водѣ и чуяли хорошій отдыхъ;
онѣ замѣтно поддали ходу, все поводили безпокойно ушами и
широко раздували красныя ноздри, словно чуяли уже благо-
дѣтельную свѣжесть водныхъ массъ.

Тамъ и сямъ поднимались на самомъ горизонтѣ струйки
дыма, паслись верблюды на рѣдко поросшихъ солонцахъ, вид-
нѣлась даже верхушка закопченной рваной кибитки, выгля-
дывающая изъ-за небольшого кургана.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Аму-Дарьѣ, тѣмъ яснѣе и
яснѣе развертывалась передъ нашими глазами картина необъ-
ятнаго военного лагеря степныхъ кочевыхъ народовъ.

Вонъ тамъ весь берегъ, до самыхъ отмелей, занятъ кир-
гизами, адаевцами и другими народами, сочувствующими хи-
винскому хану; это видно по конскимъ табунамъ, разбросан-
нымъ на громадномъ пространствѣ, подъ охраною нѣсколькихъ
конныхъ группъ. Воинственные туркмены — тѣ пускаютъ своихъ

лошадей на подножный кормъ и держать ихъ на приколѣ — совершенно осѣдланныхъ и во всякую минуту готовыхъ къ услугамъ своего господина. Вонъ торчатъ ихъ пики; издали легко принять за рѣдкій тростникъ эти тонкія, гнушіяся по волѣ вѣтра черточки... Вонъ вольчуги и щиты ихъ сверкаютъ на солнцѣ. Дальше ярко зеленѣютъ островерхія палатки... Вездѣ народъ, вездѣ движеніе. Цѣлыя стада овецъ пригнаны къ лагерю и столпились у воды тѣсными группами, а верблюдовъ сколько!.. Всѣ склоны берега усыяны медленно двигающимися бурными горбатыми массаами.

— Гайда, гайда!—покрикивали мои конвойные.

— Съ барышемъ... съ добычею!—кричали имъ попадающіеся навстрѣчу наѣзтники.—Гдѣ взяли?..

— Тамъ, гдѣ и для васъ много осталось!—уклончиво отвѣчали туркмены.—Тюра-Садыкъ дома, что-ли?

— Мулла вчера ушелъ на развѣдки, — «черные» съ нимъ пошли...

— Когда назадъ будетъ?

— А кто его знаетъ!..

— Жаль!.. А мы было думали... Наши на томъ-же мѣстѣ стоятъ?

— На косѣ, за камышами!

Стемнѣло. Огоньки загорѣлись во всей степи, дрожащія красные столбики потянулись отъ нихъ по гладкой поверхности рѣки. Жалобно блеяли овцы, согнанные для водопоя. Звонко ржали лошади, хриплымъ ревомъ надрывались верблюды...

— Ну, здѣсь станемъ!—задержалъ коня Гассанъ на самомъ берегу рѣки, на краю большого туркменскаго становища.

Меня страшно мучилъ голодъ: кромѣ крута, выпитаго съ водою еще на прошедшемъ ночлегѣ, я положительно ничего не имѣлъ во рту. Мои мучители, кажется, забыли обо мнѣ — и, спокойно расположившись на пескѣ, вокругъ маленькаго огонька, на которомъ кипѣлъ чугунный плоскій котелокъ, даже и не поглядывали въ мою сторону. Меня положили между двухъ большихъ тюковъ съ чѣмъ-то; въ двухъ шагахъ отъ меня соѣла и страшно воняла косматая верблюжья голова, медленно пережевывающая зеленую жвачку. Я могъ только наблюдать за небольшимъ треугольнымъ пространствомъ передъ мо-

ими глазами, все-же остальное было совершенно скрыто от меня тюками.

— Эй, Гассанъ!—рѣшился я окликнуть одного изъ сидящихъ у котла.

Тотъ, казалось, не понялъ сразу, откуда его зовутъ. Я повторилъ призывъ.

— Какъ... это ты!—усмѣхнулся Гассанъ.— Чего тебѣ?

Онъ всталъ и, неловко шагая по песку въ своихъ сапогахъ съ острыми каблуками, подошелъ ко мнѣ и сѣлъ на одинъ изъ тюковъ.

— Коли я вамъ живой нуженъ, а не одна моя голова, такъ вы ужъ не морите меня жаждою и голодомъ. Вамъ-же никакой отъ того прибыли не будетъ...

— Ишь, ты, какой. Ну, вотъ погоди, завтра утромъ придетъ мирза одинъ, онъ хотѣлъ у насъ купить тебя — онъ тебя и кормить будетъ!

Очевидно, туркмены передумали сдать меня Садыку, котораго не оказалось въ лагерь, — и рѣшили продать меня первому покупщику, чтобы, во-первыхъ, развязать себѣ руки, а во-вторыхъ, поскорѣе воспользоваться барышемъ отъ своей военной прогулки.

— А все-же дайте ѣсть,—простоналъ я, — пить дайте!.. Умру до завтра... Пить!.. Слышите, пить!..

Я подползъ къ Гассану и уцѣпился за полу его халата: я рѣшился добиться, во что-бы то ни стало, воды и пищи, или-же получить второй ударъ прикладомъ по темени, который, можетъ быть, окончательно успокоилъ-бы мои страданія, начинавшія становиться невыносимыми.

— Ну, ну... ты и въ правду подумалъ, что тебя умирить хотять... Вотъ погоди — поспѣетъ (Гассанъ бивнулъ на котелъ) и тебѣ дадутъ. Лежи пока смирно...

Онъ отошелъ отъ меня и опять занялъ свое мѣсто, продолжая начатый имъ какой-то разговоръ о прежнихъ своихъ подвигахъ.

Въ эту ночь движеніе и шумъ почти не затихали ни на минуту по всему становищу. Мнѣ даже казалось, что въ этомъ смѣшанномъ гулѣ есть что-то тревожное; это положительно не былъ обыкновенный шумъ, неизбежный при такой многолюдности.

Около полуночи заворочались «тюркмены на косях», лошадей начали взнуздывать и выбираться дальше от берега. Мимо насъ потянулся самый безпорядочный караванъ навьюченныхъ и просто свободныхъ верблюдовъ, проскрипѣло нѣсколько двухколесныхъ арбъ; пѣшіе шли толпами, видимо, спѣша куда-то. Конные пошли на прямикъ вбродъ черезъ водный плесъ, далеко вдающийся въ песчаные низменные берега. Все стремилось отъ воды дальше, словно на водѣ находилась настоящая причина тревоги.

Впослѣдствіи я узналъ, что эту тревогу надѣлали наши гребныя суда, подходившія сверху, вѣсть о приближеніи которыхъ принесли сторожевыя отряды.

Тронулись и тюркмены. Я очутился на верблюдѣ, подвязанный сбоку на одномъ изъ тѣхъ тюковъ, что лежали подлѣ меня.

Почти до разсвѣта шли мы, охваченные со всѣхъ сторонъ самою безпорядочною массою людей и животныхъ. Съ первыми лучами солнца движеніе начало получать видъ нѣкотораго порядка. Показались всадники въ дорогахъ, шитыхъ золотомъ и обложенныхъ мѣхомъ, халатахъ, въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; за этими всадниками везли значки на длинныхъ древкахъ, украшенные конскими хвостами. Гремя, звеня, бряцая, издавая всевозможные звуки, протаскилась допотопная артиллерія, состоящая изъ трехъ или четырехъ пушекъ, запряженныхъ десяткомъ кое-какъ напутанныхъ лошадей.

Вдругъ все это остановилось, шарахнулось въ сторону и заволновалось. Если-бы не было кругомъ такого оглушительнаго крика, визга, говора, ржанья лошадей и рева верблюдовъ,—я-бы навѣрно слышалъ трескъ разрыва гранаты надъ нашими головами—теперь-же я видѣлъ только маленькое бѣловатое облачко, внезапно вспыхнувшее въ воздухѣ—и больше ничего. Другое такое-же облачко вспыхнуло еще ближе, два или три всадника кувыркнулись ногами кверху. Верблюдъ, везшій меня, спотыкнулся и рухнулъ на землю,—еще счастье, что не на мою сторону. Врознь шарахнулось все живое.

Теперь ясно слышались отдаленные выстрѣлы; это были глухіе, словно громовые удары... Я узналъ выстрѣлы нашихъ пушекъ!

А!.. Вотъ запрыгала картечь, прокладывая себѣ страшную дорогу въ этой массѣ людей и животныхъ. Страшная, дикая

картина разомъ развернулась передъ моими глазами. Все ринулось въ бѣгство, все перепуталось между собою... все, казалось, потеряло всякое сознание, всякій смыслъ, охваченное паническимъ страхомъ.

Я видѣлъ Гассана. Онъ вертѣлся на своемъ аграмакѣ и озирался кругомъ; должно быть, онъ искалъ меня. Я забился, сколько могъ, за свой тюкъ; съ другой стороны на меня повалилась издыхающая лошадь и совершенно спрятала меня отъ глазъ тюркмена.

Мнѣ чудилось все это словно во снѣ. Всадники на маленькихъ лошадакахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, въ бѣлыхъ шапкахъ съ назатыльниками, замелькали передъ моими глазами...

Очнулся я въ палаткѣ капитана Г..., одного изъ моихъ товарищей; около меня сидѣлъ доеторъ. За холстиною палатки сопѣлъ и посвистывалъ походный самоварчикъ. Я думалъ, что это все продолжается сонъ.

За свою неудачную поѣздку я отдѣлался двухнедѣльною горячкою, послѣ которой, впрочемъ, поправился очень быстро.

Впрочемъ, я напрасно назвалъ поѣздку неудачною. Цѣль ея была достигнута, а это только и нужно было. Бумаги, съ которыми, я былъ посланъ, отысканы были казаками въ сѣдлѣ моего погибшаго Орлика. Если-бы я не переложилъ ихъ въ сѣдельную сумку, то, пожалуй, тогда дѣйствительно поѣздка моя была-бы вполнѣ неудачна,—и я, можетъ быть, даже лишился-бы навсегда возможности находиться въ цивилизованномъ обществѣ и тянулъ-бы свою печальную жизнь рабомъ какого-нибудь кочевго мирзы, въ полудикомъ аулѣ.

ЗАРА-БУЛАКСКІЯ ВЫСОТЫ.

Въ эту ночь мало кому довелось спать: всѣмъ было работы вдоволь, и надъ просторно-раскинутымъ лагеремъ стоялъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ и движеній.

Только съ наступленіемъ совершенной темноты прекратилась безпокойная перестрѣлка съ непріятельскими наѣздишками; а еще съ ранняго утра, чуть забрезжили разсвѣтъ появились на горизонтѣ эти джигиты и, какъ мухи, усѣяли всѣ окрестные холмы, сдвигаясь все тѣснѣе и тѣснѣе, охватывая почти непрерывной дугою нашъ лагерь.

Стрѣлки цѣлый день сидѣли въ канавахъ и дождевыхъ рытвинахъ, въ которыхъ тутъ не было недостатка, не допуская назойливыхъ всадниковъ слишкомъ уже близко подобраться къ бивуакамъ, и уже не одинъ увлекшійся тюрокменъ заплатилъ жизнью за свою горячность, подвернувшись подъ пулю шестилинейной винтовки.

Къ ночи непріятель скрылся; всѣ всадники, словно сквозь землю провалились, и усталая цѣпь нашихъ стрѣлковъ свернулась, оставивъ на всякій случай, въ удобныхъ мѣстахъ, небольшіе *секреты* *).

Ночь была теплая и туманная; густой паръ стоялъ надъ извилинами Нурупая и надъ низменными, сырыми садами и огородами Катта-Бургана. Сѣрая масса городской цитадели неясными очертаніями выдвигалась изъ-за деревьевъ. По тремъ дорогамъ, ведущимъ къ городу, ползли, словно громадные змѣи, безконечные обозы: отправляли въ безопасное мѣсто ра-

*) Такъ называются небольшія группы скрытыхъ часовыхъ.

ненихъ, больныхъ и всѣ излпшнїя тяжести. Двухолесная арбы, нагруженные до невозможности, скрипѣли на намазанныхъ осяхъ; съ трескомъ дребезжали ветхїе мостики подъ непривычнаго тяжестью; взадъ и впередъ, путался между повозками, сновали верховые; по сторонамъ дороги, между темными кустарниками бѣлѣлись рубашки пѣшаго конвоя. Крики арбакешей, брань на всѣ лады, повелительные возгласы, полупьяный смѣхъ и заунывные туземные напѣвы смѣшивались съ ревомъ верблюдовъ и съ пронзительными воплями ишаковъ.

Красныя пятна костровъ, расположенныхъ по берегу рѣки, длинными столбами отражались въ водѣ; черныя фигуры окружали эти пятна, ворочая въ грудахъ раскаленныхъ угольевъ длинными сучковатыми жердями. Густой дымъ боролся съ туманомъ, и въ воздухѣ несло по вѣтру кухоннымъ чадомъ. Хотѣли еще до разсвѣта приготовить для солдатъ чего нибудь горячаго, благо подъ руками было достаточно не купленного мяса. Опытные фуражиры нагнали къ лагерю всякаго скота, и рогатаго, и безрогаго, и между повозками обозовъ неподвижно лежали группы быковъ.

У самой дороги, при въѣздѣ въ разрушенный до основанїя Чаганакъ *), рота солдатъ усиленно работала китменами и мотыгами, продѣлывая дорогу для проѣзда тяжелыхъ батарейныхъ орудій. Дружно взмахивались и опускались тяжелые инструменты, паръ валилъ отъ потныхъ рубахъ, съ глухимъ грохотомъ, поднимая облака пыли, рушились глиняныя стѣны... «Проворнѣй, ребята, проворнѣй!» покрикивало, сидя въ сторонкѣ, усатое начальство; и судорожно, порывисто закипала притихнувшая на минуту стукотня, и солдаты, поплеывая на руки, вскидывали глазами въ ту сторону, гдѣ искрились красныя точки закуренныхъ сигаръ, и откуда несло аметитнымъ букетомъ маркитантскаго рому.

— Батюшки!.. Словно обжегъ проклятый!.. — вдругъ раздается въ толпѣ работающихъ, и солдатикъ выпускаетъ изъ рукъ тяжелый китмень, хватаясь за ногу, обутую въ дырявый сапогъ: онъ наступилъ въ темнотѣ на скорпіона, а эти ехид-

*) Собственное имя небольшой деревни.

ныя насѣкомыя во множествѣ гнѣзятся въ трещинахъ стѣнъ жилыхъ и нежилыхъ строеній.

— Пожалуйста, чтобы были люди у лазаретныхъ фургъ,— горячо говорилъ кому-то какой-то приземистый докторъ, неловко скорчившись на казачьемъ сѣдлѣ. — А то, какъ и въ прошлый разъ, ни души... ну, какъ есть ни души; согласитесь, что не могу же я одинъ съ фельдшерами...

— Варгушня!.. Гдѣ ты тамъ, скотина, пропалъ съ чайниками...—вопить кто-то изъ-подъ палаточнаго навѣса.

— Всѣхъ адъютантовъ къ генералу...

— Ни одной карты... это удивительно!.. Даму бьетъ, девятку бьетъ и пошелъ, и пошелъ...

— У меня въ ротѣ половина людей перепилась,—говорилъ за стѣной густой бась,—я уже велѣлъ, чтобы ихъ въ арыкъ отмачивали..

— Дементьевъ убить, Мамлыгинъ тоже, а Савельеву, братцы мои, голову, какъ есть, до самыхъ мозговъ рассадили...

— До мозговъ, ишь-ты!.. Что-же, померъ?..

— Ершовъ сказывалъ, что мычитъ еще; голосу, то-есть, настоящаго не подаетъ, а мычить...

— Мы двѣ цыганки черно....о....о....кія!—завывалъ чей-то теноръ...

— Мы за невѣрррррность готовы кровь пролить!—подхватывалъ тотъ самый бась, который говорилъ, что у него полъ роты перепилось.

.....

Шипя, прорѣзала темноту огненная лента ракеты, громко хлопнула она въ воздухъ; эхо подхватило ударъ и понесло его по окрестнымъ холмамъ, дробя въ безконечныхъ перекатахъ. Барабаны въ разныхъ мѣстахъ лагеря глухо забили подъемъ. Зазвенѣли казачьи трубы, и шарахнулись въ коновязяхъ стоявшія до сихъ поръ покойно артиллерійскія лошади.

Безпорядочный говоръ и шумъ на секунду затихъ, при первыхъ звукахъ тревоги, и снова закипѣлъ и разлился по всему лагерю, но совершенно въ другомъ тонѣ: прежней неопредѣленности и безпорядочности уже не было; слышно было, что всякій знаетъ, куда бросаться и что дѣлать. Опытное ухо могло-бы смѣло разобрать, что и въ какомъ мѣстѣ лагеря творится.

Надъ горизонтомъ, между двухъ громадныхъ карагачей, поднимался огненный серпъ послѣдней четверти луны,—ея-то мы и ждали, чтобы начать выступленіе. Стало холоднѣе, и звѣзды ярче заблистали на темномъ небѣ. Туманъ поднялся выше и расплывался въ свѣжемъ воздухѣ. Гдѣ-то далеко закричалъ пѣтухъ, ему неожиданно отвѣтилъ, хлопая крыльями, пѣтухъ на ротной повозкѣ; шарахнулись испуганные кони... «Ишь, лѣшій!»—произнесъ конюхъ солдатъ и замахнулся кнутомъ на усердную птицу.

Долго вытягивались войска на дорогу, снявшись съ своихъ бивуачныхъ позицій. Лошади, тяжело дыша, волочили пушки, колеса которыхъ безъ стука ворочались въ густой пыли, доходящей почти до колѣна. Надо было подняться на довольно крутую гору, по узкой улицѣ, между разрушенныхъ савель Чиганака.

— Подхватывай, братцы, подхватывай!..—кричали выбивающіеся изъ силъ артиллеристы, и солдаты, забросивъ ружья за плечи, хватались за станины и за построумки.—Ну, еще! Ну, еще маленько... Разомъ!..

Лошади, готовые уже остановиться, снова натягивали уносы и порывистыми прыжками выносили на гору свою тяжелую ношу.

На вершинѣ обрыва, рисуясь темными силуэтами на небѣ, стояла конная группа: это былъ командующій войсками со свитою. По-ниже, въ безпорядкѣ тѣснились конвойные казаки, бѣлыя конскія морды и свѣтлыя тряпки значковъ мелькали тамъ и сямъ въ темнотѣ.

Гуськомъ, другъ за другомъ, медленно ползли въ гору темныя массы, раскачивая своими громадными выюками, заражая воздухъ такимъ отвратительнымъ запахомъ, свойственнымъ исключительно только однимъ верблюдамъ, что солдаты невольно зажимали носы и отплевывались.

Безпорядочными толпами казаки выбирались на дорогу, и густыя тучи пыли неслись вслѣдъ этимъ коннымъ массамъ.

А сзади, на мѣстахъ брошенныхъ бивуаковъ, вдругъ запылали яркіе огни, и поднялось пожарное зарево: это отсталые позажигали весь брошенный хламъ и остатки топлива, запасеннаго широкою, не хозяйскою рукою. Не доставайся, молъ, ни нашимъ, ни вашимъ: таково уже здѣшнее, туркестанское правило.

Голодные собаки, не тѣ, которыя всегда во множествѣ прикармливаются солдатами и составляютъ ротную собственность, — эти никогда не бываютъ голодны, и въ настоящую минуту онѣ весело снуютъ между ногами пѣхотинцевъ, — а совсѣмъ другія собаки, Богъ вѣсть откуда набѣжавшія, поджавъ хвосты, робко озираясь, оскаливая зубы при приближеніи себѣ подобныхъ, шныряютъ по лагерю, подбирая все, что только годится въ снѣдь. Бродятъ въ темнотѣ и какія-то человѣческія тѣни — полуголыя, также робко, по собачьи озираясь и судорожно бросаясь на какую-нибудь тряпку, кинутую солдатомъ за совершенною негодностью.

Мало-по-малу выбрались-таки совсѣмъ на дорогу. Даже обозы вытянулись, и лошади бодрѣ поволокли повозки по относительно ровному пути.

Наконецъ, размѣстились всѣ, гдѣ кому слѣдовало быть по предварительному распоряженію: кому нужно было идти впередъ — тѣ прошли; другіе, сойдя съ дороги, ждали въ сторонѣ своей очереди. Даже несмотря на темноту, можно было замѣтить, какъ изъ хаоса, беспорядочно волнующагося еще тамъ, гдѣ только что оканчивался подъемъ, образовывалось что-то похожее на движущуюся армію. Къ тому-же передъ разсвѣтомъ поднялся довольно сильный вѣтеръ и относилъ въ сторону пыль, поднятую тысячами людскихъ и конскихъ ногъ, и дышать стало свободнѣе, да и можно было видѣть сколько-нибудь ясно, что дѣлается по сторонамъ, не такъ какъ внизу, гдѣ положительно приходилось идти ощупью.

Почти сутки, проведенныя безъ сна, оказывали свое дѣйствіе на всѣхъ; едва только окончилась лихорадочная суета сборовъ и подъема, и началось относительно покойное походное движеніе, какъ стала одолевать всѣхъ сонливость, которую невозможно было разогнать ничѣмъ. Пробовали пѣсни пѣть, затыгивали пѣсенники: «какъ султанъ турецкій захотѣлъ съ Россеей воевать», но на этомъ и оканчивалась ихъ энергія, а уже на словахъ: «сталъ онъ войско собирать...» совсѣмъ затихала пѣсня, и солдаты, спотыкаясь, клевали на походѣ носомъ и вздрагивали, широко раскрывая и протирая грязными пальцами свои осовѣтые глаза. Казаки — такъ тѣ совсѣмъ спали на своихъ покойныхъ сѣдлахъ, со свистомъ прихрапывали и даже бредили во снѣ; одинъ рыжебородый

урядникъ даже про какую-то тетку Дарью вспомнилъ, да вдругъ, какъ снасть, съ сѣдла повалился и заоралъ на всю сотню, съ просонья, должно быть: — «голубчики, рѣжутъ!..»

Забѣлѣлась на востокъ полоска утренней зари, одна за одною потухали звѣзды, уступая болѣе яркому свѣту. Вѣтеръ усилился, и непріятная дрожь пробѣжала по спинамъ, забиралась въ холщевыя, солдатскія рубахи.

Историческія событія, предшествовавшія настоящему дню, сложились слѣдующимъ образомъ: всѣ наши силы, которыми мы располагали въ 1868 году для похода въ бухарскіе предѣлы, раздѣлились на двѣ массы: — одна расположена была подъ Катта-Курганомъ, для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается со стороны Бухары, — другая же, — и самая главная, — занимала Самаркандъ съ самаго дня его сдачи, т. е. съ 1 мая. Отсюда предпринимались разные, болѣе и менѣе удачныя экспедиціи въ горы, къ Ургуту и къ Кара-тюбинтскому ущелью, но экспедиціи эти не принесли никакихъ существенныхъ результатовъ. Всѣ горные народы возстали чуть не поголовно и двинулись къ Самарканду; къ тому же, получено было извѣстіе изъ Катта-Кургана, что эмиръ съ своими главными силами остановился не болѣе какъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города, и что войска наши тамъ недостаточно сильны, чтобы предпринять противъ него что-нибудь рѣшительное. Тогда командующій войсками, оставивъ въ Самаркандѣ небольшой гарнизонъ, со всѣми остальными силами направился на помощь Катта-Курганскому отряду, и давъ войскамъ отдохнуть послѣ похода одинъ день, предполагалъ напасть на эмира, разбить его и, такимъ образомъ, имѣть передъ собою только одного противника, именно, — Шхарисябзака бека съ его горными союзниками. Такъ вотъ, значить, мы теперь шли разбивать эмира, а гдѣ онъ находился и въ какихъ силахъ, мы положительно не знали; существовало множество самыхъ разнообразныхъ предположеній, но только ничего положительно вѣрнаго. Массы конныхъ тюркменъ, киргизъ и разнаго сброда, являвшіяся акуратно съ разсвѣтомъ въ виду нашего лагеря и исчезающія съ темнотою наступающей ночи, ясно говорили о присутствіи вдалекѣ значительныхъ непріятельскихъ силъ, около которыхъ группировались эти подвижныя массы, но въ чемъ заключались эти силы, — мы, какъ я уже сказалъ, не знали ничего приблизительно.

Впрочемъ, мы почему-то не сомнѣвались въ успѣхѣ, иногда еще, во всѣхъ нашихъ средне-азиатскихъ походахъ, не собирались русскія войска въ такихъ крупныхъ массахъ, какъ въ настоящемъ случаѣ: насчитывалось до трехъ тысячъ человѣкъ—разнаго оружія, а эта цифра, по здѣшнимъ войскамъ, считается весьма солидною.

Скоро разсвѣло окончательно, и на востокѣ появился, сквозь пыль и туманъ мутный бѣловатый кругъ восходящаго солнца.

Вѣтеръ дулъ порывисто, безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Справа и слѣва, спереди и сзади неслись на насъ пыльные тучи, мѣстами подымались къ небу винтообразные столбы степныхъ смерчей, и, по мѣрѣ того, какъ солнце подымалось все выше и выше, — наступала удушливая жара, смѣнявшая ночную прохладу.

Вотъ къ завываніямъ вѣтра начали примѣшиваться какіе то живые звуки: казалось, что въ пыльных тучахъ несутся со всѣхъ сторонъ одушевленные существа, такія же крылатыя, такія же неувимыя, какъ степной вѣтеръ, съ воемъ котораго слились ихъ заунывные вопли.

Тамъ и сямъ замелькали неопредѣленные, черныя точки; больше, и больше, и живая лента, прерываясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гуще клубилась степная пыль, и яснѣе очерчиваясь тамъ, гдѣ проносились струя жаркаго вѣтра, охватывала мало-по-малу наши походныя колонны.

Быстро приближались эти точки, росли по мѣрѣ своего приближенія, и можно было различать уже что-то похожее на всадниковъ, но точки эти внезапно разрѣшались бѣловатымъ клубочкомъ дыма и исчезали изъ глазъ, прежде чѣмъ успѣвалъ долетѣть до слуха сухой звукъ ружейнаго выстрѣла.

Чу! Далеко сзади послышались глухіе удары... Одинъ, другой... Два разомъ.. Это заговорили въ аррьергардѣ наши пушки. Пользуясь растянутостью нашихъ обозовъ и малочисленностью прикрытія, которое не превышало трехсотъ человѣкъ, туркмены вплотную наѣли на наши хвосты и произвели страшный переполохъ въ обозныхъ вереницахъ. Подгоняемые непрерывными ударами плетей, тощія лошади, запряженныя въ арбы, собрали послѣднія усилія и, несмотря на тяжесть груза, пустились вскачь, чтобы изъ растянутыхъ каравановъ сплотиться

въ болѣе силошную массу, которую удобнѣе было бы прикрывать небольшимъ числомъ нашей пѣхоты. Перепуганные выстрѣлами верблюды, не жалѣя своихъ окровавленныхъ ноздрей, рвались съ своихъ волосяныхъ привязей. А непріятельскіе наѣзники все ближе и ближе подсакивали къ обозу и своими длинными, гибкими, какъ хлысты, бамбуковыми пиками чуть не ссаживали съ сѣделъ оторопѣлыхъ арбакашей.

Вотъ высокая, длинноногая бѣлая лошадь, до сихъ поръ довольно благополучно тащившая свою арбу, крытую полосатымъ, киргизскимъ ковромъ, замаялась, попятилась назадъ и стала. Смуглый сартъ, въ засаленной тюбетейкѣ и изорванномъ бумажномъ халатѣ, усиленно заработалъ голыми пятками по тощимъ бокамъ заупрямившагося коня.

— Чего сталъ, лѣшій!... — налетѣлъ на него уральскій казакъ. Изъ-подъ ковра выглянула испуганная личность въ бѣломъ кепи на стриженной головѣ; въ рукахъ у нея была форменная офицерская сабля, вся заржавленная, дребезжащая въ костлявыхъ рукахъ своего владѣльца.

— Пстой, каналья!... ты у меня пойдешь... пойдешь... пойдешь...

И онъ принялся сверлить подъ хвостомъ несчастной лошади.

Ударило задомъ бѣдное животное, взвилось на дыбы, рванулось и понеслось въ карьеръ, прыгая черезъ водомоины.

Маленькая азіатская пуля пролетѣла надъ сѣдою одного верблюда; тотъ пошатнулся и упалъ на колѣни; другой оторвался отъ него и, тяжело раскачиваясь, неуклюжею рысью побѣжалъ въ степь какъ разъ къ непріятельскимъ всадникамъ. Нѣсколько казаковъ поскакали за нимъ, но тотчасъ-же вернулись, благоразумно уклонившись отъ опасности поздороваться съ пикой туркмена.

— Пропали наши сухари! — говорилъ одинъ пѣхотинецъ другому, видя, какъ всадники тотчасъ-же окружили добычу.

— Что-же, нѣшто они имъ на пользу, — отвѣчалъ товарищъ, — потому, какъ наши сухари безъ привычки никакъ жрать не возможно!

— Эвось, поволокли его сердечнаго!

— Берегись!.. Ахъ ты, проклятый, чуть-чуть не ссадилъ...
Погоди-же ты...

Солдатъ приложился...

— Стрѣлай по красному!

— Есть. Эхъ, мимо никакъ... Нѣтъ, гляди-ко, валится... Валится... Бадъ... Готовъ, значить.

И солдатъ пытливо поглядывалъ вдаль, вскинувъ свой штуцеръ и роясь въ глубокомъ карманѣ красныхъ кожаныхъ шароваръ, гдѣ онъ отыскивалъ ружейный капсюль, завалившійся между сухарными крошками.

Кое-какъ, съ большими усилиями, удалось собрать безконечный обозъ во что-то похожее на громадный, движущійся квадратъ, защищать который было несравненно удобнѣе. Непріятельская кавалерія стала держаться по-одаль, коль скоро оборона приняла болѣе правильный характеръ. Изъ подъ войлочныхъ верховъ повозокъ повылѣзали на свѣтъ божій разныя личности, благоразумно укрывавшіяся до сихъ поръ отъ опасности попасть подъ ударъ закатанной въ свинецъ глиняной пульки, которыми обыкновенно стрѣляютъ изъ фитильныхъ пищалей, или, въ крайнемъ случаѣ, подъ тонкое, какъ ножка циркуля, остріе тюркменской пики.

А пыль подымалась все гуще. Сквозь эту пепельную, подвижную завѣсу едва можно было различать влѣво отъ дороги неопредѣленные очертанія волнообразныхъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ средній подымался значительно выше прочихъ, изогнувшись сѣдломъ почти на самой вершинѣ. Это были Зарабулакскія высоты. Впереди чуть виднѣлись группы сакель деревни Зара-булакъ, а надъ ними широкія, развѣсистыя вершины деревьевъ.

Авангардъ нашъ прошелъ уже мимо высотъ и скрылся за саклями. До сихъ поръ, кромѣ неотвязныхъ группъ непріятельской кавалеріи,—группъ, въ которыхъ, какъ-бы онѣ ни были многочисленны, туркестанскіе пѣхотинцы привыкли питать глубочайшее равнодушіе,—мы ничего не встрѣчали. Правда, мы пристально всматривались въ ту туманную черту, въ которой рисовалась въ пыльномъ воздухѣ вершина главной зарабулакской возвышенности: намъ казалось, что эта едва замѣтная, кривая линія, словно колыхалась, словно вся она была покрыта чѣмъ-то живымъ, и это живое группировалось, по временамъ, въ длинныя красноватыя массы. Намъ особенно подозрительнымъ казался этотъ оттѣнокъ, весьма близкій къ цвѣту буртокъ регулярныхъ войскъ эмира Мозофара-Эддина. Мы даже

замѣчали что-то похожее на большія треугольныя знамена, которыя на своихъ длинныхъ древкахъ, какъ тѣни, вѣяли надъ этими линіями.

Скоро мы были выведены изъ недоразумѣнія.

Прежде чѣмъ долетѣлъ до насъ глухой громъ пушечной канонады, мы увидѣли, какъ вся поверхность холмовъ покрывалась клубами бѣлаго дыма. Какіе-то тяжелые снаряды со стукомъ падали между нашихъ колоннъ и зарывались въ мягкомъ грунтѣ. Бичуя воздухъ, звеня и дребезжа, пронеслась картечь высоко надъ бѣлыми кепи пѣхотинцевъ... Понятно стало все, въ чемъ было дѣло: — мы прошли мимо позиціи бухарскихъ войскъ, которая очутилась у насъ съ лѣвой стороны и поспѣшила привѣтствовать насъ весьма оживленнымъ и энергическимъ, но, по неопытности артиллеристовъ и недоброкачественности орудій, не слишкомъ губительнымъ огнемъ.

Все приостановилось, какъ-будто озадачилось немного. Съ минутой не сообразили, какъ и что: — слышалось множество командъ самыхъ разнообразныхъ и даже противорѣчащихъ другъ другу.

— Каша! Каша! — кричалъ, задыхаясь худощавый штабъ-офицеръ, суетясь на лошади, въ беспорядочной толпѣ бѣлыхъ рубахъ: ему очень хотѣлось преобразовать эту толпу въ нѣчто похожее на стройный батальонъ, и онъ пытался подействовать на самолюбіе солдатъ, подобравъ такое обидное сравненіе.

Расталкивая солдатъ, въ пегелеватомъ, коротенькомъ кителѣ, прискакалъ на сѣромъ конѣ одинъ изъ адъютантовъ.

— Это четвертый батальонъ? Генералъ приказалъ... чтобы сейчасъ...

Шагахъ въ десяти шлепнулось ядро, за нимъ другое, нѣсколько ближе. — Адъютантъ исчезъ.

Само собою, словно инстинктивно, дѣло дѣлалось, какъ слѣдуетъ: машинально каждый повернулся лицомъ къ непріятелю и всякій, какъ кто стоялъ, такъ и пошелъ прямо на выстрѣлы.

Значительно лѣвѣе, совершенно отдѣльно отъ всѣхъ, шель какой-то батальонъ въ стройномъ порядкѣ, странно рѣжущимъ глаза въ общей неурядицѣ. Впереди колоннъ, волнуясь, то выбѣгая впередъ, то припадая къ землѣ, бѣжали стрѣлки.

Между бѣлыми взводами линейцевъ яркимъ пятномъ рисовалась группа пѣхотинцевъ въ красныхъ курткахъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, съ локонами черныхъ, блестящихъ волосъ, раскинутыхъ по зеленымъ воротникамъ куртокъ. Это была рота афганцевъ-ренегатовъ, передавшихся намъ съ Искандеръ-ханомъ еще за мѣсяцъ до открытія военныхъ дѣйствій. Теперь они шли вмѣстѣ съ нашими солдатами на непріятеля, отъ котораго отличались только узкими, бѣлыми перевязями на лѣвыхъ рукахъ.

Впереди, почти тотчасъ-же за цѣпью стрѣлковъ, ѣхалъ высокій красивый всадникъ съ роскошными лыпыными бакенбардами, — и какъ ѣхалъ!.. Покойно, молча, не обнажая оружія, съ сигарою въ зубахъ, пристально всматриваясь въ красные ряды непріятеля, сползающіе съ высотъ на встрѣчу этой горсти гауровъ.

Нога въ ногу, словно отчеканивая, подавались роты, усиливая шагъ по мѣрѣ приближенія. Чѣмъ меньше становилось разстояніе, отдѣлявшее бѣлыхъ отъ красныхъ — тѣмъ яснѣе и яснѣе замѣчалась громадная разница въ численности той и другой стороны. Длинные фланги бухарской пѣхоты, словно гигантскія руки, загибались, охватывая русскій батальонъ; зашитые въ золото всадники горячились на своихъ армакахъ, ударами сабель возбуждая въ заднихъ рядахъ порывы замѣтно угасающей храбрости.

На минуту пріостановились бухарцы, и по всѣмъ ихъ линіямъ затрещала ружейная пальба; синій дымъ затянулъ эти линіи...

Дикій вопль на разные лады пронесся въ воздухѣ: — красавецъ-всадникъ поднялъ руку, и какъ охотничьи псы срываются со свободенныхъ своръ, — рванулись впередъ бѣлые рубахи, высоко взмахнувъ ружейными прикладами.

Стройные крики ура!, которые мы слышимъ на парадахъ и на маневрахъ, не даютъ понятія о томъ адскомъ хаосѣ звуковъ, который слышится въ минуту отчаянной свалки. Тѣ, кто въ данную минуту перестали быть людьми, не могутъ издавать человѣческихъ звуковъ: ревъ, свистъ, пронзительный визгъ, то что-то похожее на дикій хохотъ, то жалобное, почти собачье завываніе, смѣшались съ характернымъ стукомъ окованныхъ мѣдью ружейныхъ прикладовъ объ голый человѣчскій черепъ.

Рукопашь завязалась.

А между тѣмъ сзади разыгралась оригинальная, траги-комическая сцена. Скрипя и раскачиваясь, катилась цѣликомъ по степи неуклюжая лазаретная фура. Она скакала по направленію къ атаковавшему батальону. Тяжелымъ галопомъ, спотыкаясь и чуть не падая, прыгала тройка приземистыхъ лошадей; усердно накачивалъ кнутомъ по всѣмъ тремъ спинамъ длинный, худой солдатъ, привставъ на козлахъ; винтовка съ примкнутымъ штыкомъ билась у него за спиною. Изъ подъ холстинныхъ занавѣсокъ фуры выглядывали испуганныя лица фельдшеровъ еврейскаго происхожденія.

Пригнувъ гибкія пики, привставъ на стременахъ, неслись со всѣхъ сторонъ туркмены, догоняя фуру. Особенно два всадника близко вертѣлись около самой почти тройки, не рѣшаясь наскочить для удара; ихъ пугалъ толстенькій всадникъ на чалой лошади, которой, то справа, то слѣва вертѣлся около фуры, грозя наѣзникамъ своимъ револьверомъ. Этотъ всадникъ былъ герой-докторъ, всегда поспѣвавшій съ своею фурую и пособіями въ самыя горячія мѣста боя. И теперь онъ спѣшилъ догонять свой баталіонъ, зная, что ему работы будетъ достаточно.

Еще-бы минута, и не спасла-бы бѣглецовъ даже докторская отвага и его *незаряженный* револьверъ, но тройка доскакала и врѣзалась между атакующими.

Далеко сзади, распластанныя крестообразно на сѣрой землѣ, лежало нѣсколько бѣлыхъ фигуръ; одна изъ нихъ пыталась приподняться, отдѣлая отъ земли голову и выгибаясь конвульсивно всѣмъ туловищемъ.

Всадники, которымъ не удалось догнать лазаретную фуру, замѣтили ихъ и поскакали по тому направленію. Доскакали, сошли съ лошадей, что-то повозились съ тѣлами и торопливо носкакали дальше...

Бавую скверную, отталкивающую форму имѣеть человѣческое тѣло, отъ котораго отдѣляютъ голову: сразу даже не разберешь, что это такое. Зіетъ багровый разрѣзъ, хлещетъ алая кровь и, шипя, смѣшивается съ пылью, запекаясь въ черные клубы, темной дырой виднѣется перехваченное горло...

Зрѣлище, къ которому привыкаютъ... но съ большимъ

трудомъ. Я зналъ многихъ господъ, которые весьма покойно сравнивали *это* съ свѣже-разрѣзаннымъ, переспѣлымъ арбузомъ *). Безсознательно выпучивъ помертвѣлые глаза, съ искаженными чертами лица, съ открытыми ртами, бухарцы какъ-то странно, почти машинально махали своими дрянными ружьями; они, повидимому, не сознавали, гдѣ они и что дѣлаютъ. Тупой ужасъ овладѣлъ ими; этотъ ужасъ не былъ похожъ на обыкновенный паническій страхъ, подъ вліяніемъ котораго бѣгутъ, не рѣшаясь даже оглядываться. Несчастные видѣли передъ собою не бѣлыя рубашки русскихъ, нѣтъ: передъ ними рисовались адскія чудовища съ тысячами рукъ, съ красными раскаленными пастями, дико вопиющія и ревушія. Они даже боли не чувствовали и безъ стона падали на землю, когда ружейный прикладъ раскалывалъ имъ черепа, или тупой штыкъ рылся въ распоротыхъ внутренностяхъ...

Они находились подъ вліяніемъ паровъ опиума, усиленныхъ палящими лучами, почти вертикально надъ головою стоящаго солнца,—до размѣровъ кроваваго кошмара. Это ихъ съ утра угостили такъ, по приказанію эмира, для возбужденія храбрости. Теперь понятенъ былъ тотъ, озадачившій насъ всѣхъ сначала, приливъ необычайной отваги, съ которою бухарцы встрѣтили нашу атаку, а не бѣжали, какъ всегда, при первомъ ея началѣ.

Вся эта громадная толпа, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, мало-по-малу подавалась по тому направленію, по которому шелъ русскій баталіонъ; только съ лѣвой стороны упорнѣй держались красныя куртки: тамъ была афганская наемная бригада, и афганцы, видимо, добивались до своихъ бывшихъ товарищей, благоразумно державшихся въ серединѣ, укрываясь между нашими ротами. На этихъ и опиумъ не дѣйствовалъ, или они накурились его не въ такой сильной мѣрѣ, какъ бухарцы. На высокомъ ворономъ конѣ, весь сверкающій золотомъ и камнями, въ кольчугѣ и съ круглымъ шитомъ на лѣвой рукѣ, бѣсновался начальникъ этой бригады, напирая грудью коня прямо на штыки русскихъ: онъ замѣтилъ Мирамура, командовавшаго нашими афганцами, и съ пѣною у рта ру-

*) Ощущеніе это мнѣ передавали впоследствии плѣнные, которыхъ, впрочемъ, было весьма немного, *по неудобству брать живыхъ, а потому еще возиться съ ними, стеречь и т. д.*

гаясь на всѣ лады, ринулся прямо на него;—тотъ увильнуть. Попятились наши, опрокинутые напоромъ горячаго коня, но это была только секунда торжества. Нѣсколько штыковъ впи-лось подъ ребра, въ то мѣсто, кольчуга перехватывается широ-кимъ кушакомъ, и всадникомъ повисъ, судорожно хватаясь руками за концы ружейныхъ стволовъ. Со стономъ рухнулъ на землю конь-красавецъ, и зазвенѣла дорогая сбруя въ кон-вульсіяхъ издыхающаго животнаго.

Подались, наконецъ, и афганцы и повернулись къ намъ спинами.

Это не было бѣгство, это не было отступленіе; это было что-то непонятное, озадачившее даже нашихъ туркестанцевъ, никогда не озадачивающихся.

Они шли тихо, понуривъ головы, столпившись въ плотныя массы; никто не оглядывался. Тотъ, кого догоняла пуля, молча падалъ ничкомъ на землю, тяжело подымался, если у него хватало еще на это силъ, и снова падалъ безъ поддержки, безъ всякаго вниманія со стороны своихъ товарищей; каза-лось,—каждому только до одного себя было дѣло; да и о себѣ-то, кажется, никто не думалъ: въ отуманенномъ мозгу не было мѣста для какой-нибудь опредѣленной мысли, только пересохшій отъ жажды языкъ машинально бормоталъ всякую нелѣпицу изъ корана, и надъ толпами носился смутный го-воръ, весьма напоминающій безсвязный бредъ сонныхъ.

Когда мы осмотрѣлись нѣсколько вокругъ послѣ отврати-тельной бойни, то замѣтили, что стоимъ на самомъ гребнѣ зарабулакской возвышенности. Правѣе выдвигались въ безпо-рядкѣ изъ-за лощины наши, лѣвнво стрѣляя по отступавшимъ. Далеко, то спускаясь, то поднимаясь съ холма на холмъ, дви-галась густая масса кавалеріи съ распущенными въ воздухъ разноцвѣтными значками: это были казаки изъ авангарда. Изъ оврага, который нанскось пересѣкалъ всю позицію, теряясь въ волнистой линіи горизонта, словно изъ земли выросли одна за одной наши пушки; снимались поодиночкѣ съ перед-ковъ, едва только выбирались на высоту, и бѣлое облако дыма, внезапно вспыхнувъ на томъ мѣстѣ, гдѣ видно было только что орудіе, закрывало собою на минуту и самую пушку, и кучку людей, суетливо около нея бѣгающихъ, и группу лоша-дей, отъѣзжающихъ съ передками.

Все болѣе и болѣе растягивалась та полоса, которая отдѣляла насъ отъ отступавшихъ; вотъ уже не видно отдѣльныхъ фигуръ, вотъ уже эти красныя толпы стало затягивать, словно туманомъ. Широкій, страшный слѣдъ оставляли они за собою. Это все были человѣческіе трупы; но какъ мало похожи были они на тѣла: казалось, что степь была устлана грязными красными и бѣловатыми тряпками, и если-бы эти тряпки мѣстами не шевелились въ предсмертныхъ агоніяхъ, если-бы онѣ не издавали звуковъ, потрясающихъ до глубины души . . .

Глухой громовой ударъ потрясъ воздухъ: это, далеко въ горахъ разразилась гроза, и ея торжественный отголосокъ пронесся надъ нашими головами. Обнажились сотни стриженныхъ головъ, и грязные, окровавленные пальцы сложились для крестнаго знаменія...

Обозы, освободившіеся отъ натисковъ непріятельской кавалеріи, скоро растянулись по дорогѣ, и голова ихъ подходила уже къ селенію Зура-булакъ. Съ высоты верблюжьихъ выюковъ, съ нагруженныхъ арбъ сотни глазъ жадно слѣдили за ходомъ дѣла. Генеральскіе лакеи, забравшись на козлы тарантасовъ, вооружились биноклями.

— Имѣемъ честь съ побѣдою поздравить!—произнесъ съ нѣкоторою степенностью поваръ въ парусинномъ статскомъ костюмѣ, съ французскою бородкою подъ нижней губою.

— Неужели видно, Василій Петровичъ?—говорилъ голосъ изъ глубины экипажа.

— Весьма явственно... я даже своего генерала узналъ...

— Въ лицо-съ?!..

— Больше по ихъ сановной осанкѣ... опять-же значекъ съ эмблемой...

— Голубчики мои! Наши-то какъ поперли!..—заоралъ съ телѣги солдатъ съ подвязанной рукою.

— Малайка, кричи, сперва, ура! Валяй за мной!—И писарь завопилъ, сложивъ руки трубою у рта. Татаринъ сплюнуть и презрительно хмыкнулъ.

— А! Такъ ты такъ...

— Ну... ну... невѣжа...

Писарь юркнулъ за арбу.

Какъ разъ посрединѣ деревни, заросшія камышомъ и ти-

ной, находился небольшой прудъ. Изъ него вытекалъ узенькій ручей, пересѣкалъ поперекъ улицу и между кустами тальника пробирался внизъ, въ заравшанскую долину. Черезъ этотъ ручей велъ небольшой, полуразвалившійся мостикъ, и арбамъ пришлось проходить по одиночкѣ. Это обстоятельство остановило обозъ надолго, и все разбрелось шарить и рыскать по дворахъ и саклямъ, оставленнымъ по большей части жителями. Съ громкимъ будахтаньемъ перелетали съ одной крыши на другую пестрые стаи куръ, спасаясь отъ града камней и палокъ; подшибленнымъ вертѣли головы и прятали ихъ подъ кошмы повозокъ. Два осла бѣжали съ пронзительнымъ ревомъ, путаясь въ растрепанномъ выюкѣ; цвѣтныя одѣяла волочилась по грязи, изъ мѣшка сыпалась мѣдная посуда, звеня подъ копытами испуганныхъ животныхъ. Съ разбитымъ лицомъ, волоча перебитую ногу, выползъ изъ-за угла сѣдой сартъ, приподнялся, цѣпляясь руками за выступы штукатурки, и рухнулъ въ густую крапиву, оставивъ на стѣнѣ красныя полосы. Тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы.

Надъ одною арбою поднялся густой черный дымъ: это загорѣлся тюкъ съ различной одеждою, вымѣненный у солдатъ на водку. Маркитантъ изъ казанскихъ татаръ кинулся спасать свое добро.

— Ребята, пожаръ!..—крикнулъ кто-то.

Около злополучной арбы собралась цѣлая толпа.

— Господа... братцы!..—стоналъ маркитантъ.

У запертыхъ воротъ караванъ-сарая собралась значительная группа солдатъ и казаковъ. На своихъ массивныхъ, желѣзныхъ запорахъ, ворота выдерживали натискъ и не поддавались. Нѣсколько ружейныхъ прикладовъ разлетѣлось въ дребезги, въ черзчуръ усердныхъ рукахъ. Раздавались крики: «Тащи вонъ-тамъ бревно!.. Подкладывай!.. Поддавай дружины!.. Орудію-бы сюды.. Ну, еще, разомъ... ну!...»

Ворота затрещали.

— А народу-то тамъ что,—страсть! Гляди-ко сюда въ щель!

Не выдержали, наконецъ, запоры и подались: разомъ распахнулись ворота, и передніе попадали прямо подъ удары китменей и батниковъ *).

*) Китмень—орудіе для земляныхъ работъ, напоминаетъ нашу мотыгу. Батникъ—насаженная на палку тяжелая металлическая шишка.

— Нашихъ бьютъ!

— Вали всё сюда... Помоги!!..

Началась рѣзня.

Прижавшись къ стѣнѣ, стиснувъ блѣдныя губы, махая своимъ тяжелымъ орудіемъ, предназначеннымъ для другой, болѣе мирной цѣли, отбивались найманы, задыхаясь отъ ѣдкаго дыма направленныхъ въ упоръ выстрѣловъ.

— Ячменю набирай въ торбы. Не зѣвать!—распоряжался казачій урядникъ, верхомъ проѣхавшій въ тѣсныя ворота.— Говорилъ подлецамъ, чтобы захватили копы (мѣшки) съ собою; теперь хоть въ штаны накладывай, а чтобъ было... безпремѣнно...

— Вонъ всё отсюда! Къ арбамъ!—кричалъ изъ-за стѣны начальническій голосъ.— Ишь, напакостили сколько... къ арбамъ, черти!

Обозъ все подавался и подавался впередъ, прошли разгромленной улицей и остальные повозки, прошелъ и арьергардъ. Прибыли офицеры, которые позаботились разогнать мародеровъ, и по дворамъ и саклямъ разореннаго селенія бродили только, подбирая брошенное, все тѣ-же оборванные тѣни, которыя, какъ шакалы за львами, бродятъ за нашими. Богъ вѣсть, откуда являются эти существа; если вы начнете всматриваться въ черты этихъ тощихъ лицъ съ заискивающимъ, собачьимъ выраженіемъ, съ гноящимися глазами, покрытыми всевозможною лишаиною сыпью, то вы найдете и намеки на характерный монгольскій типъ, и прямые крупныя черты тюркскихъ племенъ, и сквозь слой грязи различите красный значекъ индійца—парин, забывавшаго мазать себѣ на лбу изображеніе вѣчнаго пламени. Никто не помнитъ, гдѣ именно пристали они къ отряду, никто не замѣчаетъ убыли и прибыли въ этихъ стаяхъ: все столько-же сегодня, сколько и вчера было, сколько было и прежде; а дѣйствительно убываетъ ихъ не мало: сколько ихъ гибнетъ во время грабежа, такъ называемой баранты, гдѣ они подвертываются подъ руку расходившихся солдатъ. Безъ жалости бьютъ ихъ и туземцы, зная, съ какой гнусной цѣлью бродятъ они за русскими. Чтобы избѣгать опасности, они держатся въ сторонѣ, гдѣ-нибудь въ скрытыхъ мѣстахъ, или-же примѣшиваются къ погонщикамъ арбъ и верблюдовъ.

Нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ судьба улыбается, и въ два-три похода они успѣваютъ пріобрѣсти себѣ что-нибудь похожее на одежду, а иногда даже и ослика, на которомъ и разъѣзжаютъ впослѣдствіи. Иные изъ нихъ ухитряются пріобрѣсти себѣ знакомство между солдатами, помощью различныхъ услугъ, а отъ знакомства недалеко и до покровительства. Эти счастливыя рѣшались даже напяливать поверхъ своихъ лохмотьевъ — старый солдатскій мундиръ или казачью одежду. Тогда они называли себя — джигитами, жили въ лагеряхъ вмѣстѣ съ русскими, преимущественно поблизости кухонь, служили чѣмъ-то въ родѣ шутовъ и составляли первое ядро нашей туземной милиціи. Но такихъ счастливыхъ было очень немного; въ ряды попадали только молодые, успѣвавшіе чрезвычайно быстро отъѣдаться и округляться на объѣдкахъ изъ ротныхъ котловъ.

Часамъ въ четыремъ по полудни стянулись всѣ войска къ мѣсту отдыха. Бивуаки расположены были по краю заравнанской долины между селеніями Шарыкъ-хатынъ и Магаль, и тянулись версты на полторы по линіи крайнихъ садовъ, такъ что всѣмъ ротамъ досталось стоять въ тѣни и поблизости воды, что составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ условій бивуачнаго расположенія.

Бухарская дорога шла вдоль бивуачной линіи и всѣ обозы зранѣе были расположены по этой дорогѣ.

Между бивуаками авангарда и главныхъ силъ протекалъ широкій и глубокій ручей Шарыкъ-хатынъ, и по его берегу, въ тѣни громадныхъ тополей, урюковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, расположилась главная квартира.

Всюду поднялись высокіе столбы дыма: пѣлыя бревна изъ разобранныхъ крышъ подкладывались подъ котлы, и красное пламя взвивалось языками къверху, облизывая черные, закопѣлые бока чугунныхъ посуды. Тутъ-же неподалеку ярко краснѣли свѣжо-выпотрошенныя внутренности зарѣзанныхъ быковъ, и парныя туши были подвѣшаны повыше на вѣтви деревьевъ, для безопасности отъ проголодавшихся псовъ. Смѣлыя вороны, каркая, садились на эти вѣтви, бочкомъ подбираясь къ мясу. Съ шумомъ, похожимъ на крупный дождь, сыпался на землю недозрѣлый урюкъ, трещали вѣтви, невыдержавшія тяжести забравшихся на нихъ солдатъ. Ротныя лошади весело

ржали, завидѣвъ издали бонюховъ, которые тащили на спинахъ зеленые, душистыя вязанки свѣжо-накошеннаго клевера... Бивуаки быстро принимали свой обычный шумный, оригинально-пестрый видъ, и маркитанты въ обозахъ, раскинувъ яркія, азіатскія палатки, открыли свой выгодный торгъ спиртомъ и привозными винами.

Въ широкомъ мѣстѣ Шарыкъ-хатына, близъ моста, на бухарской дорогѣ плескались и копошились въ грязной водѣ сотни голыхъ тѣлъ— тутъ-же, кстати, мылись и рубашки, и просушивались на солнцѣ, разложенныя на травѣ, или развѣшанныя на ружейныхъ козлахъ. Длинными вереницами артиллеристы и казаки вели на водопой лошадей. Въ офицерскихъ палаткахъ слышалось то хоровое пѣніе, то возгласы: «на пе! Уголь отъ валета, девятка по полтинѣ очко... Запишите за мною... Нѣтъ, батенька, лучше приплите,—я иначе не быю».

Въ походныхъ канцеляріяхъ дружно работали адъютанты и писаря, сочиняя матеріалы официальныхъ реляцій.

Въ прохладной лощинѣ, между двухъ стѣнъ, на разостланныхъ войлокахъ лежали наши раненые. Имъ было очень удобно: легкій вѣтерокъ, прорываясь по лощинѣ, освѣжалъ знойный воздухъ и уносилъ различныя міазмы; вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, низко свѣсившіяся изъ-за стѣнъ, словно гигантскіе зонтики, защищали лежавшихъ отъ лучей солнца. Тутъ же, у самыхъ ногъ, тянулся арыкъ съ свѣжей, проточною водою; говоръ и шумъ бивуаковъ не такъ рѣзко доносился въ это укромное мѣстечко, выбранное съ любовью и съ знаніемъ дѣла все тѣмъ-же толстеннымъ докторомъ.

У входа стояла лазаретная фура, между поднятыми оглоблями которой, подъ натянутой парусиной, устроено было уютное помѣщеніе, лично принадлежащее доктору. Молодой солдатъ еврейскаго происхожденія мылъ въ арыкѣ бинты и сворачивалъ въ трубочки, другой приготавливалъ тазы и ампутаціонные инструменты. Самъ докторъ, засучивъ до плечъ рукава рубашки, подвязавъ себѣ салфетку вмѣсто фартука, обходилъ раненыхъ.

Нѣсколько солдатъ пришли изъ лагеря проводить своихъ товарищей. Всѣ говорили шепотомъ, съ нѣкоторою торжественностью, только веселый, немного пискливый голосъ владыки и повелителя этого мѣста скорбящихъ — громко раздавался то

около одного, то около другого раненаго, ободрительно дѣйствуя на упавшій духъ несчастныхъ, разгоняя тоскливое, тяжелое чувство.

Афганцы лежали немного въ сторонѣ; за ними ухаживали ихъ-же товарищи, присланные сюда Искандеръ-ханомъ. Между ними нашелся даже одинъ эскулапъ, который съ сановитой важною размазывалъ по тряпкамъ какое-то зелье. Ему никто не препятствовалъ примѣнять на практикѣ свои медицинскія познанія, тѣмъ болѣе, что почти всѣ туземные лекаря отлично умѣютъ лечить всевозможныя, особенно поверхностныя, раны.

Одному афганцу, у котораго совершенно раздроблена была рука, пришлось дѣлать ампутацію; онъ долго не соглашался, кричалъ, ругался, призывалъ на помощь Аллаха и своихъ товарищей, но потомъ успокоился, увидавъ, какъ сдѣлали у него на глазахъ подобныя-же операциі нѣсколькимъ нашимъ солдатамъ, и покорно протянулъ свою искалѣченную руку нашему доктору.

Вообще, замѣтно было, что туземцы, понявъ значеніе хлороформированія, охотно прибѣгали къ этому способу, между тѣмъ какъ наши солдаты предпочитали выносить операциі, сохраняя при этомъ ясное сознаніе всего, что ихъ окружало: они недовѣрчиво относились къ этому непріятному чувству обморока и боялись не проснуться вовсе.

Совсѣмъ поодаль, такъ что раненые не могли видѣть, лежало нѣсколько тѣлъ, покрытыхъ съ головами солдатскими шинелями. Все, что шумѣло кругомъ, приближаясь къ этому мѣсту, притихало, словно изъ боязни потревожить умершихъ. Вотъ какая-то пѣгая собака съ громадною костью въ зубахъ, на всемъ собачьемъ карьерѣ задѣла за ружейный козель: оружіе повалилось съ дребезгомъ и звономъ; сидѣвшій по близости солдатъ громко ругнулъ неосторожнаго пса, но на половинѣ характерной фразы вдругъ оборвалъ и покосился въ ту сторону, гдѣ сѣрое, солдатское сукно угловатыми линиями облегалось сложенные на груди, неподвижныя руки и торчавшіе врозь носки грубыхъ сапогъ.

Конюхъ съ кнутомъ поминутно бѣгалъ отгонять собакъ отъ этого священнаго мѣста, одной только мохнатой черной шавкѣ сдѣлано было исключеніе. Свернувшись клубочкомъ, лежала она у ногъ убитаго и такъ жалобно взвизгивала при приближеніи

конюха, что у того не хватало духу прогнать грустившее животное.

— Ну, ну, лежи! Тебя не трону... — ворчалъ солдатъ. — Вѣдь вотъ, тоже—скотина, а душа, почитай, человѣчья!—замѣтилъ онъ своему товарищу.

— Потому—чувствуетъ!—отвѣчалъ тотъ, выбирая изъ-подъ ногъ лошадей затоптанный клеверъ.

Пришли еще изъ батальоннаго бивуака человѣкъ шесть; эти пришли съ новостями.

— То-есть, что въ кишлакахъ въ (деревняхъ) дѣлается—страсть!

— Афганцы наши все туда шарахнули!

— Шандринъ-горнистъ сказывалъ: бабъ ихнихъ, что по-отыскали!

— Ишь, ты... важно! Махнемъ, братцы...

— Поди-ка, махни; нашъ бородастый увидить,—онъ тѣ—махнетъ!

— Братцы, палятъ никакъ... слышь... разъ...

— Ну—расходились...

Изъ долины донеслись отдѣльные выстрѣлы; это были наши ружья, ихъ легко можно было узнать по отчетливому—громкому звуку.

Крики, доносившіеся изъ долины, все чаще и чаще повторяющіеся выстрѣлы, наконецъ, вспыхнувшій пожаръ, обратили на себя вниманіе тѣхъ, кому надлежало о томъ вѣдать. Позаботились унять неистовства и выгнать оттуда мародеровъ. Въ лагерь вѣрно было произвести самую тщательную переключку, чтобы узнать, кого нѣтъ на своихъ мѣстахъ, а въ долину было послано нѣсколько офицеровъ; въ числѣ послѣднихъ отправился и я.

Едва я выѣхалъ за черту нашихъ бивуаковъ, какъ дорожка съузилась и пошла вилать между глиняными стѣнками огородовъ,—на каждомъ шагу пересѣкая безчисленные водопроводные арыки; черезъ нѣкоторые изъ нихъ вели скороспѣлые мостики, черезъ большинство ничего не было, и мой Орликъ — козломъ прыгалъ черезъ подобныя препятствія, привыкшій не задумываться и не передъ такими пустяками.

Почти въ началѣ моей поѣздки я лицомъ къ лицу встрѣтился съ слѣдующей группой: два солдата, въ изодранныхъ за-

маранныхъ рубахахъ, безъ кепи, распоясанные, тащили въ поводу маленькаго ослика, нагруженнаго всевозможнымъ хламомъ; тутъ были и пестрые халаты, и яркія, полосатыя одѣяла, — какіе-то туго-набитые мѣшки, и разные металлическія мелочи. Все это было навьючено кое-какъ, на спѣхъ, билось по бокамъ животнаго, свѣшивалось и волочилось по землѣ, путаясь между ногами. Усталый осликъ упирался и неохотно тянулся на веревочномъ поводѣ; третій солдатъ подгонялъ его сзади ударами здоровенной дубины.

Случилось такъ, что, какъ разъ при поворотѣ съ боковой дорожки, вся группа лицомъ къ лицу встрѣтилась со мною.

— Какого батальона? — спросилъ я.

Солдаты переглянулись. Я повторилъ вопросъ... Въ одну минуту, всѣ трое кинулись въ разныя стороны и принялись скакать со стѣнки на стѣнку, а передо мною вертѣлся только озадаченный осликъ, окончательно запутавшійся въ своемъ несо-размѣрномъ вьюкѣ.

Пробравшись между осломъ и стѣнкою, я поѣхалъ дальше. Пришлось спуститься подъ горку. Съ шумомъ, разбрасывая тысячи брызгъ, работала небольшая мельница; узенькій живой мостикъ велъ почти надъ самыми колесами; только по этому мостику можно было перебраться на ту сторону, гдѣ находился мельничныи сарайчикъ съ плоскою крышею, густо заросшею травою, и длинная жилая сакля. Но мостикъ этотъ былъ какъ разъ на-половинѣ перегороженъ человѣческимъ трупомъ: руки и бритая голова свѣшивались съ одной стороны, и водяныя брызги отъ колесъ обмывали пробитое до мозговъ темя, изъ котораго сочилась густая черная жидкость. Тѣло лежало ничкомъ и было положительно обнажено; поясница была перебита чѣмъ-то острымъ — словно топоромъ и страшно зияла. Мой Орликъ упирался, фыркалъ на это страшное препятствіе и нерѣшался скакнуть черезъ него, несмотря на мои одобрительныя толчки въ его бока. Пришлось слѣзть и сбросить несчастнаго съ мостика...

Весь дворикъ мельницы былъ въ ужаснѣйшемъ беспорядкѣ: дверки въ саклѣ были выбиты, разная домашняя утварь разбросана по всему двору, на самой срединѣ лежалъ на боку разбитый кувшинъ съ кунжутнымъ масломъ, ведра въ четыре вѣстительности; темнозеленая лужа масла распространяла свой

характерный запахъ; кое-гдѣ бродили уцѣлѣвшія куры. Русскіе и туземные голоса слышались невдалекѣ, въ густомъ фруктовомъ саду, прилегавшемъ къ мельницѣ. Туда никакъ нельзя было пробраться верхомъ: я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колесу арбы, стоявшему у стѣны, и, нагнувшись, вошелъ, или, правильнѣе сказать, влѣзъ въ стѣнной проломъ. Человѣкъ шесть казаковъ и два афганца преспокойно лежали подъ тѣнью абрикосоваго куста и курили трубочки, около нихъ находились порядочные узелки, связанные аккуратно, съ походною опытностью. Казаки повскакали и, видимо, смѣшались; поднялись и афганцы, и оскалили свои бѣлые, цыганскіе зубы...

— Вы что тутъ дѣлаете?..

— Фуражиры, ваше б-іе...

— Какъ фуражиры?

— За ячменемъ присланы: урядникъ приказалъ непременно, чтобы на три дня запаслись!

— Это у васъ ячмень?—указалъ я на узелки.

— Никакъ нѣтъ!—Казаки замялись.—Ячменя не нашли!

— Теперь, ваше б-іе, какой ячмень,—принялся объяснять черноватый казакъ изъ башкиръ. — Татарва весь повыснѣла уже. Въ ямахъ, какъ есть, пусто...

— Какой сотни?

Казаки сказали. Я записалъ номеръ и велѣлъ имъ идти въ лагерь и явиться къ командиру; кстати, я велѣлъ имъ захватить съ собою и афганцевъ...

Прослѣдивъ немного за ними и убѣдясь, что они намѣрены исполнить мое приказаніе, я вышелъ изъ сада и поѣхалъ дальше на поиски.

Скоро я наткнулся на сѣрую лошадь, осѣдланную офицерскимъ сѣдломъ; лошадь эту я узналъ: она принадлежала одному изъ адъютантовъ, тому самому, что такъ толково и ясно передавалъ приказанія въ началѣ боя. Два конныхъ казака стояли тутъ-же.

— А Н гдѣ?..

— Тамъ въ савлѣ, ваше б-іе!

Изъ темной савли доносились женскіе голоса.

— Что вы тамъ дѣлаете? — крикнулъ я, нагнувшись съ лошади къ двери.

Изъ савли вышелъ адъютантъ.

— Ахъ, это вы... Я посланъ тоже... эти подлецы, представьте, тутъ женщины. Это ужасно...

— Да, дѣйствительно ужасно,—согласился я.— Ну, садитесь и поѣдемте вмѣстѣ. Это казаки ваши?

Дальше мы поѣхали уже цѣлой кавалькадой. По сторонамъ дороги, въ зелени мелькали то бѣлыя рубашки, то красные халаты и куртки афганцевъ; первыя прятались, завидя насъ; вторыя-же продолжали свое дѣло совершенно покойно: — они были положительно убѣждены въ законности грабежа послѣ битвы и весьма удивлялись нашимъ требованіямъ возвратиться въ лагерь.

— Посмотрите! — указаль я адъютанту на что-то яркое, лежавшее въ густомъ виноградникѣ. Мой спутникъ задрожалъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Да и было отчего.

Это *что-то*—была женщина, даже не женщина,—а ребенокъ лѣтъ четырнадцати, судя по формамъ почти дѣтскаго тѣла. Она лежала навзничъ, съ широко раскинутыми руками и ногами; лиловый халатикъ и красная, длинная рубаха были изорваны въ клочья; черные волосы, заплетенные въ множество косичекъ, раскидались вокругъ головы, глаза были страшно открыты, судорожно стиснутые зубы прикусили конецъ языка; подъ туловищемъ стояла цѣлая лужа крови.

Даже казаки переглянулись между собою и осторожно обѣхали, отвернувшись отъ этого раздирающаго душу зрѣлища.

А вотъ и нашъ поплатился:—изъ какой-то, очень небольшой дверки, ведущей въ землянку, до половины вырытую въ землѣ, торчали двѣ ноги, обутыя въ русскіе, подкованные сапоги; эти ноги были неподвижны. Казаки ухватились за нихъ и принялись тащить въ наружу. Вытащили,—смотримъ,—ничего не разберемъ: только и осталось человѣчьяго, что одни ноги; все остальное буквально измолочено тяжелыми китменами.

.....
Солнце садилось, когда я окончилъ свой объѣздъ. Несмотря на мои отлично выдрессированные нервы, несмотря на привычку къ виду крови и человѣческихъ страданій, я былъ положительно измученъ нравственно, и какія горькія, самыя безотрадныя думы лѣзли въ голову и разгоняли сонъ, рисуя передъ глазами дикія, отвратительныя сцены!

Быстро, почти безъ сумерекъ, наступила ночь, и весь без-

конечно-растянутый лагерь побѣдителей запылалъ безчисленными огнями; надъ долиной только стоялъ густой мракъ, кое-гдѣ прерывающійся зловѣщими пятнами пожарнаго зарева. Утомились, наконецъ, и тамъ, и мертвая тишина царствовала за предѣлами нашихъ бивуаковъ, обнесенныхъ живою цѣпью часовыхъ.

Когда, минутами, вдругъ стихалъ разнообразный гулъ бивуачнаго движенія, и наступила неожиданная затишь, изъ степи, той страшной, безводной степи, куда ушли на свою погибель разбитыя бухарскія войска, доносился хриплый вой волковъ, бродившихъ по мѣсту побоища: щедрой рукой разсыпана была имъ пожива въ степныхъ лощинахъ, по скатамъ холмовъ, на гребняхъ высотъ, опаленныхъ солнцемъ.

Чу! Вотъ и въ нашемъ лагерѣ завылъ кто-то по-волчьи: это маркитантъ, у котораго тайкомъ просверлили днище у спиртнаго боченка. Вотъ еще... нѣтъ, это хоровое пѣніе въ одной изъ офицерскихъ палатокъ. Жиденькій тенорокъ затягиваетъ съ варіаціями:

Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной...

Подхватываетъ въ разбродъ голосовъ десятокъ; одинъ басъ съ густымъ хрипѣніемъ выдѣляется изъ хора. Самъ пѣвецъ— въ длинной бѣлой черкескѣ. Особенно подчеркиваетъ слова:

Кавказскія долины—кладбище удалцовъ.

Хлопъ!—вылетѣвшая пробка стукнулась о палаточный верхъ.

— Сбѣгай въ роту, — говорятъ кто-то вполголоса около палатки, — чтобы людей прислали... съ лопатами...

— А что—померъ?

— Всѣ четверо кончились. Завтра, кто его знаетъ, можетъ, выступать утромъ будемъ—некогда будетъ...

— И за такую-то мадеру четыре рубля!—вознуется чей-то солидный баритонъ.

— Да вѣдь пойми ты: въ долгъ. По-моему, такъ это — почти что даромъ...

Молча, съ лопатами въ рукахъ, прошли другъ за другомъ нѣсколько солдатъ. Сзади несли за ними что-то длинное, завернутое въ шинель; черезъ минуту еще протащили два или три такихъ-же свертка: это понесли хоронить умершихъ на перевязочномъ пунктѣ.

Случалось не разъ, что послѣ того, какъ уходили наши войска, туземцы отыскивали могилы русскихъ солдатъ и издѣвались надъ тѣлами невѣрныхъ; главнымъ же образомъ трупы отрывались для того, чтобы отрѣзать у нихъ головы и присоединить ихъ къ своимъ трофеямъ: кто тамъ узнаетъ, какимъ путемъ добыты эти кровавые доказательства воинской доблести, а между тѣмъ въ Бухарѣ джигитъ, привезшій русскую голову, щедро одаривается самимъ эмиромъ и приобретаетъ себѣ знаменитое званіе батыря, т. е. богатыря. Официальною платою за голову обыкновенно бываетъ: полосатый, яркій халатъ изъ полушелковой ткани (адраса) и золотая монета — тилля; но главное — заманчивый блескъ военной славы...

Зная этотъ обычай *накостить покойниковъ* (какъ выражаются наши солдаты), изобрѣтенъ совершенно особенный способъ погребенія, которымъ удастся обмануть чуткаго азіата.

Прежде всего тщательно срѣзываютъ пластинками дернъ гдѣ-нибудь въ мѣнѣ бросающемся въ глаза мѣстѣ; затѣмъ вырываютъ узкую, довольно глубокую яму, стараясь по-аккуратнѣе складывать вырытую землю, чтобы не очень насорить по окружности. Спустивъ тѣло, засыпаютъ его и укладываютъ дернъ опять на свое прежнее мѣсто. Это все солдаты такъ ловко и скоро дѣлаютъ, что, зная даже о существованіи могилы, трудно опредѣлить безъ ошибки точный пунктъ погребенія.

Старикъ унтеръ-офицеръ съ кусочкомъ георгіевской ленточки на рубашѣ распоряжался несложнымъ похороннымъ обрядомъ. Выйдя немного за цѣпь часовыхъ, вся группа спустилась немного въ долину и остановилась у высокой стѣны, вдоль которой тянулась неглубокая рывина, густо заросшая крапивой, мальвами и дикимъ терновникомъ. Застучали лопатки по сухой землѣ, и заколыхались стронутые съ мѣста высокіе стебли.

— Поглядывай, братцы, чтобы какая погань не подглядѣла!—говорилъ одинъ изъ роющихъ.

— Кому глядѣть!.. Ихъ теперь, чай, и въ живыхъ нивого не осталось по близости!

— И на заводъ не оставили...

— Ну, не скаль зубы при такомъ случаѣ!—оборвалъ унтеръ съ ленточкой.

— А Никоновъ, братцы мои, еще вчера-съ въ безсрочный

сбирался идти: что-то, говорить, словно по дому взгрустнулось—такая это, говорить, тоска, что и-и, Боже мой!..

— Потому—конецъ свой чуялъ!

— А всѣхъ пуще Колосова, бѣднягу, жалъ: то-есть, вотъ душа-солдатъ былъ! Сказывалъ онъ какъ-то, что хотѣлъ ротнаго просить, чтобы ему жену выписали; дѣтей, говорилъ, двое махонькихъ... вотъ-те и жена!..

— Шабашъ, довольно!—остановилъ рабочихъ унтеръ, смѣривъ глазомъ глубину ямы.—Кто молитвы читать будетъ?

— Красковъ знаетъ!

— Я заупокойной не знаю!—отговаривался рыжий Красковъ.

— Ну, ничего, читай «Отче», потомъ «Богородицу» — и баста!

— Трижды «Со святыми упокой» опосля всего!—посоветовалъ кто-то.

— Ладно! Заваливай!

Однозвучно вылетали слова молитвы; имъ вторилъ лязгъ лопатъ, когда они, засыпая яму землею, стлѣивались въ дружной работѣ.

Молодой солдатикъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Ужъ очень, братцы, Колосова жалко!—всхлипывалъ онъ, принимаясь за дерновую пластину.

Да и всѣ остальные угрюмо, сосредоточенно работали, и тяжелый вздохъ не разъ прерывалъ обыкновенную рабочую одышку.

Зарыли послѣдняго, осмотрѣли еще разъ, все-ли въ порядкѣ, и пошли въ лагерь. Тамъ замиралъ уже неугомонный шумъ: все засыпало мало-по-малу послѣ тревогъ и волненій буйнаго, боевого дня. Даже у мармитанскихъ палатокъ все успокоилось: послѣднихъ потребителей разогнали дежурные, и торговши укладывались и приводили въ порядокъ свои походные магазины и рестораны.

Предположеніе выступать на слѣдующій день оказалось однимъ только предположеніемъ. Войска простояли на тѣхъ-же позиціяхъ весь день, простояли и еще одинъ, собирались простоять и третій.

Изъ Самарканда доходили только туманные слухи, да иначе и быть не могло, потому что сообщеніе отряда съ этимъ

городомъ было отрѣзано, и джигиты, посланные съ той и другой стороны, не достигали до цѣли, попадаясь въ руки бродячихъ непріятельскихъ партій.

Вдругъ, Богъ-вѣсть, изъ какого источника, по всему лагерю разнесся ужасный слухъ: говорили, что весь самаркандскій гарнизонъ перерѣзанъ до одного человѣка, что городъ этотъ снова въ рукахъ непріятеля, и что весь народъ подымается священной войной на пришельцевъ. Слухъ этотъ начиналъ подтверждаться; онъ, видимо, шелъ черезъ нашихъ арбакешей, имѣвшихъ кое-какіе сношенія съ туземцами, а между прочимъ, мы знали, что около Самарканда творится что-то необыкновенное, и слухъ этотъ съ каждою минутою принималъ все болѣе и болѣе вѣроятія. Наши почтовые джигиты, которымъ удалось, если не доѣхать до Самарканда, то, по крайней мѣрѣ, вернуться обратно въ лагерь, говорили всѣ единогласно, что Самаркандъ весь окруженъ горными народами, пришедшими съ Джура-Біемъ шегрисябзскимъ, и что жители присоединились къ возстанію. Многіе приуныли у насъ, да и было отчего: несмотря на превосходство нашего оружія, несмотря на кое-какіе признаки, напоминающіе европейскія войска, мы не могли-бы устоять при этой катастрофѣ, и намъ дорого пришлось-бы поплатиться.

Такъ-же внезапно, какъ распространился слухъ о нашемъ пораженіи, по лагерю разнесся другой, болѣе утѣшительный говоръ: мы побѣдили, непріятель бѣжитъ отъ самаркандскихъ стѣнъ, самъ Джура-Бій убитъ, а кто говорилъ, что взять въ плѣнъ.

Все вздоръ! Прихлынула третья волна тревожныхъ слуховъ: и пораженіе—вздоръ, и побѣда—вздоръ; но дѣла наши въ Самаркандѣ все-таки весьма плохи, и если мы не поспѣшимъ на выручку самаркандскаго гарнизона, то, пожалуй, кое-что окажется и правдой.

Въ виду всего этого рѣшено было не предпринимать дальнѣйшихъ побѣдоносныхъ движеній къ Бухарѣ, а отступать къ Самарканду.

На четвертый день нашей стоянки, рано утромъ, отрядъ снялся съ бивуаковъ и потянулся обратно.

Проходя Зара-булакомъ—невольно зажимали носы, а конные подгоняли лошадей, спѣша проѣхать зараженную полосу

воздуха. Страшный видъ представляла эта деревня: вся улица засорена всевозможнымъ хламомъ, всюду гниютъ неубранные, разбухшіе отъ июльской жары трупы. А во внутренность дворовъ лучше и не заглядывать, особенно теперь, когда страсти поулеглись, и многимъ пришлось взглянуть на дѣло рукъ своихъ болѣе трезвымъ, неподкупнымъ взглядомъ.

У мостика—вода шла черезъ, наводняя узкую улицу: громадный трупъ верблюда запрудилъ арыкъ, заражая своимъ гніеніемъ зеленоватую воду: даже изъ пруда чѣмъ-то пахло весьма подозрительно, и лошади, подведенныя для водопоя, отворачивали морды, отказываясь отъ предложеннаго имъ поила.

Прошли Зара-булакомъ, повернули ближе къ степи. Высоты — мѣсто недавняго боя — находились теперь по правую руку и, словно усѣянные макомъ, краснѣлись на солнцѣ. Отъ авангарда отдѣлилась группа всадниковъ и поѣхала къ высотамъ: это были офицеры изъ штаба, которымъ хотѣлось, по числу труповъ на данномъ пространствѣ, опредѣлить, хотя приблизительно, размѣры непріятельской потери. Но они недолго считали: въ этой адской атмосферѣ было трудно пробыть хотя нѣсколько минутъ, и компанія вернулась къ отряду, имѣвъ случай убѣдиться въ необыкновенной живучести чловека; особенно одинъ трупъ поразилъ всѣхъ своимъ видомъ: онъ не разбухъ, какъ всѣ остальные, а сохранилъ свои первоначальныя формы; когда къ нему подѣхали, то замѣтили, что трупъ этотъ глядѣлъ живыми глазами. Несчастнаго подняли, привезли къ лазаретнымъ фурамъ и подали медицинскія пособія; у него оказались: проколотое штыкомъ плечо, переломлена нога выше колѣна и ударъ прикладомъ по черепу. Черезъ часъ больной могъ говорить, хотя и слабо, почти невнятно, но совершенно опредѣленно выражая свои желанія. «Воды... воды!..» вотъ первыя слова, которыя онъ произнесъ на гортанномъ афганскомъ языкѣ. Почти четверо сутокъ пролежать на страшномъ припекѣ безъ всякой помощи, да въ добавокъ съ такими ужасными ранами! Къ ночи, однакожъ, онъ отошелъ въ вѣчность; можетъ быть, потому, что его уже очень старались поставить на ноги.

Солнце было еще высоко, когда мы вернулись въ Катта-Бурганъ и расположились на пепелищахъ прежнихъ бивуаковъ.

Къ югу отъ бухарской дороги, именно въ ту сторону, куда отброшены были пѣшія бухарскія войска, тянется на нѣсколько дней коннаго пути мертвая, безводная степь. Изрѣдка степь эту перерѣзываютъ неглубокія, каменистыя балки, кое-гдѣ виднѣются невысокіе, пологіе холмы, и все это покрыто слоемъ сѣрой пыли похожей на пепелъ, въ которомъ кое-гдѣ торчатъ рыжеватые, словно верблюжья шерсть, сожженные лѣтнимъ солнцемъ остатки жалкой, степной растительности. Свободно поится вѣтеръ по необъятному простору, подымаетъ цѣлыя облака этой пыли и заноситъ ею бѣлѣющіяся кости паллаго верблюда или дробные слѣдки, быстрыхъ, какъ самый вѣтеръ, сайгаковъ. Окидывая взглядомъ волнующуюся въ степномъ миражѣ линію горизонта, рѣдко можно замѣтить какое-нибудь живое существо; развѣ проголодавшаяся, чахлая пара мелкорослыхъ волковъ, поднявъ къ верку носы, перебѣгутъ отъ одной балки къ другой, потягивая горячій воздухъ — не пахнетъ-ли откуда еще необглоданной окончательно падалью.

Бросая свое жалкое оружіе, беспорядочными толпами шли бухарцы съ холма на холмъ, изъ лошины въ лошину, забираясь все дальше и дальше въ мертвую пустыню. Давно прекратилось преслѣдованіе, давно замолкъ гулъ послѣдняго выстрѣла, а въ ушахъ несчастныхъ бѣглецовъ все еще раздавались страшные, побѣдные крики *муровъ*, рѣзкій свистъ пуля врага безпощаднаго.

Вперивъ въ пространство тусклые взоры, бормоча коснѣющимъ языкомъ безсвязныя молитвы, они шли и падали, ослабѣвъ отъ потери крови, отъ мучительной жажды. Въ воспаленныхъ мозгахъ бродилъ тяжелый чадъ и угаръ — слѣды одуряющаго опиума.

Кто падалъ—тотъ уже и не пытался вставать болѣе: ему суждено было умереть въ степи.

Верстахъ въ тридцати находится, почти на самой дорогѣ въ Карши, группа небольшихъ колодцевъ, у которыхъ кочевые наймы поятъ своихъ неприхотливыхъ овецъ. Въ эту именно сторону, словно инстинктивно, тянулись вереницы красныхъ куртовъ, и, по мѣрѣ приближенія къ колодцамъ, въ помертвѣлыхъ глазахъ загорались искры слабой надежды на спасеніе.

Вотъ синимъ гребнемъ протянулась скалистая гряда, за этою грядою, въ лощинѣ колодцы, въ колодцахъ вода—а съ нею спасеніе. Усталыя ноги движутся бодрѣе, даже раненые приподымаются и ползкомъ тянутся къ этой синѣющей грядѣ, задерживая мучительные стоны.

Густая пыль стоитъ надъ лощиной; тамъ слышны ржаніе лошадей, крики и ругань: конные туркмены раньше поспѣли къ колодцамъ; имъ надо и себѣ утолить жажду, и напоить своихъ лошадей, а въ колодцахъ воды не много: они вырыты какъ разъ по размѣру суточныхъ потребностей кочевниковъ; только черезъ сутки опять они наполнятся водою, а какъ-же ждать сутки, — когда часъ ожиданія можетъ окончиться смертію. Но, можетъ быть, счастливы не всю воду выпьютъ, можетъ быть, достанется и на долю отставшихъ пѣшихъ...

Крики вокругъ колодцевъ усиливаются, слышны выстрѣлы: изъ пыли вырываются кони безъ всадниковъ съ разметанными сѣдлами и несутся въ степь. Начинается ожесточенная схватка... Нѣтъ надежды! Это дерутся за послѣднія капли.

Рѣже и рѣже становится толпа вокругъ колодцевъ: конники уходятъ дальше; толпа за толпой тянутся они по каршинской дорогѣ; длинныя пики съ пучками конскихъ волосъ, словно гибкій камышъ, волнуются между холмами, скрываясь изъ глазъ мало-по-малу; развѣваются по вѣтру концы бѣлыхъ турбановъ, ярко сверкаетъ на солнцѣ золотое шитье на спинахъ сановныхъ наѣздниковъ.

Въ свою очередь, все ближе и ближе подходятъ разрозненные массы пѣшихъ: вотъ они поднимаются на гребень, имъ осталось только спуститься въ лощину, на днѣ которой, словно въ безпорядкѣ наброшенные груды камней, видѣются жерла колодцевъ.

Опять появляется слабая надежда; передніе ускоряютъ шагъ... вотъ побѣжали...

На днѣ колодцевъ ничего, кромѣ клейкой, зеленовато-черной, густой грязи. По близости валяются раздавленные въ свалѣ кожанныя ведра—постоянная принадлежность степныхъ колодцевъ; волосяные арканы, на которыхъ опускаютъ эти ведра, — увезены; да если-бы они и оставались — такъ развѣ для того только, чтобы на нихъ удавиться.

А жаждущіе все прибываютъ и прибываютъ; гуще и гуще становится толпа: задніе еще не подозреваютъ о катастрофѣ.

Капля по каплѣ медленно просачивается влажность сквозь песчаныя стѣны колодцевъ и стекаетъ на дно; жидко становится грязь... еще-бы часъ, два терпѣнія, и воды, хотя-бы для немногихъ, накопилось-бы достаточно. Но возможно-ли эти—часъ, два терпѣнія—когда человѣкомъ начинаетъ овладѣвать бѣшенство, когда человѣкъ забываетъ все — кромѣ жгучей потребности пить.

Чѣмъ попало, вычерпываютъ эту грязь, глотаютъ ее, давятся и падаютъ, задыхаясь въ конвульсіяхъ.

Высокій, мускулистый, словно бронзовая статуя, татаринъ виднѣется выше всѣхъ надъ толпою, онъ стоитъ на колодезной обкладѣ, его сжатые кулаки подняты къ небу; изъ охриплаго горла вырываются самыя ужасныя ругательства, направленные на небо, на Аллаха, на пророка, но пуще всего достается эмиру Мозофару. Вдругъ онъ какъ-то странно забинулся назадъ, руки взболтнули въ воздухѣ, — и эта атлетическая, полуобнаженная фигура полетѣла головой внизъ, прямо въ темное отверстіе колодца. Старикъ мулла, съ длинной пожелтѣвшей бородой, стоитъ въ двухъ шагахъ отъ этого мѣста, опустивъ дымящійся стволъ фитильнаго мултука. До этой минуты онъ молча молился въ сторонѣ, пока его не вывели изъ религіозной задумчивости богохульныя ругательства татарина.

Припадки бѣшенства смѣнились мало-по-малу тупымъ безмолвіемъ; полная апатія овладѣвала большинствомъ... Вонъ въ сторонѣ, прислонившись къ большому камню, сидитъ одинъ, на лицѣ его полнѣйшее спокойствіе, глаза закрыты, голова опущена на грудь... онъ спитъ, но уже дыханіе прекратилось: это пораженный солнечнымъ ударомъ, — смерть покойная, она незамѣтно приходитъ въ глубокомъ снѣ и, счастливецъ, вовсе не знаетъ ея приближенія...

Широко махая гигантскими крыльями, несутся надъ этимъ царствомъ смерти степныя орлы-стервятники: они заранѣе предвѣщаютъ обильную жатву, и ихъ не пугаютъ даже тѣ конкуренты, которые вонъ тамъ, за этою усѣянною мелкими камнями, красноватою отлогостью, притаились, поджавъ свои хвосты, щелкая, словно въ лихорадкѣ, голодными зубами.

Съ наступающими сумерками все болѣе и болѣе сбѣгается волковъ изъ степи, занимая сосѣднія рытвины, выжидая, когда уйдутъ живые и оставить имъ на съѣденіе своихъ мертвыхъ собратьевъ.

Спустя мѣсяца два послѣ этихъ событій, мнѣ пришлось быть съ казачьимъ разъѣздомъ у этихъ самыхъ колодцевъ; всюду, куда только хваталъ глазъ, бѣлѣлись человѣческія кости, и пестрѣли клочья цвѣтной одежды. Туземцы-пастухи, которые поили своихъ овецъ у колодцевъ, такъ какъ время клонилось уже къ ночи, говорили мнѣ, что на пути отъ зара-булакскихъ высотъ и около колодцевъ человѣческихъ тѣлъ было гораздо болѣе, чѣмъ на мѣстѣ самого побоища. Не даромъ говорили, что изъ семи тысячъ регулярныхъ пѣхотинцевъ эмира Мозофара едва одна тысяча собралась въ Бухаръ, и то почти черезъ мѣсяцъ послѣ сраженія.

Страшное положеніе, когда на несчастныхъ побѣжденныхъ возстаетъ даже сама, незнающая пощады, природа.

Колодцы эти носятъ теперь названіе: «Кара-Кудукъ», что значитъ—черные колодцы.

У Р Г У Т Ъ.

Послѣ чапанъ-атинскаго погрома и занятія Самарканда прошла цѣлая недѣля. Отрядъ нашъ тѣснымъ лагеремъ расположился по сторонамъ большой бухарской дороги, на выѣздѣ изъ Самарканда. Въ городской цитадели, гдѣ помѣщенъ былъ походный лазаретъ, устроены временные склады провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ, и находилась главная квартира, сталъ шестой баталіонъ линейцевъ и три роты стрѣлковъ нашей туркестанской гвардіи.

На очень небольшомъ пространствѣ, прорѣзанномъ по всѣмъ направленіямъ арыками, стѣснилось около трехъ тысячъ человѣкъ. Солдаты помѣщались въ крохотныхъ парусинныхъ палаткахъ, на манеръ переносныхъ алжирскихъ. По близости краснѣли, зеленѣли и пестрѣли азіатскія палатки офицеровъ, ослѣпительно сверкали мѣдныя тѣла орудій; между зарядными ящиками, на протянутыхъ коновязяхъ привязаны были артиллерійскіе яони, которые фыркали и чихали отъ мелкой, всюду проникающей, пыли и тоскливо отмахивались хвостами отъ мириадъ докучливыхъ мухъ. Цѣлыми тучами носились надъ лагеремъ эти несносныя насѣкомыя, набивались въ палатки, лѣзли и падали въ котлы, миски и стаканы и не давали сомкнуть глазъ до солнечнаго заката, внося въ нашъ лагерь одно изъ самыхъ существенныхъ неудобствъ. Дымъ отъ ротныхъ кухонъ черными и сѣроватыми облаками носился надъ рядами палатокъ. Въ воздухѣ пахло котлами, жаренымъ саломъ, свѣже-испеченымъ хлѣбомъ и другими, болѣе или менѣе возбуждающими или отбивающими аппетитъ, снадобьями.

Небольшой ручей, протекавшій на днѣ оврага, шагахъ въ трехстахъ впереди, снабжалъ весь лагерь довольно порядочною

водою. Вругомъ зеленѣли тѣнистые фруктовые сады; надъ лагеремъ-же кое-гдѣ торчали полувисохшія, ошипанные деревья.

Дорога въ Бухару, обсаженная тутовыми деревьями, раздѣляла лагерь на двѣ почти равныя части. Въ настоящее время дорога эта кипѣла самою оживленною дѣятельностью. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись наскоро сколоченные шалаши, въ которыхъ продавались разные съѣдомыя вещи: варился пловъ, жарились шашлыкъ и рыба, и даже устроены были двѣ или три небольшія хлѣбопекарныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія туземныя лепешки. Въ болѣе опрятныхъ и тѣнистыхъ шалахахъ продавались шербетъ и разные фрукты. Разноплеменную, пеструю толпу по всѣмъ направленіямъ прорѣзывали сартята и жиженки съ лотками на головахъ, выкрикивая ломанымъ языкомъ русскія названія продаваемыхъ предметовъ.

Въ просторныхъ полотняныхъ палаткахъ, принадлежащихъ нашимъ русскимъ купцамъ и маркитантамъ, толпились солдаты. Татары-прикащики, суетясь, сновали взадъ и впередъ, особенно, если въ палатку заходили офицеры, что всегда приносило хорошій доходъ, ибо въ лагерь жилось весело.

Авганыцъ Искандеръ-Хана, въ яркихъ халатахъ, гремя оружіемъ, рыскали верхомъ въ толпѣ, усердно прикладывая руку въ козырьку, по русскому обычаю, при встрѣчѣ съ нашими офицерами. Лошади ржали, ишаки вытянули длиннouxіа морды, пронзительно выкрикивали усталые, вылинявшіе верблюды, уложенные рядами у самыхъ боевыхъ арыковъ, жалобно вздыхали, пережевывая рубленую солому (саманъ). Въ воздухѣ стояла невыносимая жара, градусовъ двадцать пять и болѣе въ тѣни по Реомюру.

По вечерамъ, когда становилось гораздо прохладнѣе, въ разныхъ пунктахъ лагеря гремѣла незатѣйливая музыка линейныхъ баталіоновъ, звонко заливались хоры пѣсенниковъ, и туземная торговля на базарѣ прекращалась. Сарты, жиженки и индійцы уходили въ городъ съ тѣмъ, чтобы на другой день вернуться съ свѣжими продуктами. Только въ маркитантскихъ палаткахъ было яркое освѣщеніе; торговля въ этихъ темныхъ мѣстахъ не прекращалась вплоть до разсвѣта. Впрочемъ, всѣ мѣры осторожности, принятые въ военное время, исполнялись съ возможною тщательностью: сплошная цѣпь часовыхъ охва-

тывала весь лагерь, и въ разныхъ укромныхъ пунктахъ закладывались довольно сильные секреты.

Такъ изо дня въ день проводилось время въ самаркандскомъ лагерьѣ.

Въ самомъ Самаркандѣ жители относились къ намъ чрезвычайно дружелюбно. Мы еще и не подозревали, до какой степени притворна эта миролюбивость. Депутации отъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ и кишлаковъ почти ежедневно представлялись генераль-губернатору. Съ самаго ранняго утра можно было видѣть разныхъ представителей, которые молча сидѣли въ тѣни, на мощеномъ плитами дворѣ эмирскаго дворца (кохъ-таша), гдѣ помѣщалась главная квартира. Передъ депутатами стояли круглые мѣдные подносы съ лепешками, изюмомъ, сушенымъ урюкомъ и разными мѣстными сластями; тутъ-же жалобно мычали быки на волосяныхъ привязяхъ; все это началось на поклонъ Ярмъ-Пашѣ (полгосударя), какъ называли туземцы нашего генераль-губернатора. Часовъ въ одиннадцать, обыкновенно, назначался приемъ депутации. Разныя сласти и скотъ отбирались и поступали въ пользу караульной роты, на почетнѣйшихъ изъ депутатовъ надѣвались золотыя и серебряныя медали, всѣмъ безъ исключенія — цвѣтные, а иногда и шитые золотомъ халаты, и вся публика, повидимому, чрезвычайно довольная, отправлялась съ миромъ во-свояси.

Одинъ только изъ городовъ, казалось, вовсе не расположенъ былъ признавать нашей власти. Это былъ Ургутъ. Городъ этотъ лежалъ верстахъ въ сорока отъ Самарканда къ югу, въ глухомъ горномъ ущельѣ, и дороги къ нему вели не совсѣмъ-то удобныя. Къ Гусейнъ-Беку, тамошнему правителю, уже не разъ посылали сказать, чтобы онъ явился въ Самаркандъ представиться и получить распоряженія отъ своего новаго правительства, и что, иначе, онъ рискуеть навлечь на себя гнѣвъ русскаго губернатора, что могло-бы имѣть для него очень вредныя послѣдствія; на все это Гусейнъ-Бекъ отвѣчалъ чрезвычайно уклончиво и неопредѣленно или-же не отвѣчалъ вовсе. А между прочимъ, это странное упорство могло вредно вліять на окрестное населеніе. Къ Ургуту, какъ къ опорной точкѣ, начали пристраиваться то тѣ, то другія партіи недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей; получено было важное

извѣстіе, что Гусейнъ-Бекъ сносился съ Джура-Биемъ, шегри-сябзьскимъ бекомъ, по ту сторону самаркандскихъ горъ, а Шегри-Сябзь явно выставилъ себя врагомъ русскихъ и союзникомъ бухарскаго эмира. Подобное положеніе дѣлъ относительно Ургута надо было прекратить какъ можно скорѣе и окончательно, и рѣшено было послать туда довольно сильный самостоятельный отрядъ, начальнику котораго поручено было, между прочимъ, стараться, на-сколько это возможно, устроить дѣло мирнымъ путемъ, не доходя до вооруженнаго столкновенія. Десятаго мая, вечеромъ, отрядъ этотъ былъ сформированъ и ночью выступилъ изъ Самарканда по ургутской дорогѣ.

Была чудная весенняя ночь,—такая ночь, какія и здѣсь, въ средней Азіи, выдаются на рѣдкость. Полная луна высоко стояла въ небѣ; было такъ свѣтло, что читать можно было почти безъ затрудненія. Удушливый, отнимающій сонъ лѣтній ночи еще не начинались, и въ воздухѣ было прохладно.

Отрядъ нашъ вытягивался по узкимъ улицамъ Самарканда. Пѣхота шла молча, безъ пѣсенъ и говору, тяжело переступая по вершковой пыли. Сильно клонило ко сну, и солдаты на ходу дремали. Всѣ ворота были на глухо заперты, и въ городѣ царствовала мертвая тишина; изрѣдка только выскочить тощая дворовая собака и съ хриплымъ лаемъ пробѣжить по плоской крышѣ, провожая мелькающій передъ ея глазами ротный значекъ. Колеса орудій и ящиковъ глухо гремятъ по камнямъ. Пестрые джигиты-киргизы и авганцы, щелкая нагайками по тощимъ бокамъ своихъ лошадей, пробирались въ плотную къ стѣнамъ, обгоняя пѣхоту. Офицеры, распустивъ поводья, клевали носомъ, сидя на мягкихъ казачьихъ сѣдлахъ. Скоро подошли къ городскимъ воротамъ; здѣсь находилась маленькая базарная площадка съ запертыми лавочками и пустыми навѣсами. Четыре оборванныхъ сарта съ большими бубнами въ рукахъ сидѣли на карточкахъ подъ навѣсомъ, угрюмо глядя на проходящихъ солдатъ; ни одинъ мускулъ не пошевелился на этихъ типичныхъ, рѣзко очерченныхъ, лицахъ, и казалось, что они совершенно равнодушно относились къ шуткамъ и островамъ гауровъ, сыпавшимся на нихъ изъ шедшихъ мимо рядовъ. Это былъ одинъ изъ туземныхъ городскихъ карауловъ, обязанность которыхъ была обходить

базары и улицы и караулить по ночамъ городскіе ворота. Сзади, отъ хвоста колонны, слышались крики: «Направо налѣво раздайся!» Пѣшіе прижались къ стѣнамъ, очищая дорогу, конные ускорили шагъ. Показалась небольшая группа верховыхъ, которая ускореннымъ шагомъ, почти рысцою, обогнала отрядъ. Это былъ начальникъ отряда полковникъ А—въ. Онъ ѣхалъ впереди на красивой рыжей лошади, вполголоса здороваясь съ людьми и слегка кивая своей бѣлой фуражкой; два-три офицера и нѣсколько казаковъ рысили за нимъ тѣсною кучкою; надъ конвоемъ развѣвался большой полосатый значекъ, тѣнь отъ котораго длинной полосой бѣжала по плоскимъ крышамъ. Скоро весь отрядъ, пройдя подъ темными, массивными воротами, выбрался изъ города и втянулся въ окрестные сады. Дорога стала значительно шире; по сторонамъ тянулись довольно высокіе глиняные заборы, изъ-за которыхъ видѣлись развѣсистыя, курчавыя верхушки фруктовыхъ деревьевъ. Громадныя туги, сплошь покрытыя бѣлыми ягодами, бросали на дорогу густую, непроницаемую тѣнь. Часто попадались отдѣльные садики съ квадратными прудиками посерединѣ, обсаженными высокими, кудреватыми карагачами; сквозь темныя массы зелени видѣлись жилые дворы, обнесенные высокою зубчатою стѣною, часто съ затѣйливыми украшеніями, вырѣзанными по сырой глинѣ. Вездѣ по сторонамъ, сквозь яркую зелень засѣянныхъ клеверомъ полей, серебрились узкіе арыки, по которымъ, съ глухимъ журчаніемъ, бѣжали мутные потоки воды; такіе-же арыки, но только значительно шире, поминутно перерѣзывали дорогу, и черезъ нихъ вели ветхіе, полуразвалившіеся мостики. Въ воздухѣ пахло медовымъ запахомъ торговника. Цѣлый градъ ягодъ сыпался на пыльную дорогу при каждомъ ударѣ штыка о низко свѣсившіяся вѣтви. Красноватый шаръ луны спустился къ самому горизонту, и на немъ ясно рисовались далекія горныя вершины. Вся восточная сторона неба подернулась блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ, а черезъ часъ ослѣпительно блеснули яркіе, огненные лучи и погнались передъ собою по цѣлому морю изумрудной зелени легкую дымку утренняго тумана.

Скоро мы выбрались изъ садовъ, которые по этому направленію тянутся почти на пятнадцать верстъ отъ городскихъ стѣнъ. Необозримыя поля, засѣянные клеверомъ, пшеницею,

рисомъ, видѣлись всюду, куда только хватилъ глазъ; кое-гдѣ возвышались насыпные курганы, желтели низенькія стѣнки изъ глины и отдѣльно разбросанные небольшіе саники. Около дороги лежало довольно большое, изрытое и заросшее бурьяномъ, мазлами и разными сорными травами, пространство, усыпанное продолговатыми, бѣлыми и темно-сѣрыми каменными плитами; надъ нѣкоторыми изъ нихъ торчали шесты съ повѣшенными тряпками и желѣзными зубчатыми наконечниками: это было кладбище съ безчисленными могилами правовѣрныхъ. Въ сторонѣ видны были два кургана, на вершинахъ которыхъ сложены были грубыя подобія мавзолеевъ, осѣненные бунчуками изъ конскихъ хвостовъ и мѣдными, пустыми внутри, шарами, висящими на тонкой проволоцѣ: здѣсь поконились тѣ, которые еще при жизни получили высокій санъ святыхъ—столповъ мусульманства. Мы прошли еще верстъ пять и, спустившись въ небольшую лощину, расположились на привалѣ по берегамъ довольно широкаго арыка съ мутною, землистою водою. Обозы съ трудомъ вытягивались на противоположную возвышенность и, выстраиваясь рядами, распрягали лошадей, офицерскія повозки катились къ своимъ частямъ, казаки ставили на приколы своихъ запыленныхъ и отряхивающихся лошадей. Скоро, то тамъ, то сямъ, затрепали веселые огоньки, и потянулись голубоватыя струйки дыма; оживленный разговоръ слышался со всѣхъ сторонъ, весь берегъ арыка усыпанъ былъ умывающимися солдатами.

Недолго отдыхали мы на этомъ мѣстѣ. Скоро барабаны затрепали подъемъ, люди поднялись и выстроились, артиллерія впрягла лошадей, и мы тронулись снова. Впереди, за лентою полей, видѣлся прелестный голубой хребетъ Самаркандъ-Тау, подошвы котораго рисовались большими темносиними пятнами; намъ говорили проводники, что это были заросшія садами ущелья Ургута. Странно, что мы по дорогѣ совершенно не встрѣчали никого изъ жителей; даже въ поляхъ не видно было ни одного человѣка; казалось, что жители бѣжали отъ насъ и оставляли на поляхъ работы, при первомъ появленіи, вдали на дорогѣ, бѣлой ленты нашего отряда съ сверкающими на солнцѣ черточками штыковъ.

Часамъ въ четыремъ вечера отрядъ нашъ пришелъ къ мѣсту ночлега, верстахъ въ шести не доходя до Ургута. Мы

расположились на просторной луговой равнинѣ, большимъ четырехугольникомъ, примкнувъ къ быстро бѣгущему ручью, называвшемуся также Ургутомъ. Шесть ротъ пѣхоты стали развернутымъ фронтомъ по фасамамъ четырехугольника, казачьи орудія стали между ротами, казаки растянулись по берегу, прикрывая расположенныя здѣсь-же ротныя кухни; середину лагеря заняли отрядный обозъ и офицерскія палатки. Нѣсколько пустыхъ сакель примыкали къ самому лагерю; эти, видимо, были брошены не болѣе, какъ за часъ передъ нашимъ прибытіемъ. Жители успѣли захватить только самое для нихъ цѣнное, все-же остальное было въ безпорядкѣ брошено, какъ внутри сакель, такъ и посреди дворишковъ: посуда глиняная и деревянная, нѣсколько мѣшковъ (батмановъ) съ зерновымъ хлѣбомъ, какіе-то пестро раскрашенные съ позолотою шкапики и много разнаго хлама. Сейчасъ-же занялись варкою ужина. На дрова разобрали крышу одной изъ сакель, и подъ громадными ротными котлами запылали яркіе огни. Офицерскіе деньщики забѣгали съ мѣдными чайниками... Лагерь принялъ свою обычную фizioномію.

Прямо передъ нами подымались горы; казалось, что можно было рукой достать эти покрытые сочной зеленью склоны, но почти ташъ (восемь верстъ) отдѣлялъ насъ отъ подножья хребта. Ближе всего, постепенно сливаясь съ равниной, высились роскошныя, ярко зеленые холмы, выше поднимались грозныя скалы причудливой формы, громоздясь одна на другую, то расходясь и образуя темныя тѣснины, то сплошною стѣною загораживая темно-синее небо. Клочковатыя, разорванныя тучи скользили по каменнымъ утесамъ, бросая на нихъ бѣгущія тѣни; иногда онѣ сплывались въ большія массы, спускались къ самымъ подножьямъ и медленно ползли по низу, пока вырвавшійся изъ ущелья стремительный порывъ вѣтра не разрывалъ ихъ и не гналъ снова въ высь, къ искрившимся на солнцѣ ярко-бѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ. Густые сады, между которыми виднѣлись глиняныя постройки, раскинуты были по ближайшимъ склонамъ; за ними возвышался отдѣльный курганъ, вершины и скаты котораго тѣсно были обстроены. Въ бинокль можно было ясно различать отдѣльныя сакли и зубчатыя стѣны на вершинѣ кургана. Далѣе, за курганомъ снова виднѣлись сады, постепенно теряясь въ глубокомъ ущельѣ.

Это и былъ Ургутъ, расположенный у входа въ свое недоступное ущелье.

Между тѣмъ свирѣпствовавшіе въ горахъ порывы вѣтра стали доноситься и до насъ; заколыхались легкіе шелковые значки, и дрогнуло натянутое на тонкихъ веревкахъ полотно солдатскихъ палатокъ. Свинцовая туча, охвативъ пол-горизонта, шла прямо на нашъ лагерь съ глухими ударами грома; горное эхо вторило имъ съ безконечными перекатами; крупныя капли дождя защелкали по пыльной дорогѣ. Черезъ пять минутъ хватилъ проливной дождь. Люди попрятались въ палатки и подъ повозки; одни только часовые, плотно завернувшись въ свои сѣрые плащи, мѣрно расхаживали передъ рядами составленныхъ въ козлы ружей. Черезъ полчаса пронеслись дождевыя тучи. Яркіе лучи заходящаго солнца заискрились на мокрой зелени, и по горамъ протянулись чудныя радужныя полосы. Въ воздухѣ стало прохладно. День клонился къ вечеру.

Цѣль нашей экспедиціи, какъ я уже сказалъ, не была безусловно враждебна. Отъ Гусейнъ-Бека требовалось только одно—чтобы онъ прибылъ въ Самаркандъ для личныхъ переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ и принялъ далеко не тяжелыя условія покорности. Только въ случаѣ полного сопротивленія позволено было намъ употребить въ дѣло оружіе. Итакъ, надо было испробовать предварительно мирныя средства.

Рѣшено было послать къ Гусейнъ-Беку письма отъ генералъ-губернатора и отъ начальника нашего отряда, въ которыхъ, по-возможности, кратко и вразумительно изложена была цѣль нашего прибытія. Кромѣ того, надо было послать эти письма съ такимъ человѣкомъ, который-бы сѣумѣлъ лично говорить съ бекомъ и не побоялся-бы довольно крупныхъ неприятностей, могущихъ случиться съ посланнымъ, если только предложенія наши не будутъ встрѣчены миролюбиво. Не разъ бывали случаи, что подобные посланные возвращались или съ обрѣзанными ушами и посомъ, или-же не возвращались вовсе. Въ настоящемъ случаѣ выборъ палъ на Нурмеда.

Какой-то всадникъ, на высокой тюркменской лошади, въ полу-татарскомъ костюмѣ и въ косматой лисьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, шагомъ подъѣзжалъ къ ставкѣ нашего полковника и слѣзъ съ лошади. Это былъ Нурмедъ. Онъ,

согнувшись и приподнявъ на головѣ шапку, вошелъ въ ставку. Рѣдко можно встрѣтить такую оригинальную фizioномію; подъ густыми, нависшими бровями сверкали, какъ угли, два темно-каріе глаза, высокій гладкій лобъ окаймлялся густою щеткою гладко-остриженныхъ сѣдыхъ волосъ, широкій чувственный ротъ постоянно складывался въ какую-то добродушную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лукавую улыбку, сѣвось бѣлыя кольца выющихся усовъ сверкали ослѣпительные зубы, и роскошная черная съ частою простѣдою борода длинными прямыми расплзлась чуть не на половину груди.

Куда только судьба не закидывала эту оригинальную личность; вся его жизнь наполнена была разнообразными, въ высшей степени романтическими приключеніями. Онъ самъ не любилъ рассказывать эпизоды своего прошедшаго, а если и рассказывалъ, то часто въ его рассказахъ, видимо, было умышленное противорѣчіе. Говорили, что лѣтъ тридцать тому назадъ онъ бѣжалъ изъ Сибири, что долго онъ слонялся по обширнымъ степямъ киргизской орды, потомъ пробрался въ бухарское ханство, служилъ у отца нынѣшняго эмира Насрулла, былъ у него въ милости и въ немилости, участвовалъ съ нимъ въ походахъ, потомъ былъ придворнымъ медикомъ при дворѣ уже настоящаго эмира Мозофара и, наконецъ, снова явился къ русскимъ, рассчитавъ, что давно забыто его прошедшее, и не докопаться до него никакимъ пресловутымъ слѣдователямъ, да и кому охота была заглядывать въ его далѣе былое.

Ему сообщили сущность его порученія; онъ молча выслушалъ, завернулъ въ широкій поясъ письма и, пожавъ руки ближайшимъ изъ офицеровъ, съ повлономъ вышелъ изъ палатки. Скоро мы видѣли его далеко, уже за цѣпью часовыхъ; длинноногій аргамакъ ходко рысиль по узкой дорогѣ, верхушка лисьей шапки ярко краснѣла издали, и за согнутой богатырской спиной торчали стволы вынудой изъ чехла винтовки.

Между тѣмъ стало замѣтно темнѣть; звѣзды все гуще и гуще усеивали синее небо; надъ кухонными огнями стояло красноватое зарево; казаки и артиллеристы навѣшивали на коней торбы съ ячменемъ, солдаты уже поужинали, и ночная цѣпь часовыхъ разставлена была вокругъ лагеря. Люди, утом-

ленные большимъ переходомъ, крѣпко спали, свернувшись подъ своими шинелями. Въ офицерскихъ палаткахъ кое-гдѣ еще видѣлись огни, въ ставкѣ-же начальника отряда было ярко освѣщено; тамъ никто не спалъ: ждали возвращенія Нурмеда и рѣшенія вопроса, быть или не быть на завтра кровавому штурму строптиваго Ургута.

Прошло часа три. Наконецъ, въ цѣпи послышался тревожный окликъ. Топотъ нѣсколькихъ лошадей приближался къ лагерю, и изъ темноты начали одна за другую выдѣляться конныя фигуры. Онѣ остановились уже внутри лагеря и стали слѣзать съ лошадей, ихъ встрѣтили и ввели въ палатку начальника отряда. Черезъ пять минутъ всѣ прибывшіе сидѣли полукругомъ на разостланномъ коврѣ; напротивъ нихъ помѣстился на складной кровати полковникъ А—въ, правѣе и лѣвѣе его нѣсколько офицеровъ, а сзади, въ полусвѣщенныхъ пространствахъ, видѣлось, одно за другимъ, множество любопытныхъ лицъ, пришедшихъ послушать, чѣмъ кончится это интересное засѣданіе. Нурмедъ вернулся вмѣстѣ съ прибывшими и что-то рассказывалъ одному изъ нашихъ офицеровъ. Мы узнали, что это прибылъ самъ Гусейнъ Бекъ для личныхъ объясненій съ начальникомъ отряда. Объясненія эти, послѣ обычныхъ размѣновъ любезностей, начались.

Теперь мы обратимся нѣсколько назадъ, къ минутѣ отъѣзда Нурмеда изъ нашего лагеря *).

Версты четыре проѣхалъ джигитъ, не встрѣтивъ ни одной живой души; уже ясны были видны первыя стѣнки ургутскихъ садовъ, можно было свободно различать группы плодовыхъ деревьевъ; тогда онъ замѣтилъ за стѣнками какое-то движеніе: казалось, что толпы пѣшаго народа двигались взадъ и впередъ, что-то работали, спѣша и суетясь; кое-гдѣ сновали конные, красные халаты которыхъ замѣтны были издали; глухой говоръ слышался по садамъ, можно было уже различать отдѣльные крики и звуки дребезжавшаго рожка. Нурмедъ постоялъ минуту на мѣстѣ, осмотрѣлся и потомъ потихоньку началъ спускаться къ быстрому, бѣгущему по кремнистому руслу, ручью. Черезъ ручей онъ перѣхалъ въ бродъ—воды

*) Заимствовано мною изъ личнаго разсказа Нурмеда о его ургутскихъ походахъ

было едва по-колѣно; выбравшись на другой берегъ, онъ пустилъ коня въ карьеръ и понесся по каменистой дорогѣ, пристально глядя по сторонамъ. Едва онъ проскакалъ шаговъ триста, какъ услышалъ громкіе крики: нѣсколько конныхъ выскакали изъ ближайшихъ садовъ и приближались къ нему, стараясь охватить его со всѣхъ сторонъ. Мимо самыхъ ушей его просвисталъ пущенный изъ пращи камень. Нурмедъ еще шибче погналъ своего аргамака; поджарый сынъ степей стлался по дорогѣ. Джигитъ хорошо зналъ мѣстные нравы: попавшись жителямъ въ руки прежде, чѣмъ его замѣтятъ официальные власти, онъ могъ рассчитывать натерпѣться много крупныхъ непріятностей; цѣлью его бѣшенной скачки было какъ можно скорѣй прискакать въ городъ и попасться на глаза если не Гусейнъ Бека, то кого-нибудь изъ его подчиненныхъ. Вотъ еще разъ ему пришлось перебираться черезъ рѣчку. Съ плескомъ разступилась прозрачная горная вода; дико фыряя, конь въ два прыжка вскарабкался на противоположную сторону; толстое бревно лежало поперекъ дороги, густыя зеленныя вѣтви топорщились во всѣ стороны. Аргамакъ на минуту остановился, и мигомъ нѣсколько рукъ ухватилось за поводья; разгоряченный бѣгомъ, конь взвился и перелетѣлъ черезъ препятствіе. Нурмедъ вырвался и оставилъ въ рукахъ державшихъ полу своего пестраго бешмета. Узкая улица, по которой онъ несся, извивалась по берегу. Вдругъ цѣлая баррикада, сложенная изъ свѣже срубленныхъ бревенъ во всю ширину, загородила ему дорогу; разскакавшійся конь разомъ сталъ, какъ вкопанный, раздувъ широко ноздри и наостривъ маленькія уши. Въ нѣсколько секундъ Нурмедъ былъ окруженъ густою толпою народа, которая, съ крикомъ и ругательствами, тащила его съ лошади. Но уже нѣсколько красныхъ халатовъ, безпощадно прокладывая себѣ дорогу плетми, пробивались къ остановленному парламентеру; повелительные крики «оставить! прочь! не трогать!» успокоили толпу. Нурмеда окружили и, отобравъ у него лошадь и оружіе, пѣшкомъ повели къ Гусейнъ-Беку по кривымъ улицамъ города. Густая толпа сопровождала его вплоть до воротъ цитадели, гдѣ помѣщался бекъ. Дорогою Нурмедъ успѣлъ замѣтить, что жители не питали дружественныхъ чувствъ къ русскимъ и дѣятельно готовились къ энергической оборонѣ. На каждомъ

перекресткѣ устраивались сильные завалы: стукъ топоровъ звонко раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Женщины и дѣти спѣшно укладывались; тяжело навьюченные ишаки, лошади и даже коровы поминутно попадались ему на встрѣчу; все спѣшило въ горы, предоставляя мужчинамъ защищаться въ пустомъ городѣ. Лавки базаровъ плотно запирались досками и желѣзными болтами. Почти всѣ жители ходили вооруженные, хотя огнестрѣльнаго оружія было очень мало замѣтно; но за то всевозможные батики, топоры, даже китмени, назначенные собственно для мирныхъ работъ, все было употреблено въ дѣло, и озлобленные жители, взобравшись на плоскія крыши сакель, свирѣпо глядѣли въ даль, на бѣлѣвшіися далеко на горизонтѣ русскія палатки. Всѣ мечети были отперты; оттуда несло заунывное причитываніе муллъ, и въ узорныя двери, одинъ за другимъ, входили суровые мусульмане, оставляя у входовъ свои острокопечныя туфли.

Съ какимъ страшнымъ, фанатическимъ озлобленіемъ относились жители къ бѣдному Нурмеду, и ведшимъ его сарбазамъ стоило не малыхъ усилій удерживать народъ отъ черезчуръ уже крупныхъ оскорбленій. Особенно женщины отличались на этомъ поприщѣ; онѣ, какъ разъяренныя кошки, кидались на конвой, пытаясь пробиться къ Нурмеду; приподнявъ свои покрывала, онѣ плевали ему въ лицо, швыряли кусками грязи и даже камнями, такъ что даже сарбазы выходили изъ себя и пускали въ дѣло узкіе приклады своихъ фитильныхъ мултуговъ. Наконецъ, массивные, окованные желѣзомъ, ворота цитадели, пропустивъ, кого слѣдуетъ, захлопнулись передъ самымъ носомъ шумящей толпы, и Нурмедъ вздохнулъ свободнѣй.

Черезъ чисто вымощенный дворъ провели парламентаря въ отдѣльный дворикъ, гдѣ помѣщался самъ Гусейнъ-Бекъ; въ просторной, устланной коврами саклѣ сидѣлъ онъ самъ съ своими приближенными. Это былъ еще молодой человѣкъ съ блѣднымъ, растеряннымъ лицомъ; онъ, казалось, былъ взволнованъ до послѣдней степени; раскраснѣвшіеся, какъ-будто отъ слезъ, глаза безпокойно бѣгали отъ одного лица къ другому. При входѣ Нурмеда онъ смутился еще болѣе, и безцвѣтныя губы его странно зашевелились; онъ даже пытался приподняться, но костлявая рука рядомъ сидѣвшаго старика съ

патріархальнымъ лицомъ и сѣдою окладистою бородою, опустилась на его плечо, и бѣдный Гусейнъ какъ-то съежился и, опустивъ глаза, старался избѣгать смотрѣть на спокойнаго и пристально глядѣвшаго на него посланца.

Сидѣвшіе въ саклѣ сурово встрѣтили Нурмеда; ему указали на мѣсто около самой двери, и Нурмедъ, отдавъ привезенныя письма, утѣлся на коврикѣ, поджавъ подъ себя ноги, по мѣстному обычаю. Медленно, съ подобающей важностью, печати были вскрыты, и письма прочитаны вслухъ. По прочтеніи писемъ минулъ на пять воцарилось общее молчаніе; потомъ, по приказанію старика, Нурмеда подняли, вывели изъ сакли, связали руки за спиною бумажнымъ кушакомъ и бросили въ углу двора, приставивъ къ нему караулъ изъ пяти сарбазовъ съ обнаженными кривыми саблями. Между тѣмъ по поводу писемъ началось оживленное совѣщаніе.

Недолго продолжалось это совѣщаніе. Нурмедъ слышалъ, почти до послѣдняго слова, все, что говорилось въ саклѣ. Голосъ самого Гусейна раздавался изрѣдка и то какъ-то нерѣшительно, но за то рѣзкій старческій крикъ какого-то фанатика покрывалъ собою остальной говоръ. Нурмедъ понималъ, что никакія соглашенія невозможны: русскимъ письмамъ и увѣреніямъ въ желаніи мира не довѣряли вовсе. Вызовъ Гусейнъ-бека въ Самаркандъ они считали просто хитрой уловкой, желаніемъ заманить только въ свои руки слабого правителя. Всѣ были убѣждены въ возможности сопротивляться силой противъ горсти русскихъ, а они успѣли уже замѣтить нашу малочисленность. Припоминались походы эмира на неприступный Ургутъ, всегда кончавшіеся неудачею для гордаго повелителя Бухары; а что-же послѣ этого могли сдѣлать русскіе? Вѣдь эмиръ приходилъ съ войсками, которыя покрывали собою всѣ окрестныя поля, сорокъ пушекъ гремѣли съ утра до ночи, пушечный дымъ закрывалъ солнце, а ничего не сдѣлано было Ургуту, ни одинъ врагъ не заходилъ въ его каменные ущелья. Русскіе-же пришли съ малымъ числомъ солдатъ и привезли съ собою всего четыре пушки, да и то маленькія. А между тѣмъ за стѣнами цитадели слышенъ былъ глухой, озлобленный говоръ собравшагося народа: жители требовали битвы. Муллы въ мечетахъ громко призывали всякія бѣды на головы невѣрныхъ и предсказывали, что Аллахъ по-

кроет позоромъ русское войско, и храбрые мусульмане снова будутъ торжествовать въ своемъ, любимомъ Аллахомъ и всѣми пророками, городѣ. Но вотъ послышались новые вопли, которые заставили поблѣднѣть несчастнаго Нурмеда: народъ требовалъ немедленной смерти посланника русскихъ. Дѣло могло кончиться очень плачевно для бѣднаго авантюриста, и Нурмедъ увидѣлъ, что пора начать дѣйствовать, а то уже будетъ поздно.

Связанный по рукамъ, онъ съ усиленіемъ подпоясалъ на поги и потребовалъ, чтобы его снова ввели въ саклю, говоря, что ему нужно еще сообщить нѣчто очень важное для Гусейнъ-Бека. Желаніе его было исполнено. Усѣвшись опять на своемъ прежнемъ мѣстѣ, онъ началъ заранѣе обдуманную рѣчь.

Нурмедъ началъ съ того, что онъ самъ истинный мусульманинъ, но что, вслѣдствіе несчастія и воли Аллаха, онъ попалъ въ рабство къ невѣрнымъ. Что онъ не переставалъ думать, какъ настоящий правовѣрный, и что онъ отъ всего сердца ненавидитъ русскихъ и искренно желаетъ, чтобы Аллахъ ниспослалъ свои громы на ихъ головы. Послѣ этого вступленія онъ продолжалъ: «Я знаю, что вы храбры, и что городъ вашъ видѣлъ подъ своими стѣнами много могучихъ воеводъ, но во всякомъ случаѣ, рисковать не слѣдуетъ и надо осмотрительно приготовиться къ столкновенію съ русскими, чрезвычайно искусными въ военномъ дѣлѣ. Я знаю,—говорилъ онъ,—что Джюра-бейъ шехрисябзькій уже спѣшитъ къ вамъ на помощь, но придетъ онъ не ранѣе, какъ завтра ночью, а то даже и послѣ завтра утромъ. Вамъ непременно надо выиграть время и покуда дѣятельно укрѣпляться въ улицахъ и молиться Аллаху.

«О, съ какимъ-бы удовольствіемъ,—продолжалъ онъ, замѣтивъ, что рѣчь его начинаетъ производить благоприятное для него дѣйствіе, —пристроился-бы я къ вамъ, но это невозможно: русскіе узнаютъ, что я остался здѣсь, подумаютъ, что меня задержали силою, и сегодня-же ночью ворвутся въ городъ и внесутъ огонь и разореніе въ мирные дома его жителей». Тутъ онъ остановился на минуту и посмотрѣлъ на окружающую его публику. Всѣ лица были мрачны, но смотрѣли на него менѣе зло, чѣмъ прежде; онъ почувствовалъ даже, что кушакъ, связывающій ему руки, замѣтно ослабъ и,

наконецъ, свалился вовсе. Руки Нурмеда были совершенно свободны; тогда онъ продолжалъ: «Есть средство заставить русскихъ въ бездѣйствіи прождать день и даже болѣе подъ стѣнами Ургута. Очень можетъ быть даже, что они отступятъ вовсе. Вотъ это средство. Русскій начальникъ требуетъ, чтобы Гусейнъ-Бекъ выѣхалъ къ нему въ лагерь; этого дѣлать не слѣдуетъ. Русскіе коварны, и благороднаго Бека можетъ встрѣтить тамъ какое-нибудь несчастіе; но развѣ нѣтъ кого-нибудь, который-бы взялъ на себя назваться Гусейнъ-Бекомъ и ѣхать въ русскимъ? Тамъ не узнаютъ обмана и съ мнимымъ Бекомъ поступать такъ, какъ поступили-бы съ настоящимъ, если-бы Гусейнъ самъ, довѣрившись слову русскихъ, поѣхалъ-бы лично въ лагерь глауговъ. Такимъ образомъ, вы увидите сами, на-сколько можно вѣрить русскимъ, и выиграете время, необходимое для того, чтобы дожидаться прибытія Джюра-Бека. Между прочимъ, я самъ лично заявлю что пріѣхавшій въ лагерь есть, дѣйствительно, Гусейнъ-Бекъ, и это еще болѣе ослѣпить русскихъ и не дастъ имъ замѣтить подлога».

Рѣчь эта понравилась всѣмъ, особенно довольны были предложенной выдумкою замѣнить Гусейнъ-Бека. Фанатика, согласнаго на этотъ подвигъ, было найти нетрудно. Передъ Нурмедомъ поставлено было блюдо плова, и накинуть ему на плечи узорный халатъ изъ полосатаго адраса. Черезъ часъ, не болѣе, все было готово къ отъѣзду въ лагерь, и когда Нурмедъ снова сѣлъ на своего аргамака и забралъ возвращенное ему оружіе, то уже совершенно стемнѣло. Небольшая группа всадниковъ, съ подложнымъ Гусейнъ-бекомъ и гардующимъ впереди Нурмедомъ, медленно пробиралась по улицамъ сквозь густыя толпы волнующихся жителей, осторожно объѣзжая завалы и наскоро-вырытыя ямы. Выѣхавъ изъ города, они поѣхали крупною рысью. Мнимый Гусейнъ-бекъ, который оказался старикомъ лѣтъ восьмидесяти, въ богатомъ шелковомъ халатѣ и необъятной бѣлой чалмѣ, кулькомъ трясся на высокой лошади подъ ковровой попоной. Вся публика ѣхала молча, одинъ только Нурмедъ не переставалъ говорить, давая всѣмъ совѣты, какъ надо держать себя съ русскими вообще, а въ особенности съ начальникомъ отряда. Скоро ихъ обликнули передовые посты казачьей цѣпи, но, узнавъ Нурмеда, пропу-

стили далѣе. Я забылъ сказать, что ургутскіе муллы не забыли привести Нурмеда къ строгой присягѣ передъ кораномъ въ томъ, что онъ не измѣнитъ имъ и не откроетъ обмана, но Нурмедъ оказался, въ этомъ случаѣ, истиннымъ сыномъ девятнадцатаго столѣтія. Впрочемъ, самъ Нурмедъ не говорилъ ничего о своей присягѣ, и это свѣдѣніе получено уже со стороны, отъ одного изъ увѣлѣвшихъ ургутскихъ жителей.

Палатка, гдѣ происходило засѣданіе, была освѣщена двумя или тремя стеариновыми свѣчами; ночной вѣтеръ, врываясь въ отпахнувшіяся полы, поминутно колыхалъ блѣдное пламя, вслѣдствіе чего свѣтъ былъ неровный, мерцающій, и трудно было подробно разсмотрѣть черты и выраженіе лицъ прибывшихъ. Ближе всѣхъ сидѣлъ псевдо-Гусейнъ; его желтое, морщинистое лицо виднѣлось только до половины изъ-подъ кисейной чалмы; старческія тонкія губы шевелились, какъ-будто пережевывая что-то, открывая по-временамъ беззубый ротъ съ блѣдными деснами. Рядомъ съ этимъ старцемъ, почти прислонившись къ нему плечомъ, сидѣлъ узбекъ съ большою, окладистою, черною, какъ смоль, бородою, и съ длинными, нависшими бровями. Онъ-то и говорилъ больше всѣхъ, отвѣчая на всѣ вопросы, предложенные даже самому Гусейну. Двое остальныхъ почти не принимали участія въ разговорѣ; они безпокойно перешептывались между собою, бросая робкіе взгляды во всѣ углы палатки. Пріѣзжіе сразу показали себя очень плохими актерами. Впрочемъ, имъ дали успокоиться и ободриться; по крайней мѣрѣ, съ четверть часа имъ не давали замѣтить, что обманъ ихъ открытъ. Наконецъ, имъ объявили объ этомъ.

Засѣданіе окончилось; вся публика разошлась по палаткамъ: къ прибывшимъ приставленъ караулъ; имъ сказали, что они проведутъ эту ночь въ лагерѣ, а тамъ, на другой день, будетъ видно, какъ поступить съ тѣми, кто рѣшился на подлогъ, вмѣсто того чтобы вести честные переговоры.

Между тѣмъ по лагерю пронесся слухъ о томъ, что въ ночь готовится сильное нападеніе на нашъ отрядъ. Съ вечера, на горизонтѣ виднѣлись большія конныя толпы, которыя обходили насъ и занимали въ тылу наши сообщенія съ Самаркандомъ. Приняты были всѣ мѣры, предписываемыя осторожностью.

Ни одной звѣздочки не было видно на небѣ; густыя тучи выползли снова изъ ущелій и затянули все небо: по-временамъ налетали рѣзкіе порывы вѣтра, парусили солдатскія палатки и взмывали изъ-подъ ротныхъ котловъ огненные снопы разлетавшихся искръ.

Въ эту ночь я былъ назначенъ дежурнымъ по отряду. На моей обязанности лежала, между прочимъ, повѣрка постовъ и карауловъ. Часу въ первомъ по-полуночи я окончилъ объѣздъ по цѣпи и возвращался въ лагерь отъ самаго дальняго коннаго пикета, верстахъ въ четырехъ отъ лагеря, по ургутской дорогѣ. Я не слѣдовалъ всѣмъ изгибамъ дороги, а ѣхалъ на прямпеъ, направляясь на лагерные огни. Моя лошадь шла положительно ошупью; я совершенно довѣрился инстинкту коня и пустил свободно поводья уздечки. Умное животное вытянуло шею, наострило уши и осторожно подвигалось впередъ, слегка пофыркивая. Такимъ образомъ, я ѣхалъ минутъ десять. Вдругъ конь мой остановился, громко всхрапнулъ и попытлся назадъ; я перегнулся въ сѣдлѣ и пристально сталъ вглядываться въ темноту; ясно было, что впереди находится какой-то предметъ, пугающій моего Орлика; это не могло быть что-нибудь обыкновенное—кустъ, арыкъ, какой-нибудь выдавшійся камень или что-нибудь подобное; я хорошо зналъ своего испытаннаго коня, и потому отстегнулъ пуговку револьвернаго кобура и освободилъ оружіе. Сколько я ни всматривался въ темноту, я рѣшительно не могъ ничего замѣтить. Впереди, шагахъ въ трехъ, видѣлось какъ будто-бы нѣсколько кустовъ, я даже слышалъ шелестъ вѣтовъ, шевелившихся отъ вѣтра; больше я ничего не видѣлъ подозрительнаго; я тронулъ легонько коня, который слегка издрогнулъ отъ прикосновенія шпоръ и тронулся впередъ, но замѣтно нерѣшительно, и вдругъ, круто повернувъ на заднихъ ногахъ, стремительно скакнулъ раза два, такъ что я едва усадѣлся въ сѣдлѣ. Въ эту минуту я услышалъ хриплый голосъ, который что-то причиталъ непонятное, мнѣ даже показалось, что-то похожее на плачь, по крайней мѣрѣ, я ясно слышалъ судорожное всхлипываніе. Я громко обликнулъ. Едва только раздался мой голосъ, какъ невидимое существо пронзительно вскрикнуло и бросилось бѣжать отъ меня, что слышно было по шуму удаляющихся шаговъ. Въ этомъ отчаянномъ крикѣ я узналъ женскій голосъ; въ этомъ нельзя было сомнѣваться—

пронзительная, раздирающая душу, полная смертельного испуга нота еще дрожала въ воздухѣ. Я не кинулся преслѣдовать это странное существо; это ни къ чему-бы не повело, да и было положительно невозможно: въ этой темнотѣ, на мѣстности изрытой и заросшей, я десять разъ могъ-бы сломать себѣ шею прежде, чѣмъ поймалъ-бы эту странную незнакомку. Я тронулся дальше, все направляясь на огни, и черезъ четверть часа былъ уже около своей палатки. Отдавъ коня вѣстовому, я завернулся въ шинель и легъ на коврѣ, разсчитывая соснуть часъ до новаго объѣзда по цѣпи.

Не успѣлъ я хорошенько задремать, какъ меня разбудилъ грубый солдатскій голосъ: «Ваше благородіе! Ваше благородіе!» Я открылъ глаза. Передо мною стоялъ солдатъ въ амуниціи, съ ружьемъ и въ накинутой на плечи шинели; онъ приближалъ изъ цѣпи.

— Что случилось?—спросилъ я его.

— Тамъ въ цѣпи «притча», ваше благородіе!—отвѣчалъ онъ, указывая рукою по направленію лѣваго угла лагеря.

— Какая притча? Что за вздоръ!

— Не можемъ знать, ваше благородіе! Такъ прямо на часовыхъ и лѣзетъ; пробовали отогнать—кусается, окаинная; кто ее знаетъ, что такое!

Я вскочилъ и пошелъ вслѣдъ за солдатомъ, который побѣждалъ впереди, указывая дорогу.

Тамъ, на дальнемъ концѣ лагеря, пылалъ яркій огонь; солдаты жгли сухую, прошлогоднюю колючку: пламя взвивалось высокимъ столбомъ, освѣщая вокругъ довольно значительное пространство. Группа солдатъ, съ громкимъ говоромъ и свѣхомъ, стояла вокругъ чего-то, привлекающаго общее любопытство. Когда я подошелъ, солдаты разступились, и я увидѣлъ странное существо.

Это была женщина, еще не старая, высокаго роста и чрезвычайно худощавая. На головѣ у нея ничего не было; черные съ просѣдью волосы длинными прядями падали въ безпорядкѣ; она поминутно поправляла ихъ длинными, костлявыми пальцами. Большіе, круглые глаза смотрѣли на огонь совершенно безсмысленно; красный ротъ, съ бѣлыми ровными зубами, былъ искривленъ улыбкой, но улыбкой безобразной, безъ всякаго выраженія: такъ улыбаются идиоты. Женщина сидѣла

на короточкахъ около огня и дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Остатки полосатаго халата едва держались на плечахъ; обѣ груди были обнажены совершенно. Она то напѣвала себѣ подъ носъ что-то монотонное, то плакала, то смѣялась. Она была сумасшедшая, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Вдругъ она пристально взглянула на одного изъ солдатъ и, какъ кошка, прыгнула къ нему, вытянувъ руки; испуганный солдатъ отскочилъ и выронилъ при этомъ изъ рукъ кусокъ хлѣба. Безумная вцѣпилась въ этотъ кусокъ и съ какою-то неестественною жадностью принялась его грызть и глотать, почти не прожевывая куски. Она была голодна: она, вѣрно, нѣсколько дней ничего не ѣла. Я тотчасъ-же послалъ на кухню за кашей, а самъ началъ допрашивать ее, съ помощью солдата-переводчика. Впрочемъ, всѣ мои попытки остались безплодны—я не узналъ ровно ничего. Безумная, видимо, ничего не понимала, и я прекратилъ распросы. Солдаты толковали между собою и, какъ казалось, недружелюбно относились къ этому визиту.

— Прикидывается, вѣдьма,—говорили они.—Знамо, прикидывается. Подослали, чай! Таперича ее до утра никакъ нельзя выпускать изъ лагеря.—Чего выпускать, пришибить, да и все тутъ!

— Ишь ты, пришибить! А ну-ко-сь, поди пришиби; чай тоже человѣкъ!

Я видѣлъ, что эту женщину нельзя оставить на попеченіе такого караула, и велѣлъ отвести ее на главную гауптвахту: тамъ ее накормили и оставили до утра. Съ разсвѣтомъ ее вывели изъ лагеря. Она медленно побрела къ горамаъ, ковыляя по высокому бурьяну.

Рано утромъ, еще до солнечнаго восхода, отрядъ нашъ уже былъ на ногахъ. Пѣхотинцы оставили на повозкахъ шинели и сухарные мѣшки и въ однихъ рубашкахъ выстраивались передъ лагеремъ. Палатки были сняты; обозъ запрягалъ лошадей и вытягивался на дорогу. Рѣшено было сдѣлать еще одну, послѣднюю попытку уладить мирно съ Гусейнъ-бекомъ, а за тѣмъ, если не удастся, штурмовать Ургутъ сегодня-же.

Вывели изъ палатки мнимаго Гусейнъ-бека съ товарищами; они провели мучительную ночь въ ожиданіи на утро достойнаго воздаянія: они были увѣрены, что имъ утромъ отрѣжутъ

головы. Когда имъ привели ихъ лошадей и велѣли ѣхать въ Ургутъ, они не хотѣли вѣрить и думали, что надъ ними смѣются. Полковникъ А—въ приказалъ имъ передать Гусейнъ-беку, что если онъ не выйдетъ переговорить лично съ начальникомъ русскаго отряда черезъ два часа, то русскіе пойдутъ къ Ургуту. Послы медленно выѣхали изъ лагеря, но едва только они проѣхали послѣднихъ часовыхъ, какъ пригнулись къ сѣдламъ и во всю конскую прыть понеслись къ городу. Только тонкая полоса пыли стлалась по дорогѣ вслѣдъ за быстро удаляющимися всадниками.

Между тѣмъ отрядъ тронулся къ Угурту. Солдаты, подгоняемые утреннимъ холодомъ, шли ходко, съ пѣснями; казачьи орудія рысили между ротами, въ обозѣ скрипѣли и визжали немазанная колеса арбъ; аріергардная рота, составивъ ружья, ждала, когда послѣдняя повозка выберется на дорогу. Начальникъ отряда поѣхалъ впередъ съ казачьей сотней, съ нимъ поскакали и нѣсколько офицеровъ.

Едва мы отошли версты двѣ отъ мѣста ночлега, какъ заиѣтили на всѣхъ окрестныхъ холмахъ конныя толпы. Мѣсто нашего лагеря тоже было уже занято непріателемъ и, кромѣ того, по шехри-сябзской дорогѣ изъ ущелья подвигалось большое пыльное облако. Насъ положительно охватили со всѣхъ сторонъ, и, въ случаѣ неудачи подъ Ургутомъ, мы могли рассчитывать на самое непріятное отступленіе.

Передъ началомъ ургутскихъ сраженій находилась довольно значительная, но съ пологими скатами, возвышенность; она вся была покрыта конными, и на самой вершинѣ пестрѣло нѣсколько яркихъ значковъ. Отдѣльные всадники джигитовали шагахъ въ трехъ-стахъ, даже менѣе, передъ нашимъ авангардомъ; иные совершенно неожиданно выскакивали изъ незамѣтныхъ заросшихъ бурьяномъ лошинъ, почти передъ самымъ фронтомъ, гикали и стремглавъ неслись назадъ, чертя круги своими длинными пиками. Впрочемъ, ни одного выстрѣла не было сдѣлано ни съ той, ни съ другой стороны; это была прелюдія, могущая окончиться еще мирнымъ образомъ. Непріятель, видимо, давалъ намъ замѣтить свои силы, рассчитывая, что мы будемъ, вслѣдствіе этого, уступчивѣе въ своихъ требованіяхъ.

Мы все продолжали подвигаться впередъ; переднія толпы

непріятеля отходили при нашемъ наступленіи, заднія же неотступно слѣдовали за нами. Не доходя полутора верстъ до начала садовъ, мы остановились и перестроились въ боевой порядокъ: три роты стали въ первую линію, стрѣлки разсыпались въ цѣпь, а остальные роты составили резервъ и прикрытіе обоза, который сворачивался въ густую колонну, по столько повозокъ въ рядъ, сколько позволяла холмистая и сильно изрытая мѣстность. Орудія, не снимаясь съ передковъ, заняли мѣста на небольшомъ холмѣ, нѣсколько впереди первой линіи. Вообще позиція была довольно удачная; ургутскіе сады были видны, какъ на ладони, на зубчатой вершинѣ цитадели что-то дымилось, по садамъ пестрѣли густыя толпы пѣшаго народа.

Нашъ маневръ произвелъ оживленное движеніе въ массахъ непріятеля: заволновались нестройныя толпы, и глухой гулъ артобстрѣла по окрестностямъ. Значки отступили къ садамъ, и оттуда показалась небольшая, отдѣльная кавалькада, которая поскакала прямо по направленію къ георгіевскому значку начальника нашего отряда. Оказалось, что это были вчерашніе знакомцы; они ѣхали съ окончательнымъ отвѣтомъ къ полковнику А—ву.

Отъ этихъ пословъ мы узнали, что Гусейнъ ни подъ какимъ предлогомъ не выѣдетъ къ русскимъ. Ургутцы явно дали намъ замѣтить, что нашимъ словами и обѣщаніями они не довѣряютъ вовсе. Начальникъ отряда настаивалъ на своемъ требованіи; это оказалось совершенно бесполезнымъ. Послы говорили: «Мы видимъ, что вы хотите битвы; что-жъ, пусть Богъ рѣшитъ, кто изъ насъ правѣе. Впрочемъ, мы видѣли и не такихъ подъ нашими стѣнами. У насъ въ книгахъ сказано, — продолжали они, — что самъ Тимуръ-Ленкъ приходилъ съ мечомъ и огнемъ въ наши горы, но Богъ не допустилъ до гибели свой любимый городъ и покрылъ стыдомъ войско Тимура. Идите лучше съ Богомъ домой и скажите своему губернатору, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ нашего бека».

Такъ говорили послы, а конныя массы непріятеля все прибывали и прибывали; казалось, всѣ окрестныя села и мѣстечки возстали и выслали своихъ вооруженныхъ жителей на помощь Ургуту. Мы предчувствовали, что намъ придется имѣть

горячее дѣло. Мы не давали много значенія тѣмъ коннымъ толпамъ, которыя сновали у насъ въ тылу и на флангахъ: мы по опыту знали, что, какъ-бы ни было многочисленно это скопище, оно не рѣшится всею массою нахлынуть и раздавить нашъ отрядикъ, а это было-бы очень не трудно: непріятеля было, навѣрное, болѣе двадцати тысячъ, а у насъ не набиралось и семисотъ человѣкъ. Ружейный огонь всегда удержитъ въ почтительномъ отдаленіи джигитовъ, и одной роты будетъ совершенно достаточно, чтобы прикрыть какъ нашъ обозъ, такъ и тылъ штурмующаго отряда. Но въ садахъ, гдѣ ургутцы будутъ драться на своемъ родномъ пепелищѣ, гдѣ каждая саяля, каждый садикъ, обнесенный глинянымъ заборомъ, могутъ служить прекраснымъ укрѣпленіемъ, наконецъ, въ самомъ городѣ, гдѣ жители имѣли время приготовиться къ оборонѣ и баррикадировать улицы, здѣсь, мы знали, что встрѣтимъ жестокий отпоръ, и много надо будетъ усилій, чтобы опрокинуть столько, повидимому, непреодолимыхъ препятствій. А между тѣмъ надо было, во что-бы то ни стало, сломить строптивый городъ; отступить безъ штурма было-бы слишкомъ рискованно: мы могли-бы много потерять въ этомъ краѣ, гдѣ мы, съ своею малочисленностью, только и держимся какимъ-то чарующимъ обаяніемъ нашей непобѣдимости.

Посламъ велѣно было ѣхать обратно и сказать, что еще часъ мы даемъ на размышленія, и что ровно черезъ часъ, если не получимъ отвѣта, откроются съ нашей стороны военныя дѣйствія.

Въ ожиданіи сигнала къ наступленію, роты стояли на-сторожкѣ, готовые двинуться по первому знаку. Разсыпанные въ цѣль стрѣлки прикладывались отъ скуки, конечно, примѣрно, въ кое-какихъ, слишкомъ соблазнительно подѣзжавшихъ всадниковъ; это движеніе заставило джигитовъ мигомъ поворачивать лошадей и, вплотную пригнувшись къ сѣдлу, удирать во всѣ лопатки: солдаты хохотали и острили по-своему, а знавшіе туземный языкъ посылали въ догонку разныя привѣтствія, конечно, самаго не цензурнаго свойства. Особенно отличался въ этомъ одинъ молодой человѣкъ, еще безусый; онъ, поставивъ руки ко рту трубою, во все горло выкрикивалъ весь репертуаръ національной брани и отъ души заливался звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, когда его усилія увѣнчива-

лись успѣхомъ, и издалека доносился отвѣтъ такого-же грязнаго свойства.

Вообще, наши солдаты большіе любители всевозможныхъ домашнихъ животныхъ, особенно собакъ, и при ротахъ обыкновенно бродятъ цѣлыя прикормленные стаи. Въ курсъ дрессировки, главнымъ образомъ, входитъ бросаться на сартовъ, и надо видѣть, съ какимъ остервененіемъ нападаютъ ротные псы на всякую личность, показавшуюся въ долгополомъ туземномъ костюмѣ. Въ настоящее время болѣе сотни всевозможныхъ Волчковъ, Бѣлокъ, Арапчиковъ и Куцокъ, носились передъ цѣлю, храбро налетали на ближайшихъ джигитовъ и, свирѣпо прыгая, хватили за хвосты лошадей и за полы халатовъ, ловко увертываясь отъ сабельныхъ ударовъ. Наши боевые псы, — я смѣло лаю эпитетъ боевые, — съ успѣхомъ разыгрывали роль фланкеровъ и потѣшали солдатъ, служа безконечною темою остротъ и веселой, оживленной болтовни.

— Таперича, братцы, — говорили они послѣ дѣла, — надо Куцаго и Валетку тоже награждать!

И солдаты съ любовью поглаживали по мокрымъ, мохнатымъ мордамъ прибѣжавшихъ и виляющихъ хвостами псовъ. А между тѣмъ данный на размышленіе часъ приходилъ къ концу. Орудія снялись съ передковъ, и канониры прилаживались уже къ прицѣлу, поглядывая, ловко-ли придется. По линіи пронеслась команда: «становись!» Шутки и смѣхъ замолкли разомъ; солдаты сняли шапки и перекрестились.

Вдругъ изъ-за пригорка, который находился не болѣе, какъ въ двухстахъ шагахъ отъ крайней роты, показались бѣглые дымки, нѣсколько пуль съ визгомъ пронеслись надъ колоннами, и въ ту-же минуту отчетливо послышались команды: «Картечь, первая!» Въ самую середину большой конной толпы, разѣкая воздухъ со свистомъ и шуршаніемъ, врѣзалась картечь и запрыгала, рекошетируя по каменистой почвѣ; другой выстрѣлъ направленъ былъ туда-же. Застонала окрестность отъ конскаго топота и заунывнаго гиканья; въ облакахъ бѣловатой пыли неслись тысячи всадниковъ, очищая намъ путь передъ фронтомъ и охватывая наши фланги; загнулись концы стрѣлковой цѣпи, крайнія роты выслали по полувзводу въ цѣпь, и на флангахъ мигомъ зарокотала оживленная перестрѣлка. Размахивая въ воздухѣ саблями и стрѣлая на вѣтеръ, ко-

нечно, изъ своихъ фитильныхъ мултуковъ, ургутцы, какъ черти, носились вокругъ нашего отряда съ громкими криками: «Урь! урь!» *). Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе непріятное и заунывное, чѣмъ воинственные вопли азіатовъ; каждый не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а старается взять фистулой какъ только можно высокую ноту, поэтому общій кликъ кажется какимъ-то стономъ и плачемъ, въ которомъ слышатся порою отдѣльныя пронзительныя взвизгиванья.

То тамъ, то сямъ барахтались на землѣ сброшенные всадники; уже много коней, съ растрепавшимися, сбитыми подъ брюхо сѣдлами, скакали, путаясь въ порванной сбруѣ. Разстояніе между нами и непріателемъ становилось все болѣе и болѣе: картечь и ружейный огонь охладили нѣсколько воинственный жаръ, и ургутцы съ своими союзниками обратились къ обыкновенной своей тактикѣ: держаться подальше отъ проклятыхъ бѣлыхъ рубашекъ (акъ-бульмакъ) **), такъ чтобы выстрѣлы наши не достигали до правовѣрныхъ, и издали дожидаться, когда Аллахъ напуститъ страхъ и ужасъ на гяуровъ и обратить въ бѣгство безпокойныхъ пришельцевъ. Вотъ тогда-бы они показали себя. Сидя на незнающихъ устали коняхъ, съ своимъ неукротимымъ звѣрствомъ и опьяняющей страстью къ рѣзнѣ, они составляли превосходное войско для преслѣдованія разбитого непріателя; можно смѣло ручаться, что очень немного изъ бѣглецовъ спаслись-бы отъ смерти, да и то какимъ-либо чудомъ развѣ. Глядя на эти безчисленныя толпы, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что плохо пришлось-бы намъ, если-бъ хоть разъ мы потерпѣли крупную неудачу, такую неудачу, которую можно было-бы назвать пораженіемъ.

Какъ скоро картечь очистила намъ дорогу къ Ургуту, мы тронулись впередъ. Мы шли тремя колоннами, направляясь на ближайшіе сады. По дорогѣ намъ попадались раненые и убитые люди и лошади; тѣ, кто только не былъ раненъ смертельно, старались спрятаться отъ насъ при нашемъ приближеніи, иные ползли по высокой травѣ, оставляя широкіе кровавые слѣды; иные, стиснувъ зубы и подавивъ въ себѣ мучи-

*) Бей! бей!

**) Такъ называютъ они нашихъ солдатъ за ихъ обыкновенный костюмъ.

тельный стонъ, прикидывались мертвыми; сарты боялись, чтобы мы не начали, по дорогѣ, пришибать тѣхъ, кто еще живъ и шевелится; впрочемъ, они имѣли основаніе бояться этого. Конечно, этого не могло случиться въ данную минуту: люди шли въ строю, въ полномъ порядкѣ, офицеры были на своихъ мѣстахъ, и подобнаго звѣрства не могло быть допущено, но въ минуту разгара штурма, когда немыслимъ никакой надзоръ надъ отдѣльными дѣйствіями каждаго солдата, это можетъ случиться. Сколько разъ случалось, что послѣ какого-нибудь кроваваго эпизода не было ни плѣнныхъ, ни раненыхъ, были только убитые. Попадались и кони, у которыхъ картечь вырвала чуть не все внутренности; несчастныя животныя пытались приподняться, но, обезсиленные, съ тяжелымъ храпомъ снова падали на землю. А наши роты все шли и шли. Вотъ уже перебрались черезъ кремнистую рѣчку, уже близко сѣрыя стѣнки, за которыми безпокойно забѣгали сотни пестрыхъ головъ. Орудія взяли на передки и шли за нами; иногда они снимались и пускали въ сады гранаты черезъ наши головы, подготавливая намъ штыковое дѣло. Немного не доходя садовъ, пущено было нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ; пыль отъ глиняныхъ стѣнокъ, взбитая картечью, смѣшалась съ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ страшнымъ крикомъ отхлынули нестройныя массы и, неловко прыгая, въ своихъ тяжелыхъ халатахъ, черезъ стѣнки, очищали переднюю линію ограды. Вотъ въ эту-то минуту наши крикнули «ура» и бѣгомъ бросились за отступающими. Скоро все скрылось и перемѣшалось въ массахъ зелени. Отдѣльные выстрѣлы, недружные, урывчатые крики: ура! вопли: урь! урь! и мусульманская ругань,—все слилось въ какой-то дикій хаосъ звуковъ, и только отчетливый огонь нашихъ винтовокъ да рѣзкіе, дребезжащіе звуки сигнальных рожковъ, подвигаясь все далѣе впередъ и впередъ, указывали приблизительно направленія, по которымъ шли штурмующія роты. Здѣсь уже нельзя было видѣть ничего общаго, все распалось на отдѣльные эпизоды, и только послѣ дѣла изъ разныхъ рассказовъ можно было составить себѣ подробный отчетъ о самомъ ходѣ ожесточенной схватки.

Наши стрѣлки какъ шли цѣпью, такъ и ворвались въ сады, разбившіеся по два и по три звена, гдѣ какъ случилось;

сомкнутыя роты шли по узкимъ улицамъ, заваленнымъ барикадами изъ свѣже-нарубленнаго лѣса.

Въ тѣсномъ проходѣ между двухъ высокихъ садовыхъ стѣнъ, въ густой тѣни отъ нависшихъ надъ самыми головами фруктовыхъ деревьевъ, сжалась одна изъ ротъ. Солдаты, запылавшись, съ красными, облитыми потомъ, фізіономіями, съ трудомъ пробирались по заваленной камнями и хворостомъ дорогѣ. Изъ-за стѣнъ валились камни и бревна, на деревьяхъ вспыхивали дымки выстрѣловъ; наши изрѣдка отвѣчали, спѣша пробѣжать это опасное пространство. Вдругъ пронесся говоръ: «маіоръ убитъ, маіора ранили». Я поспѣшилъ протискаться, верхомъ, сквозь толпу къ мѣсту, гдѣ я замѣтилъ сбрую лошади маіора Г—га, которая, безъ всадника уже билась и фыркала въ рукахъ растерявшагося жидка-горниста. Маіоръ Г—гъ лежалъ на землѣ, растянувшись во всю длину своего богатырскаго роста: его прекрасная свѣтлорусая борода была окровавлена, по бѣлому кителю тянулись ярко-красныя полосы. Нашъ докторъ, который на своей маленькой лошаденкѣ, вооруженный простою форменною шпажонкой, всегда находился во главѣ атакующихъ ротъ, уже сидѣлъ на корточкахъ около раненаго и забинтовывалъ ему голову. Въ нѣсколько секундъ перевязка была окончена, Г—го подняли и подвели ему лошадь; съ помощью солдатъ, онъ довольно твердо сѣлъ на сѣдло и тронулся впередъ. Я подѣхалъ къ доктору П—ву, который уже сажился, вкряхтя, на свою рыжатку, и спросилъ его: «ну, что?»

— Плохо, — отвѣчалъ онъ вполголоса: — у самого виска, пуля тамъ. Крѣпится покуда, горячь больно да и сила медвѣжья!

И П—въ, погнавъ лошадь плеткой, рысцой догналъ Г—га и поѣхалъ рядомъ, посматривая изрѣдка на его завязанную голову.

Замаявшаяся на минуту рота снова бросилась впередъ. Одинъ полуэвродъ, поднявшись съ помощью товарищей на стѣну, перелѣзъ въ садъ, изъ котораго больше всего беспокоили насъ обороняющіеся; за стѣнкою закипѣла горячая схватка. Уругутцы привалили шихъ въ батики; это оружіе допотопное, но, тѣмъ не менѣе, могущее наносить чувствительный вредъ: оно состоитъ изъ чугунной съ острыми шипами шишки, на-

саженной на длинное, гибкое древко. Одно изъ звеньевъ цѣпи, зарвавшись слишкомъ впередъ, было со всѣхъ сторонъ окружено густою толпой сартовъ. Мы видѣли эту небольшую кучку, всего въ восемь человѣкъ, прижавшуюся къ полуразвалившейся саклѣ. Стрѣлки съ трудомъ отбивались отъ разсвирѣпѣвшихъ нападающихъ; ружья были разряжены, вновь заряжать не было никакой возможности, и усталые, измученные солдаты, собравъ послѣднія усилія, отмахивались штыками и прикладами отъ цѣлаго града батиковъ, китменей и даже простое палокъ, которыми были вооружены ургутцы. Почти у всѣхъ уже были разбиты головы, и липкая кровь текла по лицамъ и слѣпила глаза защищавшимся: трое уже лежали ничкомъ на землѣ; одного изъ солдатъ сарты успѣли оттащить баграми отъ товарищей и буквально домочлачивали батиками. Но съ улицы было уже замѣчено критическое положеніе зарвавшихся: человѣкъ двадцать солдатъ бѣжали въ разсыпую на помощь. Впереди всѣхъ, прыгая черезъ заборы и срубленные деревья, безъ шапки и размахивая руками, неся молодой офицеръ атлетическаго сложенія; онъ много опередилъ бѣгущихъ солдатъ и ринулся съ разбѣга въ густую толпу сартовъ; онъ разметалъ ближайшихъ и уже пробился къ стрѣлкамъ; какъ вдругъ тяжелый батикъ опустился ему на голову, и Б—скій, вздрогнувъ, повалился на землю. Въ эту секунду загремѣли чуть не въ упоръ направленные выстрѣлы, и началась бойня. Въ нѣсколько секундъ по всѣмъ угламъ сада, подъ стѣнами, въ густой травѣ, всюду корчились и дико стонали заколотые сарты. Солдаты положительно вышли изъ себя; видъ нашихъ израненныхъ стрѣлковъ доводилъ ихъ до бѣшенства.

А между тѣмъ штурмующіе прошли уже предмѣстья и ворвались въ самый городъ. Здѣсь истощилось уже мужество защитниковъ, и они, бросаясь при нашемъ приближеніи за валы и барикады, въ ужасѣ спасались изъ города. По всѣмъ плоскимъ крышамъ сакель виднѣлись развѣвающиеся халаты бѣгущихъ; иные останавливались на всѣмъ бѣгу и, какъ пораженные молніей, падали въ растяжку; ихъ догоняли наши шестилинейныя пули. Изъ-за угла, сбивъ съ ногъ двухъ или трехъ солдатъ, неслась перепуганная, дико храпящая лошадь; сѣдло было сбито и окровавлено; около коня, запутавшись ногою въ стремя, волочился обезображенный трущъ; голова,

разбитая совершенно въ дребезги, щелкала о камни. Это былъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ важныхъ сановниковъ, судя по остаткамъ дорогого бархатнаго халата и богато вышитой попонѣ, покрывавшей бухарское сѣдло.

Дикій стонъ и отчаянные вопли носились надъ городомъ. Все бѣжало, очищая узкія улицы. На главной дорогѣ, ведущей къ городскому базару, были устроены такія барикады, разбивать которыя пришлось-бы слишкомъ долго; но вдоль улицъ, съ шумомъ, прыгая по камнямъ, катился горный ручей, и барикадированы были только берега его; солдаты спускались въ воду и брели по поясъ, сгибаясь подъ мостами. Такимъ образомъ, выбрались на улицы, ведущія къ цитадели Ургута.

Даже въ цитадели, объятые паническимъ страхомъ, ургутцы не хотѣли защищаться. Ворота были отперты; ихъ хотѣли-было затворить бѣжавшіе, но, вѣроятно, не сумѣли сдѣлать этого: одна половина воротъ, сколоченная изъ массивныхъ бревенъ, тяжело скованныхъ желѣзомъ, сорвалась съ крюковъ и наискось повисла на петляхъ.

Цитадельные дворы были вымощены плитами, сложенные изъ камня стѣны сакель красиво украшены пестрою мозаикой и разрисованы яркими красками. Въ угольномъ дворикѣ раскинулся роскошный виноградникъ, поднятый на подставкахъ, въ тѣни котораго помѣщался бѣлый мраморный бассейнъ, въ видѣ колодца, аршина въ три глубиною, наполненный до краевъ превосходной, прозрачной, какъ стекло, водою. У стѣнъ подъ навѣсами были расположены кухни, вѣроятно, самого бека: громадные мѣдные котлы, вмазанные въ глиняные очаги, стояли рядами; нѣкоторые были до половины наполнены остатками шурпы и плова *). Всюду видны были слѣды самаго поспѣшнаго бѣгства.

На крышѣ, самой высокой, господствующей надъ всѣмъ городомъ, сакли поставили ротные значки; всѣ наличные горнисты и барабанщики расположились тамъ-же и грянули сборъ, чтобы собрать разсыпанныхъ по городу солдатъ. Въ главной саклѣ разостлали нѣсколько, здѣсь-же добытыхъ, ковровъ и на нихъ положили раненаго Г—га, который все время былъ въ головѣ отряда и однимъ изъ первыхъ добрался до цитадели.

*) Національныя блюда азіатовъ.

Онъ былъ очень истощенъ потерей крови и жаловался на шумъ въ головѣ и на боль, увеличивающуюся еще отъ невыносимой трескотни барабановъ и визга сигнальных трубъ. П—въ сдѣлалъ еще разъ болѣе акуратную перевязку, и больной нѣсколько успокоился. Начали понемногу сносить раненыхъ нашихъ солдатъ; почти все раны были холоднымъ оружіемъ, но рапы, нанесенныя китменями были положительно ужасны; я видѣлъ одного получившаго ударъ китменемъ по лопаткѣ: кость была совершенно расколота надвое, и желѣзо прошло насквозь, раздробивъ даже противоположныя ребра. Этотъ раненый умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Я забрался на одну крышу. Отсюда ясно былъ виденъ весь Ургутъ: можно было видѣть изгибы всѣхъ улицъ города. Все окрестныя возвышенности были покрыты толпами бѣжавшихъ жителей. Большія стада угонялись въ ущелья. Нашъ обозъ втягивался въ сады, и издалеко бѣлѣлись рубашки арьергардной роты.

Мнѣ приказано было поѣхать на встрѣчу къ начальнику отряда, который долженъ былъ находиться въ настоящую минуту, съ орудіями и резервомъ, при въѣздѣ въ городъ. Я отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ. При въѣздѣ изъ цитадельныхъ воротъ я увидалъ страшную картину: дѣлая куча тѣлъ, наваленныхъ одно на другое, загородила почти весь проѣздъ; нѣкоторые были еще живы и страшно корчились въ предсмертной агоніи; ватные халаты дымились и тлѣли: видно было, что выстрѣлы по нимъ сдѣланы были почти въ упоръ. Группа солдатъ, составивъ ружья, стояла тутъ-же, дѣлая при этомъ кое-какія замѣчанія; два офицера крутили папиросы и говорили что-то о разницѣ между бухарскими и хивинскими коврами. Я не видѣлъ этихъ тѣлъ прежде; сколько я помнилъ, въ самой цитадели мы не встрѣтили ни одной души. Я поинтересовался узнать, откуда взялись эти убитые, и мнѣ рассказали слѣдующее:

Подъ воротами, въ одной изъ боковыхъ стѣнъ, находилась маленькая дверь, ведущая въ темное помѣщеніе. Когда нашъ караулъ занималъ посты въ цитадели, между прочимъ, и въ воротахъ, то на эту дверь не было обращено никакого вниманія. Уже разставлены были часовые, и караулъ расположился себѣ, какъ дома; вдругъ неожиданный выстрѣлъ загремѣлъ подъ

воротными сводами, густой дымъ повалилъ изъ незамѣченной двери, и одинъ изъ караульныхъ солдатъ, раненный въ спину, вскрикнувъ, присѣлъ на ступени лѣстницы. Наши бросились къ предательской двери, но оттуда раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ; тогда солдаты, въ свою очередь, принялись стрѣлять въ темное пространство, и ни одинъ выстрѣлъ, несмотря на то, что пущенъ былъ на удачу, не пропалъ даромъ. Сперва слышались бранные, озлобленные крики, потомъ все затихло. Тогда наши, вооружившись длинными баграми, которые стояли въ углу, неподалеко отъ воротъ, принялись вытаскивать осажденныхъ, и на свѣтъ стали появляться, одна за другою, растерзанныя фигуры въ красныхъ и синихъ халатахъ.

Сиди сарты спокойно въ своемъ убѣжищѣ—на нихъ никто-бы не обратилъ никакого вниманія; но уже такова азиатская натура, такъ велико фанатическое озлобленіе, что не хватило силъ, чтобы утерпѣть и не послать пули въ спину зазѣвавшагося гяура.

Я поѣхалъ далѣе. Улицы были такъ узки и такъ неровно вымощены крупнымъ камнемъ, притомъ повороты были до такой степени круты и неожиданы, что нельзя было и думать провезти въ цитадель наши орудія. Часто попадались мнѣ наши солдаты въ изорванныхъ рубашкахъ, съ усталыми донельзя лицами; платье и руки у многихъ были выпачканы кровью; они спѣшили въ цитадель, направляясь на бой барабана. Скоро я выбрался къ базару. Здѣсь улицы пошли шире, кое-гдѣ были перекинуты плетеные навѣсы. Базаръ расходился на нѣсколько вѣтвей, которыя послѣ сходились снова въ одну улицу. Въ одной изъ этихъ вѣтвей остановились наши орудія; они положительно не могли двинуться ни назадъ, ни впередъ; за ними стѣснились повозки обоза. Трудно описать, что происходило на базарѣ въ эту минуту.

Еще подѣзжая, я издали слышалъ крики, хохотъ, стукъ гомеровъ и трескъ ломающихся дверей. Въ наказаніе за упорство жителей, базары велѣно было разорить до тла, и солдаты ревностно принялись за эту веселую работу. Началось то, что на мѣстномъ туркестанскомъ нарѣчій называется «баранта». Надо хоть разъ видѣть это, чтобы составить себѣ понятіе, что это такое. Это не простой грабежъ, корысть не имѣетъ здѣсь вовсе первостепенной роли; нѣтъ, это какой-то дикій раз-

гуль: все наше, а что не наше, такъ и ничье! Попалось фарфоровое китайское блюдо — объ полъ его. «Нѣшто потащишь его съ собою»?—говорить расходившійся солдатъ, глядя, какъ звенять и прыгаютъ по камнямъ раскрашенные черепки. Здѣсь нашли чанъ съ кунжутнымъ масломъ, туда лѣзутъ съ ногами, чтобы нѣсколько размякли заскорузлые отъ солнца и пыли сапоги. Тамъ высыпана на улицу цѣлая груда ярко-желтыхъ и серебристо-бѣлыхъ коконовъ. Тутъ разбита лавка съ красными товарами: солдаты цѣлыми тюками расхватываютъ пестрые ситцы и полосатые адрасы; размотавшіеся, неловко захваченные куски волочатся по грязной улицѣ. Въ сторонѣ два солдатика сворачиваютъ громадные узлы, съ усиліемъ стягивая концы ватнаго одѣяла: они намѣрены тащить это въ лагерь, и дотащутъ, если какой-нибудь встрѣтившійся офицеръ не прикажетъ бросить всю эту дрянъ. Вы думаете, что они съ сожалѣніемъ исполнять это приказаніе, выразить при этомъ неудовольствіе или что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничуть. Они тотчасъ же послушаются и еще разшвыряютъ ногой узелъ, который они тащили версты полторы съ такимъ громаднымъ трудомъ. Все равно; они продали-бы его за полтинникъ, много развѣ—за рубль. Я видѣлъ одного молодого солдата, который больше всѣхъ шумѣлъ, неистовствуя по разгромленному базару: тутъ онъ роется въ кучахъ сѣдельной сбруи, тамъ перебираетъ мѣдную посуду въ чайной лавочкѣ, черезъ минуту разглядываетъ на свѣтъ готовый халатъ изъ яркой матеріи, но когда я, уже въ лагерь, спросилъ его, что же онъ притащилъ хорошаго, то онъ съ улыбкой показалъ на свои карманы, набитые кишмишемъ и урюкомъ.

Впрочемъ, есть солдаты, особенно изъ евреевъ, которые барантуютъ, руководимые чисто меркантильными соображеніями, тѣ не довольствуются тѣмъ, что приносятъ сами, но еще за безцѣнокъ скупаютъ баранту у другихъ солдатъ и частенько составляютъ себѣ очень хорошія деньги. Подобные примѣры случаются въ области, и почти всѣ быстро разбогатѣвшіе безсрочные солдаты обязаны своимъ богатствомъ барантѣ.

Скоро я отыскалъ полковника А — ва; онъ находился, у повозокъ съ ранеными. Здѣсь я увидѣлъ и Б — го съ перевязанной головой. Рана его оказалась неопасной, хотя и лишила его чувствъ въ первыя минуты. Я сообщилъ полковнику,

что цитадель уже занята, и что улицы такъ узки, что будетъ совершенно невозможно провезти туда орудія. Принимая это обстоятельство въ соображеніе и, кромѣ того, не имѣя возможности помѣстить въ цитадели весь отрядъ, такъ-какъ тамъ находилось мѣсто для одной роты, рѣшено было къ ночи вы-браться изъ города, потому что иначе пришлось-бы ночевать въ улицахъ, растянувшись по безконечнымъ ихъ изгибамъ, а это могло-бы имѣть очень вредныя послѣдствія, такъ-какъ надзоръ за людьми, при такомъ положеніи отряда, былъ-бы въ высшей степени затруднителенъ, да и въ случаѣ ночного на-паденія на нашей сторонѣ были-бы однѣ только невыгоды. Занять же аванпостами крайнюю черту города было невы-сказимо при нашей малочисленности: мы едва могли-бы оцѣпить десятую часть городскихъ окраинъ, и то израсходовавъ на посты всю пѣхоту.

Повозки, по одной, съ большимъ трудомъ, выпрягая ло-шадей, начали поворачиваться и выходить изъ города, орудія сдѣлали то же. Посланы были всюду приказанія очищать го-родскія улицы.

Мѣсто для лагеря выбрано было не болѣе, какъ въ полу-верстѣ отъ начала садовъ, на ярко-зеленой, пологой возвы-шенности, съ которой мы начали, нѣсколько часовъ назадъ, свою атаку. Тутъ же, не вдалекѣ, протекалъ ручей, на кото-ромъ были на-скоро набросаны живые мостики. Влѣво, къ самой горѣ, подходили роскошныя поля, засѣянные пшеницею. Вблизи ни одной рывины, ни одного куста, ничего, могущаго скрыть подпалзывающихъ лазутчиковъ или кого-нибудь въ этомъ родѣ; короче, мѣсто было превосходное.

Вся дорога отъ города къ лагерю была занята еле-дви-гающимися, тяжело нагруженными солдатами. Гнали иша-ковъ, которые были до такой степени навьючены, что не видно было ни ногъ, ни головы, двигалась какая-то безобразная куча. Забытые жителями коровы и телята, задравъ хвосты, съ ре-вомъ скакали, подгоняемые ружейными прикладами.

При всѣхъ отрядахъ, какъ-бы они ни были малы, непре-мѣнно находится два или три маркитанта, преимущественно изъ казанскихъ татаръ; очень часто, что эти господа бываютъ агентами довольно значительныхъ купцовъ въ Туркестанскомъ краѣ. У нихъ можно найти бутылку фабрикованнаго хереса

или марсалы, еще что-нибудь въ этомъ родѣ, но, главнымъ образомъ, цѣлью маркитантовъ служить баранта. Въ разгаръ, изъ первыхъ рукъ, маркитанты за чарку спирта пріобрѣтаютъ цѣлые вороха разныхъ вещей, которыя и продаютъ послѣ съ барышемъ, о которомъ никакіе въ мірѣ торговые дома не имѣютъ даже понятія. Арбы хитрыхъ татаръ нагружаются до такой степени, что трещать карагачевыя оси, и гнутся высокія колеса.

Кромѣ того, за хвостомъ отрядовъ тянутся, иногда на лошадахъ и ишакахъ, а иногда и просто пѣшкомъ, оборванные байгуши-туземцы; у cadaго изъ нихъ непременно найдется нѣсколько серебряной мелочи. Эти, какъ шакалы послѣ тигровъ, скупаютъ то, что оставлено маркитантами безъ вниманія. Они рискуютъ иногда и сами барантовать въ сакляхъ, но за это часто слишкомъ дорого платятся, потому что солдаты, не стѣсняясь, убиваютъ эту сволочь, принимая ихъ за сартовъ съ непріятельской стороны; не помогаютъ даже бѣлыя повязки на рукахъ, которыя эти шакалы навязываютъ себѣ, въ подражаніе джигитамъ-милиціонерамъ.

Не успѣло еще стемнѣть, какъ уже послѣдніе солдаты выбрались изъ Ургута и пришли въ лагерь. Послали ротныя повозки за дровами; ближайшія сакли были разобраны и привезены цѣлые воза лѣсу. Сдѣлана была тщательная перекличка, всѣ раненые перевязаны, убитые похоронены тутъ же, въ лагерь. Это дѣлалось, обыкновенно, такимъ образомъ: срѣзаютъ осторожно дернъ, потомъ вырываютъ яму и землю относятъ какъ можно подальше, чтобы свѣже-вырытая земля не выдавала мѣста, гдѣ зарыто тѣло; затѣмъ кладутъ трупъ, засыпаютъ его и тщательно закрываютъ дерномъ. Это все дѣлается такъ искусно, что рѣшительно невозможно узнать мѣсто самой могилы, и предосторожность эта далеко не лишняя. Сколько разъ случалось, что сарты разрывали неаккуратно скрытыя тѣла и отрѣзывали головы, которыя отвозились въ Бухару, за что получались халаты и другіе знаки монаршей милости эмира.

Когда совершенно стемнѣло, въ лагерь вспыхнула великолѣпная иллюминація. Почти каждый солдатъ принесъ съ собою съ базара связки салныхъ свѣчей. Эти свѣчи, разставленные тѣсными рядами по линіямъ лагеря, огненными линіями ошо-

ясывали мѣсто стоянки. Это была волшебная картина. А за погруженнымъ въ глубокую темноту Ургутомъ, сквозь тучи, закрывшія собою горныя цѣпи, мелькали, на недосыгаемой высотѣ, блѣдныя огненныя точки: это были ночные костры бѣжавшихъ ургутцевъ. Съ какимъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли они на нашу иллюминацію. Сколько проклятій сыпалось на наши головы. Сколько семействъ не досчитывались своихъ членовъ!

По извѣстіямъ, полученнымъ послѣ, въ Ургутъ собрано было до семи-сотъ тѣлъ—ужасная цифра сравнительно съ числомъ нашихъ солдатъ, участвовавшихъ въ штурмѣ. Самъ Гусейнъ однимъ изъ первыхъ бѣжалъ въ горы, чуть не при самомъ началѣ штурма.

Цѣль экспедиціи была отчасти достигнута: непобѣдимый Ургутъ былъ взятъ и разоренъ горстью русскихъ. Это имѣло громадное значеніе въ моральномъ отношеніи.

На другой день мы снялись съ лагерьа и отошли къ Самарканду, и только къ вечеру этого дня стали понемногу возвращаться ургутцы на свое пепелище.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Вотъ уже другой день, какъ я отдѣлился отъ каравана.

Какую непростительную глупость я сдѣлалъ: я понадѣялся на этотъ дурацкій компасъ.

Все песокъ и песокъ. Куда ни кинешь взглядъ, всюду одни только песчаные бугры. Я ѣду по гребню бугра, спускаюсь съ бугра, передо мною бугоръ, справа, слѣва—всѣ тѣ-же самые бугры, все одно и то-же, до самаго горизонта. Выгорѣла жалкая трава; изъ песка, тамъ и сямъ, торчитъ какая-то щетина.

Тяжелая тоска ложится на душу. Я давно уже сталъ догадываться, что потерялъ направленье.

Компасъ не помогаетъ; онъ показываетъ очевидную ерунду. Онъ положительно испорченъ. Какъ я не замѣтилъ этого прежде?! Какая непростительная неосмотрительность.

Давно уже я не встрѣчаю никакихъ слѣдовъ, кромѣ отчетливыхъ отпечатковъ сайгачьихъ копытъ. Вотъ тутъ недавно прошло ихъ цѣлое стадо. Это ихъ - то я и видѣлъ, часа два тому назадъ, далеко между барханами.

Воды у меня очень немного осталось: едва хватитъ, чтобы напоить бѣдную лошадь. А вѣдь вчера утромъ былъ полный мѣхъ. Какъ она дьявольски усыхаетъ.

Мой добрый Орликъ славно работаетъ. Вчера онъ шелъ цѣлый день, ни разу не ослабивъ поводья; ночью онъ очень мало отдыхалъ, а еще меньше кормился; впрочемъ, онъ уже раза два спотыкнулся сегодня,—чего съ нимъ прежде не случалось,—и его донали сорока-грустная жара и усталость. У бѣдной лошади стало что-то мутновато въ глазахъ: надо - бы напоить ее. Нѣтъ, лучше подождать, а то послѣ будетъ слишкомъ великъ промежутокъ: раньше завтрашняго утра врядъ-ли удастся добраться до «Дарьи».

А самому-то какъ пить хочется, такъ-бы цѣлое ведро выпилъ, не отрываясь... Развѣ одинъ глоточекъ? Э, какая-же она теплая! А вѣдь какъ аккуратная завернулъ мѣхъ кошмою!

Что это движется тамъ, вправо? Да это верблюды... Вонъ они тянутся одинъ за однимъ, качаютъ своими длинными шеями, то внизъ опустятъ, какъ-будто скучиваютъ что-то по дорогѣ, то высоко поднимутъ, поглядывая по сторонамъ... Вонъ и люди, кажется. Да, это ясно, это цѣлый караванъ. Наконецъ-то, я выбрался на дорогу!..

Я повернулъ Орлика и погналъ его слегка нагайкою; мнѣ хотѣлось поскорѣй нагнать караванъ: вѣдь это такъ не далеко.

Однако, я ѣхалъ болѣе получаса, а караванъ находился все въ томъ-же положеніи. Нѣтъ, не въ томъ-же: онъ какъ-то странно заволновался... Да это что... Онъ подъ облака никакъ поднимается? Гдѣ-же онъ?! Я видѣлъ сію минуту. Фу, какая глупая ошибка! Столько лѣтъ бродить по степямъ и не не умѣть отличить дѣйствительности отъ миража! Этотъ караванъ—призракъ; можетъ быть, нѣсколько дней пути отдѣляло меня отъ дѣйствительности.

Какая тоска!.. Въ головѣ шумитъ, передъ глазами все какъ-то странно прыгаетъ, во рту пересохло. А солнце какъ-будто неподвижно стоитъ надъ самою головою, прожигаетъ насквозь мою бѣлую войлочную шапку, накаливаетъ стволы моей винтовки, сушитъ остатки моей воды и, кажется, не намѣрено вовсе спускаться къ западу. Хоть-бы скорѣе вечеръ, передохнулъ-бы немного, а то, наконецъ, и мой неутомимый Орликъ не выдержитъ.

Ахъ, какъ пріятно вытянуться на кошмѣ послѣ такой утомительной дороги! Солнце давно уже закатилось. Какая славная, тихая ночь! Правда, душновато немного, но это отъ накалившагося за день песка; вотъ онъ скоро остынетъ, и тогда будетъ прохладно. Какъ клонить ко сну!.. Мнѣ еще никогда не хотѣлось такъ спать. Въ песокъ, чуть неподъ самымъ ухомъ, шелестятъ ящерицы, неподалеку весело жуетъ и фыркаетъ мой Орликъ,—я ему отдалъ остатки ячменя и послѣднюю воду. Впрочемъ, я и самъ напился вволю. У меня осталось еще съ фунтъ, правда, не много попортившагося, но, тѣмъ не менѣе, очень вкуснаго мяса и двѣ бухарскія лепешки. Я плотно,

съ большимъ аппетитомъ поужиналъ. Теперь и заснуть не грѣхъ, а завтра, дастъ Богъ, часу въ десятомъ утра доберемся до цѣли. Впрочемъ, это... если я на должномъ направленіи. А если нѣтъ? Если я потерялъ его и заблудился?.. Какая скверная мысль! Она способна прогнать самую сильную сонливость.

Но можно-ли заблудиться? Вотъ мой компасъ, вѣрный, безошибочный, его ничто не можетъ испортить, пока существуетъ вселенная.

Я лежалъ на спинѣ, предъ моими глазами было темное ночное небо, все усеянное яркими звѣздами. «Вотъ сѣверъ, вотъ путеводная полярная звѣзда... Да, это она, какъ разъ на концѣ хвоста малой медвѣдицы. Мнѣ надо прямо на нее держаться, и я не сойбюсь съ дороги... Но что-же это? Вѣдь я пріѣхалъ отсюда... Какъ-это такъ случилось?! Да, я не ошибаюсь, вотъ слѣдъ моей лошади». Я вскочилъ на ноги и началъ осматриваться. Было жарко, а у меня на лбу выступилъ холодный потъ. Но нѣтъ... что-нибудь не такъ. Мнѣ не хотѣлось убѣждаться въ своей ошибкѣ, но дѣло было слишкомъ ясно: я пріѣхалъ отсюда, куда мнѣ надо было ѣхать; вонъ чернѣтъ саксауловый корень, котораго испугался мой Орликъ; эта черная точка какъ разъ по направленію полярной звѣзды.

Плохо! Дѣло рѣшено и доказано,—я заблудился.

Вода вся, ѣсть болѣе нечего, впереди неизвѣстное пространство!.. Меня спасти можетъ одинъ только случай.

«Что-жъ, не сидя-же на мѣстѣ дожидаться мнѣ этого случая! Покуда есть хоть какая-нибудь возможность двигаться, надо идти и идти,—идти до тѣхъ поръ, пока не издохнетъ отъ изнуренія мой Орликъ, пока во мнѣ самомъ еще теплится искра жизни». Такъ думалъ я, тронувшись еще до разсвѣта съ мѣста ночлега. И конь мой успѣлъ отдохнуть, и самъ я чувствовалъ себя свѣжѣе; во мнѣ стала пробуждаться надежда. Я понялъ обширное значеніе великаго слова «авось» и быстро подавался впередъ, сдерживая горячку моей лошади, чтобы не дать ей изнуриться преждевременно. Ныряя между наносными песчаными грядами, я старательно придерживался разъ взятаго направленія, повѣряя себя кое-гдѣ еще не потухшими звѣздами и золотистою лентою разсвѣта на востокъ.

Наконецъ, загорѣлись верхушки бархановъ, всѣ тѣни стали

прозрачнѣ, легкій слой тумана всколебался и началъ подыматься. Даль казалась значительно выше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ: все окрестные предметы какъ-то странно увеличались. Вотъ виднѣются роскошные, высокіе кустарники, гораздо выше всадника; подѣзжаешь, и вмѣсто кустовъ—жалкая, высохшая травка, едва достигающая до щиколотки лошади. Шарики сайгачьяго помета чернѣли, словно разбросанные крупные камни. Свернувшіяся въ кольца сѣрыя змѣи, при приближеніи лошади, распрямлялись и, злобно шипя, медленно ползли въ стороны.

Скоро взошло солнце и озарило всю ту-же однообразную, мертвую степь, наводящую тоску и уныніе. Я много проѣхалъ, пользуясь утреннею прохладой, но уже начинаетъ припекать. На шеѣ коня протянулись отъ поводьевъ бѣлыя мыльные полоски,—онъ уже началъ уставать: вѣдь это третьи сутки утомительной дороги.

Опять безконечный, мучительный день. Со мною нѣсколько разъ дѣлалось дурно; я принужденъ былъ слѣзать и садиться на землю въ тѣни отъ лошади; я почти потерялъ голосъ: если мнѣ хотѣлось что-нибудь сказать вслухъ или крикнуть, то это мнѣ стоило большихъ и болѣзненныхъ усилій, и, вмѣсто чистаго звука, изъ пересохшаго горла вылетало дикое хрипѣніе. Мученія жажды были невыносимы. Лошадь шла, тупо понутивъ свою умную голову; у бѣднаго животнаго дрожали ноги; скоро Орликъ упадетъ отъ усталости, и тогда—финалъ. Идти нѣшкомъ я былъ положительно не въ состояніи: я не сдѣлалъ-бы и ста шаговъ; а что значили эти сто шаговъ въ сравненіи съ безконечною степью!

Вдругъ я услышалъ странный звукъ, какъ-будто двойные удары молотка. Изъ-за бархана легкимъ галопомъ выскочили четыре большихъ сайгака, ростомъ съ мелкорослыхъ лошадей. Увидѣвъ меня, они на секунду остановились, высоко подскокнули на мѣстѣ и въ одинъ мигъ исчезли между буграми. Черезъ нѣсколько секундъ я уже далеко, далеко видѣлъ клубъ пыли, взбитой ихъ крѣпкими, двойными копытами. Въ первое мгновеніе я машинально схватился за винтовку, а потомъ самъ засмѣялся надъ своимъ движеніемъ; только съ болью треснули засохшія губы отъ невольнаго, горькаго смѣха. Во-первыхъ, я-бы промахнулся навѣрное: у меня руки совершенно обезси-

лѣли и дрожали, какъ въ лихорадкѣ; а во-вторыхъ, если-бъ и удалось мнѣ это убійство, какую-бы пользу я извлекъ изъ него? Голодъ меня не мучилъ, да я не могъ-бы даже проглотить куска, прежде чѣмъ напился-бы; у меня было одно желаніе—пить и пить, и это желаніе возростало съ каждою минутою и доходило почти до бѣшенства. У меня начинался бредъ; въ головѣ шумѣло и застилало какимъ-то страннымъ туманомъ, словно отъ опьянѣнія; окрестные предметы стали казаться не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности. Впереди мнѣ все чудились ручьи и озера съ сверкающею на солнцѣ поверхностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ меня не покидало убѣжденіе, что это только «кажется»; я ясно слышалъ шумъ бѣгущей воды; мнѣ казалось, что Орликъ мой не лошадь, а лодка, и мнѣ только стоитъ нагнуться и черпать воду, сколько хочу, что это очень удобно сдѣлать шляпою; я снялъ ее, и моя тюркменская шапка выпала изъ ослабѣвшихъ пальцевъ; я не пытался достать ее, да этого и невозможно было сдѣлать,—я не нашелъ-бы ея: я ничего не видѣлъ, у меня позеленѣло въ глазахъ; я чувствовалъ, что я помѣшался, и манія моего помѣшательства—вода.

Вдругъ я почувствовалъ тяжелый ударъ въ голову, будто бы меня стукнулъ кто-то по темени тупымъ орудіемъ. Въ одинъ мигъ я пересталъ видѣть, слышать, чувствовать. «Не смерть-ли это?» невольно промелькнуло у меня въ головѣ...

Послѣдняя четверть луны довольно высоко поднялась надъ горизонтомъ; яркое созвѣздіе Оріона высоко стояло надъ головою; на востокѣ снова протянулась свѣтлая полоска. Разсвѣтало.

Съ усиленіемъ я поднялся, опершись въ песокъ обѣими руками, и сѣлъ. Всѣ было тихо въ окрестности. Моего Орлика не было видно; глубокіе слѣды кованыхъ ногъ ясно отпечатались подлѣ меня, нѣсколько разъ повторялись и перекреивались на одномъ мѣстѣ, какъ-будто лошадь топталась тутъ-же, не рѣшаясь оставить хозяина, и потомъ потянулись въ сторону и исчезли. Орликъ ушелъ.

Это открытіе такъ меня экзальтировало, что я вдругъ вскочилъ на ноги и осмотрѣлся.

Чудная, почти волшебная картина представилась моимъ глазамъ. Мнѣ казалось, что песчаные холмы приняли правиль-

ныя, опредѣленныя формы: они превратились въ стройныя зданія суроваго индійскаго стиля. Передо мною, словно изъ земли, выросъ громадный городъ. Блѣдный свѣтъ луны скользилъ по округлостямъ куполовъ, рисовалъ на узорчатыхъ стѣнахъ силуэты сосѣднихъ построекъ и, скользя по боковымъ пилястрамъ фронтоновъ, раскидывалъ на сосѣднихъ холмахъ длинныя темно-синія тѣни. Кое-гдѣ ослѣпительно сверкали бѣлыя, эмалированные украшенія; сводчатыя двери и окна сіяли темными пустотами; на золотистомъ фонѣ все болѣе и болѣе разгорающагося востока, вырѣзались зубцы стѣнъ, и сквозили каменные рѣшетки. Все было однообразнаго песчанаго цвѣта, только своими формами отличалось отъ окрестныхъ бархановъ, — ни кустика, ни деревца, ни малѣйшаго движенія, ни звука, ни шелеста. Я понималъ, что за городъ разстился передъ моими глазами: это загробныя жилища номадовъ, — «городъ мертвыхъ» *).

Я чувствовалъ крайнюю слабость и, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, принужденъ былъ опуститься на землю. Голова была положительно свинцовая, глаза слипались, меня сильно клонило ко сну: это были послѣдствія испытаннаго мною солнечнаго удара, поразившаго меня спустя нѣсколько минутъ послѣ потери моей шапки.

Со мною снова начиналось обморочное состояніе, но, странно, я вовсе не чувствовалъ жажды. Эта не удовлетворенная потребность какъ-будто бы притупилась.

Меланхолическій звонъ, усиливавшійся съ каждой минутой, поразилъ мой ослабѣвшій слухъ. Этотъ звонъ приближался; онъ несясь съ противоположной стороны, изъ-за надгробныхъ памятниковъ. Я увидѣлъ людей. Они ѣхали верхомъ, одинъ за другимъ, медленнымъ шагомъ; на нихъ были остроконечные киргизскіе малахай, за плечами ружья, а у двоихъ длинныя пики.. За всадниками, раскачиваясь, шли два верблюда, у которыхъ на шеяхъ навѣшаны были бубенчики, производившіе этотъ раздражительно-дѣйствующій, монотонный звукъ. На пер-

*) Номады, кочуя по своимъ безпредѣльнымъ степямъ, имѣютъ (каждый родъ) свое постоянное кладбище. Только самые бѣднѣйшіе хоронятъ своихъ покойниковъ на мѣстѣ кочевки. — Довольствуясь при жизни легкими, переносными киботками, они своимъ умершимъ воздвигаютъ массивныя, вѣковыя жилища, и часто въ степи, посреди пустынной, выжженной солнцемъ мѣстности, встрѣчаются эти молчаливые города, гдѣ подъ глубокимъ слоемъ песку сохнутъ (а не гниютъ) ихъ почившіе обитатели.

вомъ верблюдѣ (высокомъ, почти черномъ «нарѣ»), поперекъ вьючнаго, ковроваго сѣдла, качался какой-то длинный предметъ, тщательно завернутый въ коверъ и окруженный веревками; на второмъ—большія, полосатыя переметныя сумы и свернутая тюркменская палатка. За верблюдами еще ѣхало три всадника, и у послѣдняго въ поводу еле тянулся Орликъ.

Я узналъ тотчасъ-же, въ чемъ дѣло: этотъ караванъ былъ похоронный кортежъ, прибывшій, можетъ быть, за двѣсти или триста верстъ къ своему родовому кладбищу. Продолговатый предметъ на первомъ верблюдѣ—былъ самъ покойникъ.

Киргизы скоро отыскиали меня; они недавно встрѣтили Орлика, и зная, что всадникъ не можетъ быть далеко, зорко оглядывали окрестность своими косыми глазами.

По счастью, эти номады принадлежали къ мирнымъ родамъ, иначе мнѣ грозила-бы плачевная участь продолжительнаго, а можетъ быть, и вѣчнаго рабства. Они знали караванъ, къ которому я принадлежалъ и отъ котораго такъ неосмотрительно отдѣлился, и взялись проводить меня до береговъ Сыра.

Едва я замѣтилъ большой мѣхъ со водою, висящій на одномъ изъ верблюдовъ, какъ жажда возобновилась съ страшною, мучительною силою; я непременно разорвалъ-бы пальцами тонкую козью шкуру турсука, если-бы сильныя руки одного изъ киргизовъ не усадили-бы меня на песокъ съ словами: «не горячись, пріятель, — еще успѣешь». Потомъ мнѣ дали маленькую чашку воды, не болѣе одного стакана, и, несмотря на всѣ мои просьбы дать еще, отказали наотрѣзъ самымъ недеремоннымъ образомъ. Только черезъ часъ дали мнѣ еще одну чашку и, уже къ вечеру, послѣ того, какъ я пожралъ (я не могу назвать иначе это бѣшеное, голодное глотаніе полусырого мяса) данную мнѣ обильную порцію баранины, мнѣ позволили напиться вволю.

Къ вечеру окончень былъ незатѣйливый обрядъ похоронъ. Я все время спалъ, какъ убитый. Послѣ заката солнца мы выступили, и только на третій день я увидѣлъ вдали синюю ленту обросшей камышами Сырь-Дарьи.

Вѣроятно, на всю жизнь останется у меня въ памяти это блужданіе по пескамъ Кызылъ-Кума.

ЮНУСКА-ГОЛОВОРЪЗЪ.

Многочисленная толпа собралась въ узкихъ улицахъ, огибающихъ задніе дворы дворца эмира. Толпа росла съ каждою мпнутою; даже большой бухарскій базаръ опустѣлъ, и въ лавкахъ остались одни только ихъ владѣльцы, недоумѣвавшіе, куда это повалилъ весь народъ, и перекликавшіеся между собою, не выходя изъ своихъ уютныхъ лавочекъ.

Глухой говоръ, гулъ движенія, топотъ кованыхъ копытъ по камнямъ, перебранки, смѣхъ — наполняли воздухъ. Тѣсно было въ улицахъ, всякому хотѣлось пробиться впередъ, лѣзли чуть-ли не черезъ головы, карабкались на заборы и стѣны, и на всѣхъ сосѣднихъ крышахъ, плоскихъ, какъ столъ, усьлились пестрыя, разнокалиберныя группы волнующагося народа.

Полицейскіе (кавасы) съ длинными бѣлыми палками въ рукахъ пробирались сквозь толпу, пуская въ дѣло, гдѣ мало было словъ, свое оружіе.

На первомъ планѣ толпились сотни ребятишекъ, которые всегда успѣютъ протискаться впередъ подъ руками и даже между ногами старшихъ; потомъ виднѣлись ряды самыхъ типичныхъ фізіономій, населяющихъ многолюдную Бухару: сарты и узбеки съ своими густыми, курчавыми бородами, съ строгими, библейскими лицами, въ необъятныхъ кисейныхъ чалмахъ; скуластые окрестные кочевники въ верблюжьихъ халатахъ, въ остроконечныхъ шапкахъ; евреи съ лоснящимися локонами на вискахъ; индѣйцы съ красными значками между глазъ; авганы въ ярихъ красныхъ одеждахъ, съ распущенными по плечамъ волосами; безобразнѣйшіе нищіе въ отреньяхъ... и на самыхъ заднихъ планахъ, на крышахъ и въ отверстіяхъ полуразрушенныхъ стѣнъ, стройныя женскія фігуры въ наки-

нутыхъ на головы синихъ халатахъ, съ черными и бѣлыми вуалями на лицахъ.

Общее вниманіе было приковано къ маленькой двери, вѣланной въ глубокую нишу зубчатой глиняной стѣны, огораживающей обширные дворы эмирского дворца. Эта дверь была сдѣлана изъ темнаго карагача съ двухстворчатыми половинками и разукрашена тонкою рѣзбою. Въ серединѣ половинокъ изображены были разныя звѣзды, по краямъ—вызолоченные бордюры, а массивные косяки ярко раскрашены по синему полю ярко-красными, желтыми и голубыми арабесками. Бѣлая, оштукатуренная алебастромъ ниша вся сплошь изукрашена мелкими, причудливыми барельефами, изображающими фантастическіе цвѣты и фрукты.

Дверь эта была заперта; тяжелая щеколда изъ луженаго узорнаго желѣза была опущена на мѣдную скобку. У двери стояла худая лошаденка, вся мокрая отъ пота и дождя, моросившаго, словно сквозь мелкое сито; стояла она, понуривъ голову, съ отвислою нижнею губою, разставивъ свои разбитыя ноги съ обломанными копытами. На ней было привязано веревочною подпругою деревянное сѣдло, ничѣмъ не покрытое; оборванная сбруя висѣла клочками. Кляча* эта стояла безъ всякой привязи, уныло глядя на пеструю дверку своими прищуренными глазами.

Изъ-за стѣны надъ самою дверью, торчалъ высокій шестъ, а на шестѣ—вся посинѣлая, съ открытыми оловянными глазами, съ искривленнымъ ртомъ и оскаленными зубами—человѣческая голова. Борода у этой головы была выбрита, рыжіе усы и короткіе бакенбарды торчали щетиною, остриженные волосы были перепачканы грязью и черными пятнами запекшейся крови.

Эта голова была русская.

Голову эту только-что привезъ на поклонъ эмиру Мозафару-Эдину извѣстный головорѣзъ Юнуска-джигитъ. Онъ уже не разъ возилъ такіе подарки грозному повелителю благородной Бухары; каждый разъ такой подарокъ оплачивался однимъ золотымъ «тилля» *) и новымъ полосатымъ халатомъ изъ блестящаго адрасса.

*) Золотая монета въ четыре рубля серебромъ (собственно тилля значить золото).

Стоявшая у дверей кляча принадлежала «храброму» Юнускъ-джигиту и составляла чуть-ли не единственную собственность свирѣпаго головорѣза, «грозы и бича безпечныхъ гяуровъ», какъ называли его на базарахъ многолюдной столицы бухарскаго ханства.

За стѣною послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ: кованные каблуки звонко шелкали по плитамъ мощенаго двора; запрыгала дверная щеколда, и одна половинка дверей отворилась, визжа на заржавленныхъ петляхъ. Маленькая фигурка бочкомъ перешагнула высокій порогъ и показалась на улицѣ, шурша накинутымъ на плечи, поверхъ грязнаго платья, новымъ халатомъ; на кожаномъ поясѣ висѣлъ длинный гиссарскій ножъ, съ боку, задѣвая за порогъ и камни, прыгала дрянная шашка, зазубренный клинокъ которой торчалъ изъ протертыхъ поженъ. Лицо у этого человѣка было скуластое, сморщенное, и на подбородкѣ торчали пучочки скомканныхъ волосъ; косые глаза сіяли удовольствіемъ, хотя и забѣгали какъ-то неловко и безпокойно при видѣ такой многочисленной публики. Это былъ самъ виновникъ выставленнаго на шесть трофея. Одобрительный говоръ и крики пронесли въ толпѣ. Юнуска ободрился.

За Юнускою вышли два дворцовыхъ сарбаза въ красныхъ, шитыхъ золотомъ, халатахъ, съ кривыми саблями, и еще нѣсколько не вооруженныхъ, но богато-одѣтыхъ людей; затѣмъ узорчатая дверка плотно захлопнулась. Толпа стала расходиться по разнымъ направленіямъ; большинство повалило вслѣдъ за Юнускою на базаръ, куда повели счастливаго джигита насыщаться и наливаться зеленымъ чаемъ, послѣ многотрудной дороги.

Снова на всѣхъ базарныхъ перекресткахъ стало людно и шумно по обыкновенію, базарная жизнь закипѣла своимъ чередомъ, и оживленный говоръ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ глухо загудѣлъ подъ сводами крытаго центрального ряда съ красными, посудными и чайными товарами.

Какъ разъ посрединѣ главнаго перекрестка, на самомъ проѣздѣ, устѣлись на корточки другъ передъ другомъ два человѣка; между ними было не болѣе пяти шаговъ разстоянія. Одинъ изъ нихъ былъ уже совсѣмъ старикъ, съ всклокоченною бѣлою бородой, съ лицомъ, обезображеннымъ слѣдами

страшной мѣстной болѣзни «нашъ-хорда», съ глазами то поблеклыми, безжизненными, то вдругъ разгорающимися, какъ уголья. На головѣ у старика была высокая остроконечная шапка, отороченная внизу мѣхомъ: шапка эта была клѣтчатая, темно-зеленая съ чернымъ; на голое, почти черное тѣло, высохшее, какъ древняя мумія, былъ накинутъ изодранный халатъ, заплатанный лоскутами всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ; ноги босыя, покрытыя густымъ слоемъ засохшей грязи. Въ рукахъ у этого страннаго человѣка былъ большой бубенъ и тоненькая раскрашенная камышинка, а за плечами — короткій точеный бати́къ изъ какого-то темнаго тяжелаго дерева, съ острымъ наконечникомъ въ видѣ копья. Второй человѣкъ былъ по-моложе, но и въ его густой, неопрятной бородѣ пробивалось множество сѣдинъ; голова его не была выбрита, какъ у всѣхъ мусульманъ, а кажется, и вовсе незнакома съ ножницами или бритвою; трудно было разсмотрѣть, изъ чего состояла эта чудовищная прическа; казалось, что волосы, длинные чуть не до земли, были заплетены въ нѣсколько косъ, и косы эти перевиты и перепутаны между собою въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; все это скомкано кое-какъ на макушкѣ и приколото двумя или тремя большими ржавыми желѣзными булавками. Слой пыли густо напудрилъ эту массу волосъ, въ которыхъ, даже издали, видѣлись какія-то бѣлыя, двигающіяся точки. Одѣтъ онъ былъ въ широкой верблюжій халатъ и тоже съ босыми ногами.

Оба они, по-очередно, говорили громко, нараспѣвъ, сильно жестикулируя и пронзительно вскрикивая по временамъ. Это были мнимые помѣшанные, юродивые («дивона»), отрѣшившіеся отъ мірской жизни, предвѣщатели, — люди, пользующіеся большимъ авторитетомъ въ полудикихъ народныхъ массахъ, бродящіе всю свою жизнь съ одного мѣста на другое, ярые фанатики сами по себѣ, публичные пѣвцы и ораторы, разсѣвающіе фанатическое озлобленіе и ненависть ко всему не мусульманскому вообще и русскому въ особенности.

Кругомъ накопились слушатели и жадно ловили каждое слово, боясь проронить малѣйшій звукъ, вылетѣвшій изъ вдохновенныхъ устъ. Конные и пѣшіе останавливались на ходу и замирали, какъ статуи. Вдали гудѣла базарная жизнь, вблизи-же нея царствовала мертвая тишина, въ которой от-

четливо раздавались хриплые, надтреснутые голоса ораторовъ.

Старикъ съ бубномъ говорилъ:

— Аллахъ! Единый Аллахъ! Ты послалъ на меня глубокий сонъ, и сонъ этотъ тянулся девяносто девять дней!

— Девяносто девять!.. Слышите-ли, девяносто девять?— подтверждалъ другой.— О, это вѣдь очень долго!

— Да, продолжалъ первый, — но спало только мое тѣло, духъ-же мой летѣлъ высоко надъ землею и, наконецъ, сталъ, по волѣ Аллаха, на одномъ мѣстѣ. И увидѣлъ духъ мой долину — чудную долину, какая можетъ быть только въ раю, и какой вы еще, конечно, нигдѣ не видѣли!

— Понятное дѣло, гдѣ-же имъ видѣть что-нибудь хорошее!— поддакивалъ волосатый.

— По долинѣ этой текли рѣки; какъ серебряныя ленты, тянулись онѣ по сочной зелени; на берегахъ росли тѣнистыя деревья, и гнулись до земли усыянныя золотыми плодами вѣтви!

— Ахъ, какъ это хорошо! Хоть-бы парочку этихъ золотыхъ штучекъ? Да гдѣ намъ, созданнымъ изъ грязи...

— Другъ мой, ты перебиваешь теченіе моихъ мыслей!

— Молчу, молчу; цѣлую прахъ ногъ твоихъ и слушаю. Слушайте и вы, правовѣрные!

— Сколько розъ,— продолжалъ старикъ,— сколько разныхъ цвѣтовъ покрывало долину, и какой чудный запахъ поднимался еверху, подъ самыя облака!

— Такъ, что даже самыя птицы чихали отъ удовольствія и хвалили всемогущаго Аллаха!

— Ты опять, пріятель! Имѣй терпѣніе; твоя рѣчь впереди...

— Посреди этой долины мирно пасся большой бѣлый верблюдъ, и какой верблюдъ! Шерсть у него была изъ чистаго персидскаго шелку, бѣлая, какъ снѣгъ на небесныхъ горахъ, шея длинная, какъ у лебедя, глаза черные, мягкіе, нѣжные, какъ у женщины, походка плавная, голосъ звонкій, какъ трубы, которыя трубятъ, когда великій эмиръ Мозафаръ идетъ на молитву. Верблюдъ этотъ ходилъ и ѣлъ однѣ только розы, или-же лежалъ въ тѣни и пережевывалъ, а бѣлая, какъ молоко, пѣна бѣжала на густую, душистую траву. Хорошо было жить этому верблюду; его не выючили, не запрягали, у него спина была совершенно чистая, безъ сбоевъ и ссадинъ: видно

было, что вычное сѣдло никогда не прикасалось къ чудному животному,—оно только ѣло, спало и прогуливалось. И воскликнулъ я: «О, Аллахъ! Гдѣ-же это такая счастливая страна, гдѣ верблюдамъ лучше жить, чѣмъ у насъ правовѣрнымъ?» И услышалъ я голосъ, исходящій изъ свѣтлаго луча солнечнаго, и по голосу узналъ, что со мною, недостойнымъ, заговорилъ самъ Магометъ... Вы не вѣрите? Спросите вотъ хоть у моего товарища!

— Да, да, я самъ видѣлъ; настоящій Магометъ, а не то, чтобы что-нибудь другое!

— Святой голосъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Посмотри на сѣверъ и не будешь ты завидовать этому верблюду». И взглянулъ я на сѣверъ, и увидѣлъ... Боже, что я увидѣлъ!..

Здѣсь ораторъ вскочилъ, дико осмотрѣлся, пронзительно вскрикнулъ и грохнулся на землю, катаясь въ судорогахъ, грызя землю и горько рыдая. Въ этихъ всхлипываніяхъ можно было разслушать слова. «О, мы несчастные! О, мы жалкій родъ, созданный для печалей и горя!» Его товарищъ старался подражать ему во всѣхъ движеніяхъ, а толпа стояла и слушала съ глубокимъ, религіознымъ вниманіемъ.

Наконецъ, припадокъ отчаянія нѣсколько унялся; ораторъ успокоился, сѣлъ на корточки и продолжалъ:

— Съ той стороны, гдѣ солнце уже больше не грѣетъ, гдѣ никогда не видѣли теплыхъ, лѣтнихъ дней, гдѣ царствуетъ постоянная ночь, гдѣ все покрыто льдомъ и снѣгомъ подымались густыя, черныя тучи. Тучи эти росли и двигались, онѣ приближались, и въ самой глубинѣ ихъ, въ непроницаемой темнотѣ, горѣли и бѣгали огненные искры. Большое стадо волковъ несло въ воздухѣ; у нихъ были желѣзные когти, желѣзные зубы и страшно сверкали ихъ раскаленные очи. О, Аллахъ, на кого ты посылаешь это свирѣпое войско?! Помилуй насъ! Спаси насъ! Покрой своимъ священнымъ щитомъ и не дай желѣзнымъ зубамъ нечистаго звѣря терзать правовѣрныхъ дѣтей твоихъ... О, Аллахъ! О, милосердный, великій!..

И загудѣла толпа, и заволновалась: она поняла, что это были за волки....

— Бѣлый верблюдъ хотѣлъ вскочить и бѣжать, но было поздно. Да и куда уйдешь отъ гнѣва Аллаха?... Бѣшенныя

звѣри вцѣпились со всѣхъ сторонъ, жадно защекали голодные зубы, и красная кровь полилась по серебрянной шерсти верблюда. И упало на землю бѣдное животное, и тысячи зубовъ принялись его рвать и терзать. Померкло ясное небо, завылъ холодный вѣтеръ, погнулись деревья, и стали застывшія воды. Тогда взмолился истерзанный верблюдъ, и взмолился языкомъ человѣческимъ: «О, Аллахъ, прости дѣтей твоихъ! Прости, что они стали забывать вѣру отцовъ своихъ, что они позволили невѣрнымъ осквернять чистую землю и вступили съ ними въ разныя соглашенія... Прости ихъ!.. Они поправятся, загладятъ свои проступки и всѣ, какъ одинъ, возстанутъ на невѣрныхъ пришельцевъ»... И услышалъ Аллахъ мольбу эту... Съ востока, черезъ все небо перекинулась свѣтлая радуга; по этой небесной дорогѣ спустилось на землю большое, крылатое войско. Впереди, на бѣломъ конѣ ѣхалъ самъ Тимуръ и грозно махалъ своимъ кривымъ, какъ мѣсяцъ, мечомъ... Неожиданно ударило святое войско въ самую средину волчьяго стада, шарахнулись изумленные звѣри и пустились къ себѣ на полночь, но не спасли ихъ быстрыя ноги: всѣ погибли въ бѣгствѣ, обогривъ землю свою черною кровью. Тогда великій Тимуръ повелѣлъ отрѣзать всѣ волчьи головы и на ткнуть на копыа, а копыа посадить въ землю, одно около другого и этою стѣною отгородиться отъ холоднаго сѣвера.

— Вотъ такъ точно, какъ тамъ,—видѣли? — пояснилъ товарищъ проповѣдника.

— Да, совершенно такъ... И снова стало свѣтло на всей землѣ, снова потекли прозрачныя воды, выпрямились стройныя деревья, а чудное войско удалилось снова на небо!

Старикъ кончилъ. Сперва нѣсколько минутъ было молчаніе, потомъ глухой ропотъ прокатился въ толпѣ и началъ рости больше и больше, разносясь по обширному базару.

Въ одной изъ угловыхъ чайныхъ лавочекъ, на коврикѣ у очага съ пылающими угольями, сидѣлъ, поджавъ ноги, самъ Юнуска-головорѣзъ; онъ жадно ѣлъ жирный, приправленный мелко изрѣзанными кореньями пловъ; онъ былъ очень голоденъ и спѣшилъ вознаградить себя, дорвавшись до вкуснаго блюда, запуская по-очередно руки въ жирную массу варенаго риса и облизывая лоснящіеся пальцы. Около стоялъ большой мѣдный самоваръ, ведра въ три, тульской работы; самоваръ

этотъ шипѣль, свистѣль и испускалъ изъ всѣхъ отверстій густые клубы пара, сквозь который сверкали цѣлые ряды развѣшанныхъ по стѣнамъ мѣдныхъ, покрытыхъ красивымъ чеканомъ, кунгановъ (родъ чайника). Пузатые мѣшки съ кипишемъ, урюкомъ и разными сушеными фруктами лѣпились по стѣнкамъ; по карнизамъ, въ камышевыхъ сѣткахъ, висѣли сберегаемыя на зиму дыни и связки красного стручковаго перца. У лавочки толпились мальчики съ плетеными лотками на головахъ, а на лоткахъ лежали цѣлыя пирамиды горячихъ, только-что вынутыхъ изъ печки, лепешекъ.

Юнуска ѣлъ и рассказывалъ; собравшаяся публика внимательно слушала. Юнуска говорилъ.

— А остальные побѣжали...

— Это всѣ трое побѣжали?—перебилъ рассказчика кто-то изъ толпы.

— Да, всѣ трое.... Я какъ выскочилъ на нихъ изъ-за стѣны, такъ сразу убилъ одного, а другіе трое испугались и побѣжали... Ихъ всѣхъ было четверо: понимаете-ли?... Четверо И у всякаго было огромное ружье, и каждое ружье могло стрѣлять по два раза...

— А хорошія ружья у русскихъ,—снова перебилъ одинъ изъ слушателей;—у насъ такихъ не умѣютъ дѣлать!

— Когда я былъ въ Ташкентѣ, такъ видѣлъ у одного изъ ихнихъ начальниковъ маленькое ружье,—такъ то восемь разъ стрѣляло.... Право, такъ!

— Все дьявольская работа,—перебилъ сѣдобородый мулла.—Свяжешься съ чортомъ и сто разъ изъ одного ружья выстрѣлишь!

— Такъ вотъ,—продолжалъ Юнуска,—побѣжали они; я за ними и еще убилъ двухъ, а ужъ третьяго не убилъ, не хочу лгать,—третьяго не убилъ: лошадь у него была очень хорошая,—ускакалъ проклятый!

— А вѣдь это онъ все вретъ!—раздался неожиданно смѣлый гортанный голосъ.

Рассказчикъ замолкъ;—толпа оглянулась. У входа въ лавку стояли два вооруженные авгана и, подсмѣиваясь, поглядывали на осовѣвшаго Юнуску.

— Какъ вретъ? Почему вретъ? Что-же тутъ невѣроятнаго?—посыпалось изъ толпы.

— А потому вретъ,—сказалъ авганъ,—что видѣли мы не разъ русскихъ въ полѣ. Немного ихъ было,—куда меньше нашего,—а наши бѣжали, какъ бараны, и пушки бросали.... Да ты, послушай, не напирай такъ, а то вѣдь что-жъ хорошаго,—обратился онъ къ одному изъ узбековъ, который слишкомъ близко подошелъ къ нему съ зловѣщимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Это вы, подлецы, бѣгали! — слышалось въ толпѣ. — «Наемщики голоногіе!»...

— Постой-ка, братъ,—шепнулъ одинъ авганъ другому,—я иликну нашихъ, а то вѣдь этой сволочи, ишь, сколько набралось!....—И онъ хотѣлъ идти.

— Куда? Стой! — заревѣлъ косматый дивона, успѣвшій подобраться къ толпѣ и слышавшій все, что происходило передъ этимъ.—Ни съ мѣста!—И онъ схватилъ его за воротъ красной куртки, но тотчасъ-же захрипѣлъ и присѣлъ на землю... Поясной ножъ авгана уходилъ ему, какъ разъ, подъ ребра.

Это было сигналомъ къ общей схваткѣ.

Первое мгновеніе авганы держались стойко, прижавшись спинами другъ къ другу; у нихъ были кривыя сабли съ желѣзными ручками, у нападающихъ-же—одни только ножи, да и то не у всѣхъ. Вдругъ цѣлая чашка налитого изъ самовара кипятку плеснула прямо въ смуглое цыганское лицо; авганъ вскрикнулъ, схватился руками за голову и выпустилъ саблю... Толпа хлынула... слышался задавленный стонъ... Черезъ секунду все было кончено для несчастныхъ горцевъ.

Изъ переулка слышался звукъ флейтъ. Красивые мальчики, не старше шестнадцати лѣтъ, ѣхали попарно по главной улицѣ; на нихъ было все красное, а за плечами ружья съ раскрашенными, узенькими прикладами. За ними два пѣшихъ старика въ парчевыхъ халатахъ вели подъ узцы красиваго бѣлаго коня, у котораго между ушей торчалъ высокій золотой помпону; на конѣ сидѣлъ, согнувшись, самъ Мам-фаръ-Эддинъ, поглядывая изъ подлобья своими недовѣрчивыми глазами.

Затихло все. Толпа разступилась и стала на колѣни.

Какъ разъ посрединѣ улицы лежали три истерзанныхъ трупъ.

Быль холодный, дождливый день, по временамъ перепалъ мокрый снѣгъ. Въ Джюзакскомъ ущельи выль рѣзкій вѣтеръ, врываясь въ боковыя вѣтви, усѣянные черными, покрытыми мохомъ горами камня. Густой туманъ сползалъ внизъ по крутымъ, скалистымъ скатамъ. Каменистая, словно природное шоссе, дорога извивалась по ущелью, переплетаясь съ быстру бѣгущимъ ручьемъ «Джаланъ-аты». На дорогѣ лежалъ издохшій верблюдъ, вытянувъ свои длинныя, мускулистыя ноги, и надъ нимъ копошилась воронья стал, каркая и хлопая своими мокрыми крыльями.

Все смотрѣло угрюмо и мрачно, наводя тоску и уныніе.

Въ сторонѣ, за огромной, рѣзущей туманъ своими острыми краями скалою, совершенно замаскированныя ею отъ дороги, притаились два живыхъ существа. Это были человѣкъ и лошадь. Оба предмета были совершенно неподвижны. Лошадь стояла, понуривъ голову и изрѣдка моргая сонными глазами, когда какая-нибудь, черезчуръ назойливая, капля дождя угодить прямо на ея длинныя рѣсницы; грива у ней скомкалась и слиплась, мокрый хвостъ путался между ногъ, все тѣло слегка дрожало. Всадникъ сидѣлъ около, съжившись, уткнувшись носомъ въ свой верблюжій халатъ и спрятавъ на чухлой груди, освобожденные изъ рукавовъ, руки.

Если-бы кто-нибудь изъ проѣзжихъ по дорогѣ бухарцевъ замѣтилъ его, то сразу узналъ-бы въ немъ «храбраго голову-рѣза-Юнуску».

Онъ уже цѣлый день сидитъ здѣсь, притаившись и промокнувъ насквозь отъ безпрестаннаго декабрьскаго дождя. Онъ продрогъ, онъ голоденъ, пальцы у него оковѣли, а онъ все сидитъ и ждетъ.

Онъ ждетъ ночи, и тогда, подъ покровомъ непроницаемой темноты, онъ выльзетъ изъ своего убѣжища.

Скоро туманъ сталъ все гуще и гуще, начало быстро темнѣть, дождь пересталъ, но за то стало замѣтно холоднѣе.

Юнуска всталъ, подошелъ къ своему коню; тотъ какъ будто очнулся отъ сна и тряхнулъ ушами. Джигитъ влѣзъ на свое жалкое сѣдло, шажкомъ выбрался на дорогу; здѣсь онъ повернулъ къ Джюзаку. Измученная кляча, подгоняемая ременною плетью, заковыляла по твердому грунту своими разбитыми ногами.

Черезъ полчаса онъ повернулъ влѣво, поднялся на отлогую, но, тѣмъ не менѣе, очень высокую гору и опять свернулъ въ сторону. Онъ, видимо, боялся съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться. Грунтъ, вмѣсто твердаго, каменистаго, сталъ топкимъ; конскія ноги проваливались чуть не по колѣно на каждомъ шагу. Юнуска слѣзъ, оставилъ клячу на произволъ судьбы и пошелъ пѣшкомъ

Впереди краснѣли въ туманѣ огненные пятна: это виднѣлись освѣщенные окна передѣланной изъ темныхъ сакель, низенькой, но длинной русской казармы. Юнуска тревожно поглядывалъ на эти зловѣщія пятна; ему поминутно чудились мѣрные шаги; онъ вздрагивалъ и припадалъ къ землѣ, гдѣ и лежалъ по нѣскольку минутъ неподвижно, затаивъ порывистое дыханіе.

Вдали глухо грохоталъ подмокшій барабанъ. Это въ цитадели били вечернюю зарю.

Юнуска остановился, присѣлъ и началъ пытливо оглядываться. «Здѣсь», проговорилъ онъ, какъ будто что-то соображая. Тамъ, гдѣ горизонтъ сливается съ небомъ, протянулась свѣтлая полоска, на ней обозначались черными силуэтами воткнутые кое-какъ въ землю деревянные кресты. Юнуска находился на русскомъ кладбищѣ. Долго онъ ползалъ по разнымъ направленіямъ, будто разыскивая что-то, наконецъ, остановился и началъ рыть.

Онъ рылъ быстро, тревожно, — рылъ, какъ собака, чующая подъ землею спрятавшуюся крысу; рыхлая земля легко уступала его лихорадочнымъ усиліямъ, и скоро онъ добился до того, что его уже не было видно на поверхности.

Часа два продолжалась подземная работа; наконецъ, она прекратилась. Запыхавшійся, тяжело дышавшій, Юнусъ выбрался на поверхность, — и не одинъ онъ выбрался, а съ добычею. Добыча эта была круглая; у добычи этой были глаза, носъ уши, и добычу эту «храбрый джигитъ» тащилъ, крѣпко уцѣпившись пальцами за коротко-остриженные волосы.

Юнуска выпрямился, положилъ около себя русскую голову и самодовольно улыбнулся. Онъ соображалъ:

— Еще одинъ халатъ; я его, конечно, продамъ. Еще одна тилля... А славная монета эта тилля; сколько на нее можно сдѣлать хорошаго... Въ Бухарѣ опять будутъ кормить даромъ

цѣлую недѣлю... А какой безпокойный народъ эти авганы... нехорошій народъ... плохіе мусульмане, плохіе... А!.. Что такое?..

За плечами Юнуска блеснулъ красный огонь. Безъ стопа, безъ малѣйшаго крика упалъ ничкомъ въ землю «храбрый джигитъ Юнуска-головорѣзь».

— Экъ я его ошарашилъ! Ахтительно, промежъ лопатокъ!

— Вишь, ты, чѣмъ промышляетъ, собачья кости!

— Это онъ покойничка Савельева обработалъ!

— А не Макара Кузьмина?

— Нѣтъ, тотъ маленько поправѣе будетъ!

— Вотъ оно дѣло-то какое!..

Два солдата въ шинеляхъ, въ башлыкахъ, надѣтыхъ на головы, съ ружьями въ рукахъ, стояли у свѣже-разрытой могилы.

— Ну что-жъ, надоть къ ротному?

— Ну, поди, доложь пидьфебелю!

— А ты что-жъ?

— Мнѣ, братъ, не линія. Я, таперича, прямо въ слободу: тетка Марфа звала... Лафа, братъ, одно слово!

РАХМЕДЪ-ИНАКЪ, БЕКЪ ЗААДИНСКІИ.

I.

Моя палатка стояла въ углу большого двора, обнесеннаго высокою глинобитною стѣною. Густое, раскидистое тутовое дерево свѣсило свои отягченныя бѣлыми ягодами вѣтви какъ разъ надъ самую полотняную крышею моего жилища.

Отъ каждаго малѣйшаго сотрясенія: опустится-ли на вѣтки большая птица, пробѣжитъ-ли мохнатая бухарская кошка съ сосѣднаго двора, колыхнетъ-ли ихъ едва замѣтный вѣтеръ, — на туго натянутое полотно сынется цѣлый дождь спѣлаго тутовника, глухо барабана по туго-натянутой, раскрашенной въ азіатскомъ вкусѣ, холстинѣ.

Душно и жарко. Въ воздухѣ стоитъ знойная мгла.

Словно въ дыму, колеблются въ этой тропической мглѣ и плоскія, раскаленныя глиняныя крыши домовъ, и стройныя колонны неподвижныхъ тополей, и тяжелый куполъ мечети съ косматымъ гнѣздомъ аиста на самой вершинѣ.

Все живое или спитъ, или бездѣйствуетъ, пріютившись по своимъ, болѣе или менѣе прохладнымъ, уголкамъ; а кому необходимо нужно высунуться на улицу, тотъ вяло, словно боясь сдѣлать лишнее движеніе, пробирается по сторонкѣ, придерживаясь скудныхъ полосокъ тѣни. Вотъ движутся какія-то массы: онѣ загородили всю улицу. Монотонно раскачиваются косматыя, глупыя головы съ прорванными ноздрями, уныло гудятъ бубенчики на длинныхъ шеяхъ, колышутся по бокамъ двадцатипудовые тюки, сверкая бѣлымъ цвѣтомъ покрывающей ихъ кошмы... Это караванъ изъ Бухары.

Верблюдамъ ничего, ихъ и жара не донимаетъ, но посмотрите на вожаковъ... Вотъ одинъ изъ нихъ: онъ сидитъ на ма-

ленькомъ, длинноухомъ осликъ (по здѣшнему—ишакъ); его бо-
сыя, растрескавшіяся ноги бороздятъ толстый слой дорожной
пыли; растрепалась и сбилась на сторону грязная чалма, лип-
кій потъ струится по смуглой бронзовой кожѣ его библейскаго
лица; словно разбитыя параличемъ—висятъ мускулистыя руки,
и тяжелая, окованная желѣзомъ плеть (калоча) вотъ-вотъ—
выскользнетъ изъ онѣмѣлыхъ пальцевъ.

Неслышно, словно тѣни, шмыгнули двѣ, закутанныя съ
головою, женскія фигуры. Пронеслась поджарая собака съ жа-
лобнымъ воемъ, поджавъ хвостъ, приподнявъ только-что пере-
битую ногу. Проѣхалъ и угрюмый акъ-сакаль *) «Годдай-агга-
лыкъ», вызванный по служебному дѣлу начальникомъ катта-
курганскаго уѣзда.

Почти безъ всякаго костюма, лежалъ я на своей походной
кровати; тутъ-же, около, стоялъ большой квадратный табуретъ-
столъ на точеныхъ ножкахъ; на немъ блестѣлъ чайный при-
боръ, а у самой кровати, чтобы не далеко было тянуться, сто-
яла плетеная корзина съ разнообразными сортами винограда—
подарокъ моего большого пріятели катта-курганскаго курбаши
(нѣчто въ родѣ полиціймейстера). Чай и фрукты, особенно вино-
градъ, это одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ про-
тивъ расслабляющаго дѣйствія сорока-градусной жары; а при-
вычные желудки наши позволяли намъ пользоваться этими
средствами до злоупотребленія.

Чу! Это что за новость!?!.. Далеко-далеко,—въ массахъ зе-
лени пригородныхъ садовъ,—дребезжитъ казачья труба... За-
молкла... Опять... Да, точно... теперь ясно слышно: играютъ
«сѣдлатъ». Что-бы это значило?..

За стѣною топчутъ лошади... Одна, другая, третья... Всад-
ники остановились у низенькой калитки... Я слышу, какъ они
слѣзаютъ съ лошадей... Вотъ кто-то запутался ногою въ стремя
и выругался при этомъ. Голосъ знакомый, и поговорка, какъ у
Генриха четвертаго, только въ классическо-славянскомъ стилѣ.

— Да будетъ вамъ валяться!.. Тутъ историческія событія
происходятъ, а онъ кейфу предается...

— Здравствуйте, капитанъ, что это васъ взбудоражило?..
Какія событія?

*) Акъ-сакаль—въ буквальномъ переводѣ—бѣлая борода (старшина).

— Не маловажныя, не маловажныя...—Капитанъ протянулъ руку за чистымъ полотенцемъ, висѣвшимъ на колѣѣ, и съ наслажденіемъ принялся вытирать свою потную лысину.

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ я, надѣвая высокіе, походные сапоги...

— Одѣвайтесь и ѣдемъ!

— Кочетковъ! Сѣдлатъ!—крикнулъ я севозъ холстину палатки своему деньщику.

Въ отвѣтъ на мое воззваніе, Кочетковъ зѣвнулъ на весь дворъ и шарахнулся съ кучи свѣжаго клевера, на которой валялся по примѣру своего господина.

— Вы знаете, кто ѣдетъ?—говорилъ капитанъ, выплевывая виноградныя косточки.— Сейчасъ получено извѣстіе. Самъ знаменитый Рахмедъ-инакъ. Онъ верстахъ въ десяти отсюда, въ кишлакъ (деревнѣ) остановился переодѣваться и сюда прислалъ сказать... Я былъ убѣжденъ, что вамъ пріятно будетъ сѣдлатъ эту экскурсію... Мы сейчасъ ѣдемъ къ нему на встрѣчу... По дорогѣ я велѣлъ казачьей сотнѣ готовиться. Мы, знаете, устроимъ ему нѣчто въ родѣ почетнаго караула. Примѣняясь къ здѣшнимъ нравамъ, не мѣшаетъ обставять все это нѣкоторой торжественностью, этакъ, что называется, съ помпою.— Это весьма и весьма помогаетъ!—ораторствовалъ капитанъ, пока я одѣвался. Онъ занималъ довольно важный постъ — помощника начальника отдѣла, и всѣ политическія явленія и событія, возникающія у нашихъ ближайшихъ сосѣдей, тотчасъ-же становились ему извѣстны, благодаря цѣлой живой сѣти вѣстовщиковъ, разсыпанныхъ во всѣхъ слояхъ общества. Устройство этой замысловатой махинаціи было, большею частью, дѣломъ самого хитраго и талантливаго политика-капитана.

Я уже былъ совсѣмъ готовъ и нацѣпилъ на себя оружіе, безъ котораго мы не выходили и не выѣзжали нигуда, когда звонкое, веселое ржаніе моего Орлика дало знать, что Кочетковъ исполнилъ уже возложенное на него порученіе.

Мы всѣ трое, т. е. я, капитанъ и его переводчикъ, черномазый офицеръ, не то киргизъ родомъ, вышли изъ палатки и направились къ калиткѣ двора.

Четыре конвойные казака-оренбургца перебранивались съ коренастымъ линейцемъ, который ожесточенно полоскалъ въ стоячей лужѣ свои истасканные покрытые заплатами панта-

лоны. При нашемъ появленіи, казаки замолчали и засуетились у лошадей, а линеецъ, стоя безъ штановъ и засучивъ рубаху у пояса, переважно поднималъ руку къ тому мѣсту головы, гдѣ долженъ былъ находиться козырекъ его кепи, если-бы оно было на головѣ, а не въ зубахъ косматой собаченки, служившей на заднихъ лапкахъ тутъ-же по близости.

— А еще говорятъ, что наши линейные батальоны совсѣмъ утратили дисциплину,—шепнулъ мнѣ на ухо капитанъ:—отказырять намъ, оказалъ почетъ,—значить, свое дѣло знаетъ!

Сѣли на лошадей и поѣхали.

Сперва дорога шла длинною, узкою улицею. Низенькія, сѣрыя стѣны сакель разнообразились только запертыми воротами и калитками; оконъ не было ни одного, потому-что и вообще у азіатскихъ жилищъ не имѣется оконъ, а если и есть что-нибудь замѣняющее ихъ, такъ оно расположено на внутреннихъ фасадахъ, а на улицу выходятъ сплошныя, однообразныя стѣны надворныхъ построекъ — конюшенъ и тому подобнаго.

На нѣкоторыхъ разстояніяхъ тянулись поперекъ улицы ряды крупныхъ сѣрыхъ камней, разложенныхъ на шагъ одинъ отъ другого; въ дождливое время, когда въ густой грязи немощенныхъ улицъ проваливаются по брюхо лошади, вязнутъ длинноногіе верблюды и тонутъ несчастные ишаки,—по этимъ камнямъ только и можно перейти съ одной стороны улицы на другую.

Въ одномъ мѣстѣ—двухъколесная арба загородила намъ всю дорогу. Кое-какъ, подобравъ на сѣдла ноги, протискались мы между стѣной и высокимъ колесомъ повозки.

— Вотъ это, дѣйствительно, можно назвать узкою улицею,—замѣтилъ капитанъ.—А то, говорятъ, что наша Москва этимъ отличается, а тамъ, сколько я помню, два извозчика довольно свободно разъѣзжаются. Терпѣть не могу клеветы...

— Стой!—дальше ѣхать было невозможно: нѣсколько арбъ съ клеверомъ загородили весь проѣздъ окончательно. Лошади были выпряжены и стояли тутъ-же, привязанныя у колесъ; хозяева ушли отдыхать.

Какая-то, едва замѣтная щель виднѣлась направо. Одинъ изъ казаковъ сказалъ, что тутъ можно, прямо черезъ дворъ

мечети, проѣхать къ базару. Мы свернули и направились, гуськомъ другъ за другомъ, къ этой спасительной щели. Сперва казакъ нырнулъ въ нее, за нимъ я, за мною капитанъ и т. д. Тѣсно, но ѣхать можно... а что если назадъ придется вернуться?—Было-бы совсѣмъ скверно, потому-что повернуть лошадей не предстояло на малѣйшей возможности.

Минуты черезъ полторы, мы выбрались на просторъ. Это былъ дворъ мечети. Посрединѣ, между четырьмя столѣтними, раскидистыми карагачами зеленѣлъ покрытый плѣсенью четырехугольный прудъ; въ тинѣ копошилось и ныряло нѣсколько хохлатыхъ утокъ. Двѣ собаки встрѣтили насъ оглушительнымъ лаемъ, прыгая по крышамъ, на одномъ уровнѣ съ нашими головами.

Вокругъ мечети тянулся навѣсъ, поддерживаемый рѣзными колонками; потолокъ этого навѣса и самыя колонки были ярко и пестро раскрашены въ видѣ кашемирской шали, кое-гдѣ виднѣлась полинялая позолота. Нѣсколько узкихъ дверей вело во внутренность мечети; надъ каждою дверью было рѣшетчатое окно, затянутое красной тканью, что производило странный фантастическій свѣтъ внутри зданія.

Въ тѣни этого навѣса, на тонкихъ плетенкахъ валялись въ разнообразныхъ позахъ отдыхающіе правовѣрные. Нѣкоторые поднялись при нашемъ приближеніи и произнесли обычное «аманъ», другіе-же сохраняли полную безмятежность. Одинъ сѣдобородый мулла спросилъ у переводчика, «куда идетъ начальникъ въ такую жаркую пору»—тотъ отвѣтилъ, и старикъ совершенно удовольствовался.

Изъ воротъ мечети мы выѣхали на относительно широкую улицу, ведущую къ Пеншамбинскимъ воротамъ, почти у самаго большого катта-курганскаго базара.

Справа и слѣва тянулись лавки евреевъ-красильщиковъ; подъ навѣсами сидѣли сами хозяева, раскладывая показистѣй цѣлые вороха цвѣтного шелка. Руки у всѣхъ были яркаго, синяго цвѣта почти по локти. Причиною этого необыкновеннаго цвѣта кожи — то обстоятельство, что красильщики преимущественно возятся съ индиго, самою употребительнѣйшею краскою, и руки ихъ до того пропитались этимъ веществомъ что какъ-бы ни мыли ихъ, онѣ не принимали уже первобытнаго вида. Я самъ видѣлъ, какъ еврей, въ доказательство

чистоты своихъ рукъ, полоскалъ ихъ нѣсколько минутъ въ чашкѣ съ чистою водою, и вода не окрасилась ни капли. Только временемъ могутъ постепенно отмыться эти вѣчно-рабочія руки, но почти каждый день приходится подновлять и подновлять ихъ окраску, и съ этимъ обстоятельствомъ всѣ давно уже примирились. При нашемъ проѣздѣ евреи всѣ вставали, низко кланялись и провожали насъ всевозможными ласкательными привѣтствіями, улыбаясь при этомъ своею красивой, добродушной улыбкой. Какая громадная разница между ними и ихъ европейскими собратьями: это именно тѣ древніе іудеи, не искаженные дальнѣйшимъ ходомъ бытовыхъ и историческихъ событий.

Проѣхали и мимо индійскаго караванъ-сарая. Нѣсколько индусовъ, расположившись въ воротахъ зданія, вели между собою оживленный разговоръ, сильно жестикулируя руками и всѣмъ тѣломъ. Смуглые, черноглазые, съ курчавыми, черными, какъ смоль, волосами, въ маленькихъ темно-синихъ шапочкахъ, въ красныхъ панталонахъ въ обтяжку, съ яркимъ изображеніемъ пламени посрединѣ лба, съ ослѣпительно-сверкающими бѣлыми зубами—эти вертлявые, вѣчно двигающіяся фигуры производили поразительный контрастъ съ величавою, спокойною наружностью мусульманъ.

Когда мы поровнялись съ воротами караванъ-сарая, то замѣтили на дворѣ нѣсколько осѣдланыхъ лошадей: это было уже нововведеніе. До прихода русскихъ не-мусульмане не смѣли показываться на улицахъ верхомъ на лошадяхъ. Лошади считались слишкомъ благородными животными, чтобы позволить садиться на нихъ, въ присутствіи правовѣрныхъ, такимъ нечестивцамъ, какъ евреи и индѣйцы. Съ нашимъ появленіемъ, права нѣсколько уравнились, и прижатые и угнетенные вздохнули свободнѣе. Это, конечно, не всѣмъ нравилось; находились недовольные, но что-же дѣлать! Съ силою обстоятельствъ, волею-неволею, надо было примириться, тѣмъ болѣе, что евреи и индѣйцы съ необыкновеннымъ тактомъ начали пользоваться предложенными имъ благами, стараясь не оскорблять религіознаго чувства большинства населенія рѣзкимъ нарушеніемъ привычныхъ для него порядковъ. Случалось даже (какъ было въ Самаркандѣ), что евреи вовсе не пользовались наружными признаками равноправности, боясь за своихъ еди-

новѣрцевъ въ Бухарѣ, которые могли бы жестоко поплатиться за политическую безтактность своихъ счастливыхъ собратій.

Разнообразный, пряный запахъ спѣлыхъ фруктовъ, преимущественно дынь, далъ знать о томъ, что мы приближались къ Пеншамбинскимъ воротамъ, у которыхъ расположены палатки и навѣсы фруктоваго базара. Цѣлыя горы оранжевыхъ абрикосовъ (урюку) прѣли на солнцѣ, распространяя вокругъ себя ароматы, которые сейчасъ-же смѣшивались съ свѣжимъ запахомъ конскаго навоза, ибо десятки лошадей и ословъ, привезшихъ этотъ сладкій товаръ изъ окрестныхъ садовъ, стояли поблизости, въ общей кучѣ, отмахиваясь хвостами отъ мириадъ докучливыхъ, больно кусающихся мухъ.

Подъ навѣсами, въ защитѣ отъ солнца, стояли карзинки съ болѣе цѣнными, отборными плодами; на веревкахъ, подъ крышами были развѣшаны нѣжные сорта винограда, которые, безъ этой предохранительной мѣры, могли-бы погибнуть отъ своей собственной тяжести. Продавцы фруктовъ были всѣ безъ исключенія мусульмане *).

Запахъ фруктовъ смѣнился ѣдкимъ чадомъ подгорѣлаго сала. Въ особо устроенныхъ печахъ были плотно вмазаны котлы чудовищныхъ размѣровъ; въ нихъ парился, прикрытый сверху толстой холстиной, національной азіатскій пловъ, слишкомъ извѣстный всѣмъ, чтобы его описывать. Полуголый, скуластый, весь мокрый отъ пота, китай-кипчакъ наблюдалъ за другими котлами, гдѣ, шипя и скворча на всевозможные лады, жарилось мелко нарубленное баранье мясо. Подъ соседнимъ навѣсомъ, другой такой-же поваръ жарилъ въ кунжутномъ маслѣ распластанные ломти сомовины и другой рыбы. Нѣсколько поодаль, въ болѣе опрятныхъ помѣщеніяхъ, готовлялись пельмени на паровыхъ рѣшеткахъ; а подъ двумя тополями, въ сторонкѣ, виднѣлись ульеобразныя глиняныя печи, въ которыхъ пеклись плоскія лепешки и маленькіе, твердые,

*) Чтобы дать понятіе о поразительной дешевизнѣ, царствовавшей на этомъ соблазнительномъ базарѣ, я приведу слѣдующій короткій перечень цѣнъ:

Дыни—отъ 1 до 6 копеекъ штука (максимумъ).

Персики—отъ гривенника до тридцати коп. за сотню.

Абрикосы—гривеникъ довольно большая корзина (считать не стоитъ).

Виноградъ—до сорока копеекъ за пудъ.

Вотъ-бы этотъ преісъ-курантъ—да въ Милютины лавки!

какъ камешъ, хлѣбцы на бараньемъ салѣ. Поблизости отъ этого запаса всякой снѣди расположены были чайныя лавочки, гдѣ кипѣли наши родные, російскіе самовары тульского издѣлія. Красивые мальчишки возились около нихъ, приготовляя валяны для отдыхающихъ на коврахъ и войлокахъ посѣтителей. Красные халатики этихъ бойкихъ прислужниковъ тамъ и сямъ мелькали, отражаясь въ яркой мѣди самоваровъ. Почти у самой дороги, прикрывъ бритую голову полою халата и не заботясь объ остальномъ тѣлѣ, храпѣлъ таджикъ. Гдѣ-то за изгородью пронзительно ревѣлъ обиженный чѣмъ-то ишакъ.

Проѣхали мимо десятка законченныхъ кузницъ, гдѣ, за неимѣніемъ работы, дремали кузнецы у своихъ потухшихъ горнилъ. Въ одномъ только мѣстѣ возились съ какой-то упрямой влѣчей, нехотѣвшей давать на истязаніе одну изъ своихъ разбитыхъ ногъ. Вотъ пришлось переѣзжать черезъ Нуру-пай-рѣку, дающую жизнь всему Катта-Кургану. Влѣво отъ насъ издавало мѣзмы залитое кровью мѣсто, отведенное для бойни скота, тутъ-же торчали покачнувшіеся остатки прежней вистѣлицы, впрочемъ, весьма недавно сослужившей свою послѣднюю службу. Цѣлые ряды большихъ и малыхъ глиняныхъ сосудовъ, еще непросохшихъ, только-что слѣпленныхъ, стояли и сушились на солнцѣ, въ ожиданіи обжоба: здѣсь была фабрика глиняныхъ издѣлій, работающая чуть-ли не на весь околдобъ.

Мы спустились подъ горку, мимо водяной мельницы, перебрались черезъ дребезжащій подъ конскими ногами, живой мостикъ и выбрались совершенно за городъ. Сады стали попадаться все чаще и чаще, воздухъ становился свѣжѣе и относительно прохладнѣе. Придерживаясь одной стороны дороги, мы почти все время ѣхали въ сплошной, пріятной тѣни густыхъ деревьевъ. За высокими стѣнами слышались женскіе и дѣтскіе голоса; сквозь щели сверкали любопытные глаза. По временамъ, на вершинѣ стѣны показывались закутанныя фигуры и мгновенно исчезали, едва только кто-нибудь изъ насъ обертывался, подстрекаемый любопытствомъ.

Дорога была пуста, и намъ почти никого не попадалось навстрѣчу.

Влѣво отъ дороги, подъ тѣнью сплошной группы карагачей, раскинулась чрезвычайно заманчивая, зеленая лужайка.

Противъ нея, на самомъ припекѣ, возвышался насыпной курганъ, вершина котораго была увѣнчана грудой камней, сложенныхъ съ нѣкоторой претензіей на сооруженіе. Между камнями были зажаты длинные шесты, украшенные конскими хвостами, металлическими, пустыми внутри, шарами и разноцвѣтными тряпками. Это была могила какого-то, довольно чтимаго, святого.

Этотъ пунктъ избранъ былъ нами для встрѣчи знаменитаго гостя; а впередъ по дорогѣ были посланы два казака, чтобы во-время предупредить насъ о приближеніи Рахмедь-нака.

Отъ Катта-Кургана, по той-же дорогѣ, по которой пріѣхали и мы, неслоя цѣлое облако пыли; въ немъ сверкали стволы казачьихъ винтовокъ, мелькали бѣлыя рубашки, и, выше всего, развѣвалось красное полотно сотеннаго значка. Это насъ догоняла казачья сотня, выступившая для почета на встрѣчу. Поровнявшись съ нами, казаки выстроились въ стороны отъ дороги и сошли съ лошадей.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда бухарское ханство было во всемъ блескѣ своего существованія, и съ именемъ эмира соединялось понятіе о чемъ-то весьма сильномъ и могущественномъ, Рахмедъ, несмотря на свою молодость, пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ деспотическаго владыки. Онъ и тогда былъ бекомъ въ Заадинѣ (городѣ, лежащемъ верстахъ въ пятидесяти отъ Катта-Кургана). Кромѣ своего бекства, что очень близко походитъ на наше намѣстничество, только съ болѣе неограниченною, почти верховною властью, Рахмедъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на ходъ общихъ государственныхъ дѣлъ, особенно на все, что касалось внѣшней политики ханства. Рѣдкій изъ его совѣтовъ, высказанныхъ съ необыкновеннымъ тактомъ, не былъ принятъ гордымъ владыкою. Онъ умѣлъ такъ совѣтовать, что казалось, что онъ только ловить на лету и развиваетъ мысль, отнюдь не его собственную, а принадлежащую всецѣло высоко-чтиму, Богомъ любимому, ярко-блистательному «Мозафаръ-эддину».

Между прочимъ, онъ настаивалъ на необходимости дружескихъ отношеній къ такой сильной сосѣдѣ, какъ Россія. Онъ умѣлъ доказать, не оскорбляя религіознаго и національнаго чувства, что только съ этими дружественными отноше-

ніями соединены сила и вліяніе Бухары. Онъ всегда съ участіемъ относился ко всѣмъ русскимъ, попадавшимъ въ Бухару, особенно къ торговымъ людямъ, стараясь покровительствовать пришельцамъ во всемъ, что отъ него зависѣло. И во всемъ ханствѣ только его одного не обмануль смѣлый Вамбери своими переодѣваньемъ. Этотъ путешественникъ говоритъ, что когда онъ представлялся Рахмеду, правившему тогда всей Бухарой за отсутствіемъ эмира, онъ не могъ безъ трепета смотрѣть въ глаза проницательнаго намѣстника, зная, что его тайна разгадана послѣднимъ или, по крайней мѣрѣ, близка къ разгадкѣ.

Когда мы спрашивали Рахмеда-инака (второй титулъ, отвѣчающій титулу главнокомандующаго, былъ данъ ему уже впоследствии), не помнитъ-ли онъ одного ханджи-богомольца, очень смуглаго и хромого, проходившаго лѣтъ пять тому назадъ въ Бухару и Самаркандъ?—Онъ намъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Хотя много каждый годъ приходитъ всякихъ богомольцевъ къ этимъ святымъ мѣстамъ, но я догадываюсь, о комъ вы меня спрашиваете. Этотъ богомольецъ былъ очень ученый ханджи, гораздо ученѣй прочихъ бухарскихъ мудрецовъ!

Тогда мы ему сказали, что это былъ европеецъ, и показали ему книгу Вамбери, переводя то мѣсто, гдѣ путешественникъ говоритъ о самомъ Рахмедѣ.

— Я это зналъ,—говорилъ Рахмедъ,—но я также зналъ, что онъ не вредный человѣкъ, и не хотѣлъ губить такого ученаго мужа. А муллы были сами виноваты, что не догадывались, кто находился между ними; вольно-же имъ было залѣплять свои мозги и глаза грязью!

Противъ послѣдней войны Рахмедъ возставалъ всѣми силами, но фанатизмъ тысячъ собравшихся въ Бухару муллъ взялъ перевѣсъ, и гибельные результаты этого факта не замедлили обнаружиться во всей своей ужасающей наготѣ. И тутъ Рахмедъ поправилъ, хотя сколько-нибудь, дѣло: почти ему одному обязана Бухара самаркандскимъ миромъ, хотя и весьма невыгоднымъ, но все-таки лучшимъ, чѣмъ полная погибель.

Настоящая поѣздка была предпринята для того, чтобы рѣшить на мѣстѣ запутанный и сложный вопросъ о водѣ,

вопросъ съ которымъ связано существованіе Бухары и всѣхъ городовъ и селъ, лежащихъ ниже по заравнанской долины.

Ключъ отъ всей этой водной системы находился у самаго Самарканда, значить, въ нашихъ рукахъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ сжатая характеристика этого замѣчательнаго бека, пріѣзда котораго мы ожидали, лежа подъ густой тѣнью и прохладяясь сочной оражневой дыней, которую намъ принесли съ сосѣдняго огорода.

Прискакалъ одинъ казакъ, весь запыленный, лошадь тяжело переводить взмыленные бока. Еще издали онъ кричалъ намъ: «Ѣдетъ! Ѣдетъ!»

Прискакалъ и другой: также кричить: Ѣдетъ! И уже проваживая своего мерина, добавилъ: «недалече будетъ, вонъ за тѣмъ барханомъ»...

Мы сѣли на лошадей и тронулись на встрѣчу, а казачья сотня чинно выстроилась по дорогѣ.

Вдали, на одномъ изъ поворотовъ, мы увидали густое облако пыли, выдвигавшееся изъ-за зелени садовъ. Сперва, маленькою рысцою трусили отдѣльные всадники. Всѣ они были при сабляхъ и въ рукахъ держали длинныя, бѣлыя палочки (полицейскій знакъ): это были все джигиты Рахмедъ-инака. Показались и выючныя лошади, тяжело тянувшіяся на поводкахъ, подгоняемыя сзади жгучими ударами плетей. Багажъ долженъ былъ раньше прибыть на мѣсто, и потому всадники, видимо, спѣшили.

По парно, сидя на красивыхъ, хотя до нельзя тощихъ, лошадяхъ, въ ярко-красныхъ халатахъ и такихъ-же красныхъ чалмахъ, ѣхали красивые, черномазые мальчики — пажи Рахмеда; у всѣхъ въ рукахъ были фитильныя ружья-мултуки съ прикладами, раскрашенными въ голубую, зеленую и желтую краски. Наконецъ, показался и самъ Рахмедъ-инакъ, а за нимъ толпа самыхъ разнообразныхъ всадниковъ.

На красивомъ, высокомъ, какъ верблюдъ, гнѣдомъ аргмакъ сидѣлъ знаменитый бекъ, покачиваясь на коротенькихъ стремянахъ. Онъ былъ въ свѣтло-лиловомъ шелковомъ халатѣ, затканномъ мелкими серебряными цвѣточками; на головѣ чалма изъ кашемирской шали, съ лѣваго бока — короткая, кривая сабля въ красныхъ бархатныхъ ножнахъ. Вся лошадь была покрыта серебристой парчевой попоной, отороченной красною

бахрамою; узда и сѣдло сверкали на солнцѣ своими золочеными бляхами и подвѣсками. Свита была одѣта значительно скромнѣе.

Одно изъ правилъ сложнаго азіатскаго этикета заключается въ томъ, что при встрѣчѣ младшій долженъ слѣзть съ лошади и тогда уже начать свое привѣтствіе. Зная хорошо это правило, капитанъ еще заранѣе рѣшилъ остаться на лошади, рассчитывая, что и Рахмедъ не будетъ слѣзать, и, такимъ образомъ, званія инака бухарскихъ войскъ и капитана — русскихъ наглядно уравниются, но вышло не такъ, какъ предполагалось.

Едва только мы съѣхались, какъ Рахмедъ взялся за луку сѣдла и нагнулся. Видя, что онъ хочетъ слѣзть и тѣмъ оказать самую утонченную вѣжливость, капитанъ посиѣвшилъ спрыгнуть съ лошади и чрезвычайно озадачился, увидавъ, какъ Рахмедъ привѣтствовалъ его съ высоты своего аргамака, придавъ своему первоначальному движенію совсѣмъ иное значеніе: ему просто хотѣлось поправиться на сѣдлѣ.

Не на шутку разсердился капитанъ и, говоря черезъ переводчика заученную заранѣе рѣчь, вставилъ фразу: «перехитрилъ, каналья», замѣтивъ толмачу, что это переводить не слѣдуетъ. Онъ долгое время не могъ послѣ забыть этой невинной проделки Рахмедъ-инака.

Когда наша кавальгада поравнялась съ казаками, они гаркнули (Богъ въсть по такимъ соображеніямъ): «здравія желаемъ, ваше превосходительство!..» Трубаچی проиграли какую-то дребедень, и вся сотня тронулась за нами. Вся эта процедура очень понравилась беку.

На базарѣ картина значительно перемѣнилась. Въсть о пріѣздѣ Рахмеда успѣла разлетѣться по городу, и множество народу сѣвшило со всѣхъ сторонъ встрѣтить пріѣзжаго. Собрались и городскіе «акъ-сакалы». Рахмедъ-инакъ многихъ узнавалъ и особенно съ ними раскланивался.

Помѣщеніе для гостя было отведено въ домѣ старшаго катта-курганскаго акъ-сакала. Здѣсь онъ могъ, не стѣсняясь, отдохнуть и распоряжаться, какъ ему заблагоразсудится, въ кругу своихъ старыхъ знакомыхъ; офиціальнѣе визитъ къ начальнику отдѣла былъ отложенъ до завтра. Это распоряженіе очень понравилось беку; онъ не ожидалъ этого и думалъ, что

ему придется попасть сразу въ среду русскихъ, слишкомъ мало ему знакомую

Весь огромный четверугольный дворъ акъ-сакала былъ защищенъ отъ солнца почти сплошною крышею изъ ковровъ и пестрыхъ палаточныхъ верховъ, натянутыхъ на веревкахъ между деревьями. Лошади и прислуга расположились на первомъ дворѣ, гдѣ всегда и устроиваются стойла для лошадей, а самому беку отведена была небольшая угольная сакля, чисто выбѣленная блестящимъ алебастромъ. У входа этой сакли на возвышеніи разостланы были цвѣтныя скатерти, а на нихъ, на плоскихъ мѣдныхъ блюдахъ и всевозможныхъ подносахъ, разставлены были разнообразныя азіатскія лакомства и фрукты.

Всѣ заборы и плоскія крыши, примыкающія къ двору, были заняты толпами зрителей, преимущественно дѣтей; на самыхъ заднихъ планахъ виднѣлись робкія женскія фигуры, пытавшіяся изъ-подъ своихъ безобразныхъ покрываль, хотя украдкой, взглянуть на то, что такъ доступно ихъ мужьямъ и братьямъ. Оттуда-то изъ-за угла валилъ густой дымъ, и пахло саломъ: тамъ варили неизбежный пловъ для пріѣзжихъ, для чего съ вечера еще были зарѣзаны цѣлыхъ пять барановъ.

Сойдя съ лошадей на первомъ дворѣ, мы вошли подъ навѣсы, гдѣ хозяинъ дома, въ своемъ самомъ нарядномъ халатѣ, ожидалъ гостя съ хлѣбомъ и подарками; на подносахъ лежали: голова сахару, нѣсколько кусковъ полосатой полущелковой матеріи (адрессу), два фунта русскихъ стеариновыхъ свѣчей и бѣлый мерлуцатый халатъ, крытый лпловымъ плисомъ. Обычай подносить подарки при всякомъ, сколько-нибудь подходящемъ случаѣ, сильно вкоренился у всѣхъ азіатскихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что это выраженіе уваженія нисколько не убыточно, такъ-какъ съ размѣномъ любезностей происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и размѣнъ приношеній.

Прежде чѣмъ сѣсть на приготовленное для него мѣсто, Рахмедъ отправился въ саклю и черезъ минуты три вышелъ къ намъ, вытирая полотенцемъ только-что вымытыя руки; онъ даже успѣлъ переобуться, и на его ногахъ, вмѣсто походныхъ сапогъ съ высокими острыми каблуками, очутились мягкія, чулообразныя *ичеи* изъ чернаго сафьяна съ вышивкою. Всѣ мы успѣли за столъ или, правильнѣе сказать, вокругъ са-

тертей и принялись прохладжаться, не дожидаясь подчиванія хозяина (заставлять хозяина напоминать часто о предложенных блюдах весьма неучтиво). Между прохладительными яствами одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали блюда съ чистымъ снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ виноградною патокой и медомъ. Это очень вкусно, немного напоминаетъ неудавшееся мороженое. Снѣгъ былъ привезенъ изъ далека, верстъ за тридцать, изъ горъ Акъ-Тау.

Рахмедъ велъ все время самый обыкновенный разговоръ, тщательно избѣгая всего, что-бы могло приблизиться къ дѣлу — цѣли его поѣздки; рѣчь шла о погодѣ, о сортахъ винограда, о нашихъ русскихъ костюмахъ, о винодѣліи, которое зарождалось въ этомъ краѣ съ нашимъ прибытіемъ, и ни слова о водѣ: о послѣдней предполагалось говорить не здѣсь, а въ Самаркандѣ, и говорить съ осторожностью, обдумывая и взвѣшивая каждое слово, однимъ словомъ — дипломатически.

Когда капитанъ спросилъ бека: не стѣсняемъ-ли мы его, и, что, вѣроятно, онъ желалъ-бы отдохнуть послѣ такого труднаго путешествія, то бекъ отвѣчалъ, что такой лестный примѣтъ способенъ заставить забыть всякую усталость, однако, нѣсколько разъ посмотрѣлъ на дверь свой сакли, изъ которой манило полумракомъ и прохладою.

Мы поднялись, пожали беку руку и направились къ выходу; всѣ остальные гости, по знаку хозяина дома, тоже начали мало-по-малу очищать дворъ.

Когда мы сѣли на лошадей, то къ намъ выбѣжалъ Курбакъ-Аминъ, оставшійся при Рахмедѣ, и сообщилъ, что бекъ надѣется видѣть насъ сегодня у него на вечерѣ (томашѣ), который для него дѣлаютъ сборомъ всѣ катта-курганскіе акъ-сакалы.

II.

Къ ночи стало прохладнѣе. Темнота быстро наступила послѣ заката солнца и какая темнота — настоящая тропическая, хоть глаза выколи, а на темномъ, почти черномъ небѣ, ослѣпительно сверкали мириады бриліантовыхъ звѣздъ. Въ той части города, гдѣ находилось жилище, пріютившее Рахмединава, пылало красное зарево отъ разложенныхъ костровъ и смоленыхъ факеловъ, и глухо гудѣли барабаны; иногда изъ

этихъ дробныхъ перекатовъ выносились—то свистящая трель тростниковой флейты, то хриплый ревъ мѣдныхъ трубъ, слышались людскіе заунывные голоса, вторящіе инструментамъ, и рѣзкое хлопанье въ ладоши: вечеръ (томаша, что значитъ вообще зрѣлище) начался.

Я пробирался пѣшкомъ по узенькому переулку, спотыкаясь поминутно о камни; впереди меня шелъ Юсупка-джигитъ, освѣщая дорогу большимъ бумажнымъ фонаремъ, въ которомъ пылалъ и чадилъ огарокъ сальной свѣчи домашняго приготовленія. Въ цитадели давно уже проиграли вечернюю зорю, и на зубчатыхъ стѣнахъ, высоко, высоко, бродили черные силуэты часовыхъ.

Когда я добрелъ до воротъ, то увидѣлъ нѣсколько верховыхъ лошадей, осѣданныхъ русскими сѣдлами, значить, не одни мы съ капитаномъ получили приглашеніе, прочіе офицеры катта-курганскаго гарнизона удостоились той-же чести.

Толпа была такъ густа, что только при помощи услужливаго Юсупки удалось мнѣ пробраться впередъ.

Вся катта-курганская аристократія, какъ туземцы, такъ и пришельцы, была на лицо: былъ и самъ начальникъ отдѣла, были и русскія дамы, въ лицахъ жены коменданта, вертлявой маленькой фигурки гальскаго происхожденія и дебелой жены доктора, блиставшей своими декольтированными формами. Я замѣтилъ капитана, кивавшаго мнѣ изъ-за розоваго халата гаддай-аггалыка, и пробрался къ нему, раскланявшись съ Рахмедъ-инакомъ.

Самъ виновникъ торжества сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и утромъ, только на немъ не было оружія, и вмѣсто тяжелаго костюма на немъ былъ надѣтъ легкій кашемировый халатъ и бѣлая кисейная чалма.

Въ сторонѣ, почти у самой стѣнки, возсѣдали музыканты. Литавры замѣнялись двумя чугунными горшками, затянутыми сверху пузыремъ; самую видную роль въ оркестръ играли бубны, увѣшанные разными побрякушками. Все, что не могли выполнить инструментами, исполнялись горломъ самихъ музыкантовъ; мотивъ все время повторялся одинъ и тотъ-же, то усиливаясь, то затихая; тактъ довольно вѣрно поддерживался ударами въ литавры. Шуму и грому было достаточно, ибо музыкантовъ было человѣкъ пятнадцать.

Посрединѣ былъ разостланъ громаднѣйшій тюркменскій коверъ, по угламъ котораго стояли мѣдные подсвѣчники со свѣчами; на этомъ-то коврѣ и происходило представлѣнiе.

Въ углу двора, на высокихъ подмосткахъ, въ громадномъ глиняномъ сосудѣ пылалъ цѣлый костеръ сухихъ, смолистыхъ вѣтокъ, освѣщая всю толпу кровавымъ, волнующимся, пожарнымъ свѣтомъ. Кромѣ того, всюду, гдѣ только можно было прицѣпить, висѣли бумажные фонари разныхъ величинъ и формъ. Иллюминація была великолѣпная! Она не напоминала собою наши рассчитанныя заранее иллюминаціи; здѣсь все было случайно, никто ничего не обдумывалъ; позажигали все, что можно было зажечь — и ладно. И какъ эти беспорядочныя волны яркаго свѣта гармонировали съ такими-же беспорядочными звуками! Добавьте ко всему этому разноцвѣтные, просторные халаты, необъятныя чалмы, эффектныя, оживленныя азіатскія лица и вы увидите передъ собою оригинальную картину, въ яркихъ пятнахъ которой положительно терялись наши скромные бѣлые кители и рубашки нашихъ солдатъ, пробравшихся поглядѣть на занятое представлѣнiе.

Когда я занялъ болѣе или менѣе удобное мѣстечко, на коврѣ находилось два плесуна. Это были мальчуганы-бати, лѣтъ по четырнадцать отъ роду; оба они были одѣты въ длинныя красныя рубахи, оба были съ обнаженными ногами. Они плавно двигались по козру, почти не переставляя ногъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, выгибаясь змѣею направо и налево и бросая на всѣхъ выразительные, лукавые взгляды своихъ большихъ, черныхъ глазъ. При каждой улыбкѣ сверкали бѣлые, ровные зубы, на тонкихъ шеяхъ гремѣли и шелестили нити разноцвѣтныхъ бусъ.

Сзади за собою я услышалъ интересный разговоръ. Два сарта говорили о нашихъ дамахъ, которыя сидѣли на самыхъ видныхъ мѣстахъ, какъ разъ напротивъ насъ.

— Це-це! Эхъ! Хороши, — говорилъ одинъ.

— Хороши! — отвѣчалъ другой и сплюнулъ на сторону: — это значить, что у него потекли слюнки при видѣ такой прелести.

— А что, у эмира, я думаю, нѣтъ ни одной такой?

— Должно быть нѣтъ...

— Вонъ та, большая, лучше (рѣчь шла о докторшѣ)!

— А у той халатъ ужъ очень хорошъ (у нихъ все халатъ)!

— Подожди, я посмотрю поближе!—произнесъ первый и всталъ.

— Смотри, нагайками вздуютъ!

— За что вздуютъ? Я трогать не буду, я только посмотрю!

Я видѣлъ, какъ сартъ, пробираясь въ густой толпѣ, обходилъ дворъ съ явнымъ намѣреніемъ подобраться, на сколько можно ближе, къ завѣтному пункту. Вотъ уже его красная чалма мелькаетъ на противоположной сторонѣ. Я подтолкнулъ капитана, сообщилъ ему вкратцѣ весь разговоръ, и мы принялись слѣдить вмѣстѣ.

Сартъ сперва остановился около жены коменданта, внимательно осматрѣлъ ея безконечный шлейфъ, словно измѣряя его глазами и возвелъ глаза къ небу. Потомъ онъ, оглядываясь по сторонамъ, слегка нагнулся къ шиньону французенки и потянулъ носомъ воздухъ. Я отвернулся и вынулъ платокъ, чтобы замаскировать смѣхъ, который подступалъ къ горлу; капитанъ не удержался и фыркнулъ; конечно, это было отнесено къ фарсамъ плясунговъ, которые, что называется, расходились и отхватывали на пропалую. Затѣмъ любопытный туземецъ принялся разсматривать докторшу; а та, словно нарочно, такъ и изгибалась, такъ и играла своимъ великолѣпнымъ бюстомъ; легкое кисейное платье волновалось при каждомъ движеніи, обрисовывая роскошныя формы. Внимательно, весь обратившись въ зрѣніе, разсматривалъ сартъ невиданное зрѣлище, глаза его искрились, нижняя губа отвисла; казалось, что вотъ-вотъ онъ не утерпитъ и дотронется до этихъ бѣлыхъ плечъ своими крючковатыми пальцами. Наконецъ, онъ отмахнулся рукою, словно отгоняя искушеніе, и началъ проталкаться обратно. Мы ждали, какъ онъ будетъ сообщать товарищу свои наблюденія.

— Ухъ!—едва перевелъ духъ возвратившійся.

— Ну, что?

— Нѣтъ, у эмира такихъ нѣтъ, гдѣ ему!

— Я думалъ, тебѣ не сдобровать!

— Нѣтъ! Ничего... У этой, маленькой волосъ сколько на головѣ, Аллахъ! Аллахъ! И всѣ чѣмъ-то посыпаны...

— Какъ думаешь—чѣмъ?

— Сахоромъ, должно быть!

— Сахаромъ!—удивился тотъ.

— Ну, а у той—такое бѣлое тѣло, что я и не видалъ. Настоящее сало курдючное, такъ и съѣлъ-бы, и какъ хорошо лукомъ пахнетъ...

Тутъ уже ни я, ни капитанъ не выдержали и разразились громкимъ хохотомъ, но и тутъ судьба насъ выручила. Батча сдѣлалъ одно невѣроятное движеніе, заканчивающее всю пляску: онъ вдругъ запрокинулся назадъ и до такой степени выгнулъ спину, что головою почти досталъ до пятокъ; весь его тонкій станъ изображалъ собою сплошной обручъ. Неистово заревѣла тѣла, выражая свое одобреніе, и нашъ хохотъ положительно стушевался въ общемъ гулѣ восторженныхъ голосовъ.

На сцену появился длиннородый старикъ индеецъ съ длиннымъ краснымъ шестомъ и съ обезьяной за плечами. Держа шестъ совершенно отвѣсно, онъ заставилъ животное лѣзть на его верхушку. Потомъ онъ началъ бросать въ нее грецкими орѣхами, обезьяна хватала ихъ на лету и, въ свою очередь, швыряла ими въ публику. Затѣмъ она однимъ прыжкомъ очутилась снова на плечахъ у своего хозяина и продѣлала еще нѣсколько довольно извѣстныхъ фокусовъ, послѣ чего, ухвативъ въ лапы высокую шапку индійца, заковыляла и стала обходить публику за посильнымъ приношеніемъ.

Толпа разступилась и дала дорогу двумъ атлетамъ въ однихъ только короткихъ панталонахъ; ихъ темное, закованное мускулистое тѣло лоснилось отъ поту; на двухъ жердяхъ, гнувшихся подъ тяжестью громаднаго котла, они принесли только-что сваренный пловъ. Это были знаменитые повара-спеціалисты варки плова, выписанные акъ-сакаломъ изъ Паншабли.

Большими деревянными черпаками (кашикъ) пловъ разложили на блюда и въ большія, плоскія чашки и начали ставить ихъ передъ гостями. Всѣ принялись засучивать рукава и расправлять свои пальцы. Намъ, русскимъ, предложены были ложки, взятые для этого случая изъ сервиза начальника отдѣла, и мы принялись ужинать. Пловъ былъ удивительно вкусенъ; жирный рисъ такъ и рассыпался, аппетитно хрустя на голодныхъ зубахъ, разнокалиберные кусочки бараньяго, конского и верблюжьяго мяса пріятно подрумянились и были впору приправлены краснымъ, стручковымъ перцемъ.

Послѣ плова разносили зеленый чай въ мѣдныхъ, чеканенныхъ кунганахъ очень красивой формы; чай пили изъ маленькихъ зеленыхъ чашечекъ. Дошла очередь и до лакомствъ.

На арену выступили клоуны: одинъ былъ пожилой мужчина, съ сморщеннымъ лицомъ, съ включенной, жидкой бородою; другой былъ еще молодъ, лѣтъ двадцати, съ узкою, чашоточною грудью и съ потухшими, впалыми глазами. Оба они были въ грязныхъ, умышенно изодранныхъ лохмотьяхъ, и лица ихъ были вымазаны толченымъ кирпичемъ, мѣломъ и сажею. Они наперерывъ кривлялись, рассказывая что-то, перебивая другъ друга, должно быть, что-нибудь очень смѣшное, потому-что всѣ хохотали, и, наконецъ, объявили, что сейчасъ всѣ увидятъ двухъ собакъ, которыя какъ-то забѣжали сюда, въ такое блистательное общество. Обѣщаніе это было встрѣчено общимъ изъявленіемъ удовольствія, которое выразилось хлопаньемъ въ ладоши и усиленнымъ завываніемъ.

Музыканты ударили по своимъ инструментамъ, клоуны стали на четвереньки и закричали по-собачьи: они-то и изображали этихъ двухъ собакъ. Они, особенно молодой, довольно искусно подражали всѣмъ дѣйствіямъ собакъ, гонялись другъ за другомъ, обнюхивались, лаяли, грызлись. Нѣсколько полицейскихъ съ бѣлыми палочками выскочили изъ толпы и прогнали собакъ своимъ оружіемъ, — это тоже входило въ программу спектакля.

Вдругъ на сосѣднемъ дворѣ послышались тревожные крики, а вслѣдъ за этимъ — дикій визгъ и ржаніе лошадей; всѣ кинулись къ мѣсту происшествія. Оказалось, что нѣсколько жеребцовъ сорвались съ своихъ привязей и сбѣжились въ огчанную драку, это встревожило другихъ лошадей, и онѣ принялись бѣсноваться и рваться на своихъ приколахъ. Фонари съ трескомъ валялись на землю, съ немощенаго двора поднялась густая пыль; все перепуталось.

Сначала ничего нельзя было разобрать въ этомъ хаосѣ лошадиныхъ и человѣческихъ фигуръ, пустили входъ обливаніе водою изъ язюковъ; это помогло, и скоро все приняло болѣе покойный видъ: можно было, по крайней мѣрѣ, каждому отыскать свою собственность и, такимъ образомъ, разобрать драчуновъ.

Мы пожелали хозяину и Рахмедъ-диаку покойной ночи и разошлись по домамъ.

Тишина южной ночи смѣнила разнообразный шумъ томаши. Все успокоилось. Только въ цитадели, на утопанной дорожкѣ передъ воротами, слышались мѣрные шаги часового; вдали, на базарѣ, изрѣдка повторялись глухіе удары сторожевого бубна, и вблизи лаяли уже настоящія собаки.

Изъ-за садовъ, красный, словно раскаленный металлъ, подымался серпъ послѣдней четверти луны. По небу бороздили падающія звѣзды.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Миръ, заключенный нами съ Бухарію, встрѣтилъ цѣлыя массы недовольныхъ. Недовольно было поголовно все фантастическое духовенство, потому что Самаркандѣ—этотъ центръ всего святого для азіатскихъ мусульманъ—поналъ въ руки невѣрныхъ. Это духовенство, руководимое только своими личными выгодами и неспособное понять всю необходимость и даже полезность этого мира, пустило въ ходъ свое обыкновенное, испытанное оружіе: интриги въ высшихъ сферахъ и запугиваніе адскими муками невѣжественной, полудикой массы. Какъ то, такъ и другое, удалось. Въ самой Бухарѣ созрѣло ядро недовольныхъ. Старшій сынъ эмира «Катта-тюра» *), обольщенный блестящими обѣщаніями, бѣжалъ изъ Бухары и сталъ во главѣ инсurreкціи.

Междоусобица началась. Всюду разбѣжались эмисары возстанія, объявляя эмира Мозафара лишеннымъ престола, а Катта-тюра вступившимъ на его мѣсто. Все способное призывалось къ оружію; объявлялась священная война противъ всего русскаго.

Волненіе не перешло еще черты нашихъ предѣловъ, и у насъ не случилось ничего, кромѣ заблаговременно принятыхъ мѣръ военной осторожности. Но внѣ этой черты дѣла пошли совсѣмъ не такъ, какъ предполагали. Войска эмира были почти вездѣ разбиты, и, наконецъ, взятъ одинъ изъ чрезвычайно важныхъ пунктовъ — городъ Карши. Тутъ побѣдитель и расположилъ свою главную квартиру.

Далѣе выжидать намъ было невозможно: мы были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Намъ тяжело было начать новую

*) Буквальный переводъ—старшій начальникъ; а второй сынъ эмира назывался „Кишкенъ-тюра“, что значитъ—младшій начальникъ.

войну, а это было-бы неизбежно, если-бъ дѣло Катта-тюра удалось окончательно. Начальникъ всего самаркандскаго округа понялъ, что медлить болѣе нельзя. Составивъ всю свою карьеру службою въ центральной Азіи, онъ слишкомъ хорошо зналъ, когда можно было медлить, а когда нельзя было тратить время въ пустой перепискѣ, и подъ Каршами, какъ снѣгъ на голову, показались бѣлые рубахи русскихъ солдатъ. Карши пали; инсurreкціи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; приверженцы эмира ободрились, увидавъ, какого неожиданнаго союзника посылаетъ имъ Аллахъ.

Катта-тюра приютился въ Шахиръ-Сябзѣ, горномъ пунктѣ, сохранившемъ еще свою самостоятельность; лучшіе его союзники — Садыкъ и Назаръ-Куль удалились въ свои степи, и казалось, что все приняло самый спокойный характеръ. Но, совершенно неожиданно, почти у самой нашей границы разыгрались новыя кровавыя событія.

День былъ пасмурный, холодный; моросилъ мелкій дождь; вѣтеръ былъ на разные лады, пробираясь по садамъ, межъ оголенныхъ деревьевъ. Весь Катта-Курганъ потонулъ въ густой, илистой грязи. По улицамъ ни пройти, ни проѣхать. Чадъ и смрадъ стоитъ надъ городомъ потому что всѣ заняты однимъ дѣломъ: грѣются; кто надъ горшкомъ съ угольями, кто надъ костромъ сухихъ щепокъ. Подъ каждымъ навѣсомъ, въ каждой лавкѣ, вездѣ, куда только ни заворачиваетъ несносный вѣтеръ, трещатъ и дымятся красноватые огоньки, надъ которыми правовѣрные отогрѣваютъ свои окоченѣлые пальцы. Печей не имѣется ни въ одномъ домѣ, кромѣ только хлѣбопекаренъ, выстроенныхъ обыкновенно посрединѣ двора и формою напоминающихъ большіе глиняные ульи.

На базарахъ половина лавокъ заперта: торговля плоха, кого понесетъ изъ дому въ такую ненастную пору!

На усталой лошади, масти которой невозможно было разобратъ подъ залѣпившей ее грязью, вооруженный съ ногъ до головы, пробирался у самой стѣны, гдѣ все-таки немного посуше, одинокій всадникъ. Онъ слѣзъ съ своего коня подъ навѣсомъ двора, ведущаго въ квартиру начальника отдѣла. Находившіеся здѣсь конвойные казаки и туземные джигиты

окружили съ любопытствомъ прїѣзжаго. Это былъ гонецъ отъ нашего сосѣда и друга Рахмеда-инака.

Гонецъ привезъ весьма важное извѣстіе: Бекъ писалъ, послѣ цѣлыхъ потоковъ цвѣтистыхъ привѣтствій и всевозможныхъ изліяній, что Катта-тюра съ тремя стами всадниковъ появился въ Хатырчахъ, пограничномъ пунктѣ, и думаетъ прорваться здѣсь, между нашими владѣніями и владѣніями своего отца, въ степи, чтобы соединиться тамъ съ Садыкомъ и Назаромъ и открыть новыя военныя дѣйствія. Онъ писалъ, что лошади у инсургентовъ сильно измучены, и что, по всему видно, они будутъ ночевать въ Хатырчахъ и только завтра двинутся далѣе: такимъ образомъ, представлялся прекрасный случай захватить въ руки непокорнаго сына и доставить его передъ грозныя, но справедливыя очи великаго, досточтимаго эмира Мозафара. Бекъ предполагалъ въ письмѣ это сдѣлать такимъ образомъ: онъ атакуетъ Хатырчи съ одной стороны, а намъ предлагалъ занять небольшимъ отрядомъ позицію съ противоположной стороны и тѣмъ поставить врага въ совершенно безвыходное положеніе. Онъ увѣрялъ при этомъ, что успѣхъ несомнѣненъ, «особенно принимая во вниманіе храбрость русскихъ солдатъ и геніальность начальниковъ». (И тутъ не упущенъ былъ случай польстить, — такова уже азіатская натура).

Не принять предложенія Рахмеда-инака — было, по многимъ причинамъ, неудобно: главное, что отказъ послужилъ-бы темою постоянныхъ упрековъ впослѣдствіи, да, наконецъ, мы ничего не теряли, сдѣлавъ эту экскурсію, а выиграть могли еще болѣе прочное политическое спокойствіе въ сосѣдней территоріи. Разъ рѣшившись принять предложеніе, мѣшкать было нечего, и тотчасъ же приступлено было къ формированію летучаго отряда. Туркестанскіе солдаты не тратятъ много времени на сборы, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, около сотни пѣхотинцевъ и чело-вѣкъ пятьдесятъ казаковъ брели уже по бухарской дорогѣ, съ трудомъ вытаскивая изъ грязи свои высокіе, походные ботфорты; русская телѣжка паромъ, нагруженная рогатымъ котломъ и суточной провизіей, а главное боченкомъ спирта, тащилась за отрядомъ.

Я съ капитаномъ ѣхали во главѣ отряда, съ нами же ѣхалъ и посланецъ Рахмеда, которому перемѣнили его измученную лошадь; нѣсколько джигитовъ, въ красныхъ халатахъ,

составляли обыкновенную свиту капитана. На наше счастье дождь пересталъ, по крайней мѣрѣ, сверху не мочило. Въ Чагакакѣ мы перешли Нурупай; мостъ черезъ рѣку наканунѣ былъ сломанъ провалившейся бухарскою арбою съ хлопкомъ, и починить его еще не успѣли. Пришлось искать броду: это было очень легко, потому что солдаты, купавшіеся здѣсь всѣ лѣто, знали наизусть все прихотливое дно этой рѣки. Вода отъ дождей была довольно велика, и намъ очень не хотѣлось мочить нашихъ пѣхотинцевъ—началась оригинальная переправа; каждый всадникъ посадилъ за собою пѣшаго; привычныя къ этому маневру лошади смѣло входили въ воду съ двойною ношею, два или три коня пытались было сбросить съ себя лишнюю прибавку, но пѣхотинцы держались цѣпко и благополучно достигли другого берега. Обрываясь и скользя, всадники взбирались на глинистую крутизну и слѣзали опралять сѣдловку—лошади съ шумомъ отряхивались, кое-кто разувался, чтобы вылить изъ сапогъ залившуюся туда воду. Такъ-какъ пѣшихъ было болѣе, чѣмъ конныхъ, то пришлось еще разъ съѣздить за остальными, и переправа немного затянулась. Наконецъ, перетасили послѣднюю ротную повозку, и мы тронулись дальше.

Въ степи дорога пошла болѣе твердымъ грунтомъ, нога почти не вязла, и идти было легко. Прошли съ полверсты бѣгомъ, чтобы погрѣть немного людей; небольшая кучка пѣсенниковъ принялась за исполненіе своего походнаго репертуара; оренбургскіе казаки завозили тоже. Навстрѣчу намъ ползли какія-то мохнатыя тучи: казалось, что конны сухой прошлогодней болотки сами-собою двигались по дорогѣ; только въ нѣсколькихъ шагахъ можно было различить четыре маленькія ножки и пару классическихъ ушей: это везли въ Катта-Курганъ на продажу запасъ топлива, заготовленный въ степи. Попались и верблюды, навьюченные тѣмъ-же товаромъ, это уже положительно были цѣлыя подвижныя горы. Стало темнѣть, вдали зачернѣлись зарабулакскіе холмы.

А между тѣмъ въ Хатырчахъ происходили слѣдующія событія:

По улицамъ рыскали дикіе наѣзтники; покрытыя попонами долговязыя туркменскія лошади стояли кучами, привязанныя къ чему ни попало; яркіе костры, зажженные, видимо, не хозяйскою рукою, пылали на базарѣ; тутъ же, на улицахъ, не

разбирая мѣста, рѣзали дешево прибрѣтенныхъ барановъ. Въ переулкахъ толпились группы перепуганныхъ хатырчинцевъ; ребятишки ревѣли на всевозможные лады, забравшись на крыши. Многие изъ жителей бѣжали изъ города, оставивъ свои дома на великодушіе пришельцевъ.

Тюремны держались особнякомъ, своимъ обществомъ: они были заняты или жареньемъ на угольяхъ мяса для своего ужина, или же кормили лошадей. На многихъ изъ нихъ были кольчуги; длинныя, гибкія пики, съ конскимъ хвостомъ у острія, стояли рядами, прислоненныя къ стѣнкамъ. Киргизы и сбродъ суетились по всѣмъ направленіямъ. На всѣхъ кузницахъ пылали горны, многимъ нужно было перековывать своихъ лошадей, и времени не теряли.

Шагомъ, на рыжей лошади съ лысиною черезъ всю голову, ѣхалъ всадникъ съ киргизскимъ окладомъ лица, въ верблюжьемъ желтомъ халатѣ, въ лисьей шапкѣ съ высокимъ краснымъ верхомъ; сверху была накинута кольчужная рубанка; круглый шитъ, усаженный бляхами изъ золотыхъ монетъ, висѣлъ на сѣдлѣ; за этимъ всадникомъ везли на длинномъ древкѣ изодранный трехугольный значекъ изъ зеленого шелка, узорно исписанный подходящими къ случаю изрѣченіями изъ Корана. Это былъ знаменитый Садыкъ, сынъ извѣстный Аблая-Кенисары, такъ много пакостившій намъ во время войны съ Бухарой. Лѣвая рука у него была перетянута бѣлой чалмою и оvrучена ремнями: она еще не выздоровѣла послѣ одной изъ неудачныхъ, лѣтнихъ схватокъ. Человѣкъ тридцать всадниковъ, преимущественно киргизовъ, гуськомъ ѣхали за Садыкомъ. Они направлялись къ хатырчинской цитадели, занятой уже подъ главную квартиру Катта-тюра.

Въ воротахъ цитадели толпились конные и пѣшіе. Провели какихъ-то двухъ стариковъ, съ связанными руками, подгоняя ихъ пинками и ударами нагаекъ: несчастные молча выдерживали удары и торопливо перебирали ногами, озираясь по сторонамъ робкимъ, заячьимъ взглядомъ. Почти у самаго порога лежалъ трупъ, почти голый, въ однихъ только холщевыхъ запачканныхъ кровью и грязью панталонахъ. Трупъ лежалъ плечкомъ, а лицо, съ выпученными оловянными глазами, съ клочковатою сѣдою бородою, смотрѣло къ небу. у него было совершенно перерѣзано горло, и голова держалась только на

свороченныхъ съ мѣста позвонкахъ и на обрывкахъ затылочной кожи. Многіе спотыкались на этотъ трупъ и съ ругательствомъ выражали свою досаду толчкомъ ноги, не догадываясь просто убрать тѣло съ дороги. Шагахъ въ двухъ, тюркменъ съ аппетитомъ обглаживалъ большую баранью кость своими волчьими зубами. Подъ навѣсомъ воротъ варили пловъ и грѣли два большіе самовара. Неподалеку отъ цитадели подымался густой черный дымъ, и въ этомъ дыму извивались красные языки: загорѣлась какая-то сакля отъ брошеннаго безъ надзора костра; тушить пожаръ никто и не думалъ. Громкій плачь и крики доносились откуда-то изъ-за садовъ; кое-гдѣ слышались отдѣльные выстрѣлы.

Въ низкой саклѣ, на коврахъ сидѣлъ самъ Катта-тюра и дремалъ, прислонившись къ стѣнѣ: по виду ему нельзя было дать болѣе шестнадцати лѣтъ; онъ былъ, какъ и его спутники, въ простомъ халатѣ изъ верблюжьяго сукна, только дорогая бѣлая чалма изъ кашмирской шали отличала его отъ прочихъ. Около него на коврѣ лежала кривая афганская сабля съ желѣзной рукоятью и пара револьверовъ, сильно попорченныхъ отъ неумѣлаго обращенія. Два пожилые узбека въ кольчугахъ и киргизскихъ малахаяхъ, спущенныхъ на затылокъ, горячо разговаривали другъ съ другомъ, передавая изъ рукъ въ руки кальянъ съ камышевымъ чубукомъ. Нѣсколько человѣкъ спали въ углахъ, не допивъ своихъ чашекъ съ зеленымъ чаемъ. По всему видно было, что почти стоверстный переходъ черезъ каршинскую степь утомилъ даже такихъ неустойчивыхъ степныхъ бродягъ, какъ эти сподвижники Катта-тюра, совѣмъ, наконецъ, заснувшаго, съ опущенными вдоль изогнувшагося тѣла своими, почти дѣтскими, худощавыми руками.

Шумъ на базарѣ все усиливался и усиливался, принимая все болѣе и болѣе подозрительный характеръ; вотъ даже на дворѣ цитадели слышались тревожные голоса, по мощному камню двору проскакала лошадь — одна, другая, нѣсколько разомъ.

Очнулся Катта-тюра и посмотрѣлъ на дверь, въ глазахъ его выразились недоумѣніе и испугъ. Спавшіе также начали просыпаться и вскакивали на ноги, хватаясь за оружіе.

Вбѣжалъ одинъ джигитъ.

— Рахмедъ идетъ! — кричитъ онъ, отыскивая глазами кого-то.

— Нашихъ изъ садовъ погнали! — кричалъ другой, врываясь въ саблю.

— Съ ними сарбазы (солдаты) Мозафара! — кричало разомъ нѣсколько голосовъ. — Онъ пушки везетъ съ собою. Слышите...

Въ эту минуту откуда-то донесся глухой ударъ, похожій на пушечный выстрѣлъ; послышались гиканье и трескотня ружейной пальбы.

Катта-тюра выскочилъ изъ сабли и ухватился за первую попавшуюся лошадь.

— Куда спѣшишь?! — остановилъ его въ воротахъ всадникъ съ окладистою черною бородою, съ почти европейскимъ типомъ красиваго лица. — Или отца испугался... — и всадникъ презрительно сплюнулъ въ сторону. — «Куда разносились сабаки!» — крикнулъ онъ другимъ всадникамъ. — Ну, плохо-бы намъ было безъ тюркменъ, съ этою сволочью далеко не уѣдешь... — и бородачъ сердито осадилъ на дыбы своего горячаго вороного аргамака.

Этотъ всадникъ, такъ фамиллярно обращавшійся съ претенгентомъ на бухарскій престолъ, былъ Назаръ-куль-барантачъ, авантюристъ, сильно беспокоившій наши границы, — за которымъ такъ долго и безуспѣшно гонялись русскіе отряды, и голова котораго была оцѣнена въ тысячу «тиллей» (золотая монета около четырехъ рублей).

Выѣхали за ворота, Аллахъ! аллахъ! что творилось на улицахъ! Перепуганные, растерявшіеся всадники, сломя голову, носились по узкимъ улицамъ, не зная, что предпринять, куда скакать, отъ кого спастись. Пѣшіе не могли отыскать своихъ лошадей и попадали подъ ноги коннымъ. Тамъ и сямъ подымался дымъ новыхъ пожаровъ, и посреди всей этой суматохи спокойно стояла у воротъ цитадели конная группа тюркменъ, человекъ до ста числомъ, колебля въ воздухъ своими длинными пиками, гремя кольчугами и успокоивая голосомъ бѣшенство пылкихъ жеребцовъ.

— Ну, что-жь? Надо помѣряться съ Рахмедомъ. — Авось и его возьмемъ! — проговорилъ Назаръ-куль и поскакалъ къ заадинской заставѣ. Тюркмены тронулись за нимъ.

Въ садахъ, по самому крутому берегу Акъ-Дарьи, Садыкъ съ горстью своихъ киргизовъ перестрѣливался съ чуть видѣвшимися изъ-за стѣнонь красными курточками сарбазовъ

Рахмеда-инака. Изъ-за угла полуразрушенной мечети по временамъ развивался бѣлый клубъ дыма: безплодно поражало воздухъ единственное орудіе заадинскаго бека.

Самъ Рахмедъ-инакъ стоялъ на высокой могильной насыпи, ободряя своихъ сарбазовъ. Пестрая толпа полувооруженныхъ милиціонеровъ волновалась внизу, не рѣшаясь пуститься въ атаку.

— Я говорилъ, что мы поторопились,—произнесъ Рахмедъ, обращаясь къ сосѣднему всаднику. — Намъ не удержаться, а русскіе могутъ только къ вечеру прійти изъ Катта-Кургана. Ненужно было начинать, ненужно... — И въ голосъ бека дрогнули тоскливыя ноты.

— Здравствуй, Рахмедъ! Да хранить тебя Аллахъ!—произнесъ Назаръ-куль, остановивъ своего коня передъ глазами инака...

Тотъ задрожалъ и выхватилъ саблю.

— Не горячись,—продолжалъ Назаръ.—Посмотри на своихъ сарбазовъ!

Рахмедъ-инакъ машинально оглянулся...

По садамъ бѣжали въ безпорядкѣ красныя куртки, бросая по дорогѣ оружіе; милиціонеровъ какъ не бывало. Вокругъ всего холма торчали тюркменскія пики.

— Вотъ тебѣ, русская собака!—завизжалъ Катта-тюра, и по лицу Рахмеда прорѣзался багровый рубецъ отъ ременной плети. Дѣтская рука дрожала отъ злости и готова была повторить ударъ, если-бъ Назаръ не вырвалъ нагайку и не отбросилъ ее въ сторону.

Машинально, словно погруженный въ сонъ, Рахмедъ-инакъ далъ себя стащить съ сѣдла и безъ сопротивленія протянулъ свои руки къ веревкамъ. Съ него сняли чалму, привязали одинъ конецъ ея къ поясу бека, другой къ сѣдлу одного изъ всадниковъ и, такимъ образомъ, повели его въ Хатырчи.

Темнота наступала быстро, и багровыя пятна отъ пожара ярче заколыхались на черныхъ дождевыхъ тучахъ.

— Никто, какъ Богъ! — шепталъ Рахмедъ-инакъ и торопливо шелъ между двухъ лошадей. Острые каблуки сапогъ, совершенно не приспособленныхъ къ ходьбѣ пѣшкомъ, сильно стѣсняли его; онъ хотѣлъ остановиться и сбросить неудобную обувь, но сильный ударъ между лопатокъ тупымъ концомъ пики заставилъ его отложить свое намѣреніе.

Опустивъ глаза въ землю, онъ шелъ по улицамъ Хатырчей; спотыкаясь, поднялся по ступенямъ цитадели, задрожалъ, увидавъ тѣло, все еще валявшееся у порога, и узнавъ зарѣзаннаго: это былъ одинъ изъ его сборщиковъ податей, съ которымъ еще вчера сводилъ онъ послѣднiе счета.

Рахмеда заперли въ одной изъ сакель и приставили четырехъ туркменовъ сторожить входы. Въ темнотѣ бекъ ощупалъ еще двухъ, связанныхъ такъ-же, какъ и онъ, и этихъ узналъ по голосу.

А русскiе все еще не приходили. Ни одного выстрѣла не было слышно со стороны Катта-Кургана: тамъ все было тихо и спокойно въ сравненiи съ тѣмъ, что творилось на мѣстѣ только-что поконченной схватки.

— Никто, какъ Богъ!—громко произнесъ бекъ и тяжело вздохнулъ. Товарищи по заточенiю принялись вслухъ читать стихи Корана. «Единъ Богъ—Аллахъ и Магометъ пророкъ его...»

Не успѣли они дочестъ и до половины, какъ въ ихъ саклю пришли отъ Катта-тюра звать ихъ къ допросу.

«Ну,—подумалъ Рахмедъ,—видно русскiе близко, а то не стали-бы такъ торопиться».—Другiе двое заплакали; всѣ они хорошо понимали, какого рода могутъ быть допросы и чѣмъ они окончатся.

Въ большой саклѣ, куда привели плѣнниковъ, сидѣли: на главномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ средней двери, самъ Катта-тюра, около него полулежалъ Садыкъ; афганецъ съ цыганскимъ лицомъ и черными, лоснящимися кудрями перевязывалъ ему руку, которая все еще не могла зажить окончательно и сильно болѣла. Назара не было, только голосъ его слышался на дворѣ, гдѣ онъ ругался съ кѣмъ-то и кричалъ, чтобы не смѣли разѣзжаться и держались-бы по близости. Остального народа было мало въ саклѣ, зато во всѣхъ дверяхъ толпилось столько, сколько могло помѣститься.

Всѣмъ тремъ плѣнникамъ велѣно было сѣсть противъ Катта-тюра въ рядъ, такъ-что ихъ отдѣляла только груда раскаленныхъ угольевъ, которая, изъ каменнаго углубленiя посреди пола, распространяла жаръ по всему помѣщенiю.

Первый началъ говорить самъ Катта-тюра.

— Ты писалъ вчера къ русскимъ въ Катта-Курганъ!—началъ онъ, но это не былъ вопросъ: въ тонѣ говорившаго слы-

палась такая увѣренность въ фактъ, что отрицательнаго отвѣта дать не рѣшился Рахметъ.

— Писалъ!—отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ видишь, не все такъ случается, какъ человеку хочется...—и Катта-тюра усмѣхнулся.

— Это я читалъ въ Коранѣ двадцатью годами раньше, чѣмъ ты родился. Это-же самое я читалъ тебѣ позже, когда училъ тебя понимать, что тамъ написано...

— Я знаю, что ты такое писалъ,—перебилъ его Катта-тюра: — ловить меня хотѣли, западню подстроили... А куда ты-бы отправилъ меня, если-бъ поймалъ, къ отцу или къ русскимъ?..

— Отправилъ-бы тебя туда, гдѣ съ тобою долго-бы не разговаривали!

— Значить къ отцу. Спасибо... ты, видно, добра мнѣ желалъ, прямо подъ ножъ доставить хотѣлъ... погоди-же, подлая собака... Вы тамъ съ отцомъ принялись... лизать у русскихъ, когда хвосты вамъ прижали... Если-бъ не эти поганые «акъ кульмакъ» (бѣлая рубаха, такъ называютъ по костюму нашихъ солдатъ), давно-бы всѣ такіе, какъ вы—со стѣнъ въ поле-бы смотрѣли (намекъ на обычай выставять головы напоказъ). Такъ знай-же ты... — и Катта-тюра приподнялся и качнулся впередъ, опершись на руки,—что прежде я васъ по одиночкѣ своими руками перерѣжу, чѣмъ удастся вамъ тронуть меня хоть пальцемъ!

Злые глаза старшаго сына эмира заискрились, даже слезы выступили отъ злости, и онъ вдругъ, схватилъ голою рукою горсть горячихъ угольевъ, швырнулъ ими въ лицо Рахмедьивака. Зашипѣли волосы въ густой бородѣ бека, и смрадь пошелъ по саклѣ. Платье тоже мѣстами затлѣло.

— Что-же ты глупости-то дѣлаешь?—заворчалъ Назаръ (онъ только-что вошелъ въ саклю).

— Я, наконецъ, отниму его у тебя и выпущу;—а ты чего же смотришь? — обратился онъ къ Садыку.

— А мнѣ что? Онъ мнѣ не родня... да отстаньте вы всѣ—некогда мнѣ съ вами... видишь, вонъ Али все съ рукою возится...

Послѣднія слова Садыкъ почти простоналъ: видно было, что распухшая, какъ бревно, и почернѣвшая, какъ уголь, раненая

рука его сильно болѣла и беспокоила степного наѣзdnика. Какъ нарочно, рану эту онъ получилъ именно въ той схваткѣ, гдѣ отрядомъ эмирскихъ войскъ командовалъ злополучный Рахмедъ. Мстительный киргизъ былъ сильно вооруженъ противъ бека, и послѣднему нечего было рассчитывать на поддержку съ этой стороны.

Опять послышался шумъ тревоги, только выстрѣловъ не было. Ворота цитадели визжали на намазанныхъ петляхъ, пропуская новыхъ посѣтителей.

— Что такое тамъ еще случилось?—произнесъ Назаръ и вышелъ, выразительно подмигнувъ глазами Садыку въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Катта-тюра.

IV.

Нашъ отрядъ подошелъ къ Зара-булаку, маленькой деревушкѣ, расположенной на самой дорогѣ. Казаки вздумали поить лошадей, да и пѣхотинцамъ не мѣшало немного поправиться. Отрядъ остановился въ большомъ караванъ-сараѣ, и ружья составили въ козлы.

Впереди дорога шла съ холма на холмъ, и наше вниманіе давно уже привлекали какія-то двѣ черныя точки, которыя то вырисовывались рѣзкимъ силуэтомъ на красной полоскѣ догасающей зари, то скрывались, чтобъ показаться вновь на вершинѣ слѣдующаго холма. Ближе и ближе, яснѣе и яснѣе остановились контуры этихъ точекъ, и уже можно было разобратъ, что это были два всадника, которые вскачь приближались къ намъ, погоняя лошадей непрерывнымъ помахиваніемъ нагаекъ.

Вотъ всадники остановились и поговорили что-то съ казаками, стоящими ведетомъ на выѣздѣ изъ деревни, потомъ снова поскакали и осадили лошадей какъ разъ около навѣса, гдѣ ожидали мы ихъ съ капитаномъ. Обѣ лошади были измучены до нельзя и едва переводили бока; всадники тоже пѣсколько секундъ не могли начать говорить и прерывисто дышали, какъ дышатъ усталыя собаки.

Скоро мы узнали, въ чемъ дѣло: рассказъ о хатырчинскихъ событіяхъ поразилъ насъ своею неожиданностью.

Одинъ изъ всадниковъ былъ конюхъ Рахмеда-инака, и ему удалось прорваться какъ разъ въ ту минуту, когда онъ уви-

дѣлъ, что его хозяину не одобровать; другой всадникъ пристроился къ нему на дорогѣ: оба они скакали въ Катта-Курганъ, чтобы извѣстить насъ о случившемся и попытаться спасти несчастнаго бека, ошибка котораго заключалась въ томъ, что онъ понадѣялся на свои силы и началъ атаку, не выждавъ прибытія русскихъ.

Дѣло совсѣмъ измѣнило характеръ, и весь планъ похода пришлось переиначить. Рѣшено было выждать часть ночи и тронуться съ такимъ расчетомъ, чтобы за часъ до разсвѣта прибыть въ Хатырчи. Конюхъ Рахмеда брался провести насъ такъ, что мы совершенно неожиданно очутились-бы около цитадели хатырчинской, и, если Аллахъ еще не совсѣмъ разсердился на нашего друга, то мы-бы могли вырвать его еще живого изъ непріятельскихъ рукъ, незнающихъ помилованія.

Предстоялъ переходъ трудный, тѣмъ болѣе, что надо было идти въ непроницаемой темнотѣ, а при подобныхъ условіяхъ каждый шагъ стоить десяти пройденныхъ днемъ. Къ тому-же приходилось проходить по мѣстности, пересѣченной всевозможными препятствіями, такъ-какъ надо оставить гладкую стенную дорогу и спуститься въ заравнанскую долину.

Съ ротной телѣги сняли гигантскій котель, устроили его надъ вырытой нарочно ямой и принялись за варку; боченокъ со спиртомъ тоже выгрузили на болѣе видное мѣсто, и солдаты повеселяли. Устроились и мы за походнымъ чайнымъ приборомъ, но оживленіе и веселость наша исчезли, какъ будто-бы ихъ и не бывало, и тяжелое чувство заставляло насъ задумываться надъ положеніемъ нашего несчастнаго сосѣда. Шансовъ на успѣхъ было слишкомъ мало, даже сами вѣстники этой катастрофы почти отчаявались въ успѣхѣ, и только слабая надежда просвѣчивала въ ихъ усталыхъ глазахъ, когда они наперерывъ строили свои предположенія—какъ удобнѣе подойти къ хатырчинской цитадели.

Опять къ худшему измѣнилась погода, опять заморосилъ несносный дождь, а пришло время уже трогаться. Телѣгу и вещи отправили назадъ въ Катта-Курганъ, подъ конвоемъ двадцати казаковъ, обрадовавшихся, что имъ не прійдется маяться на сѣдлахъ большую часть ночи, и отрядъ выступилъ.

Идти было очень тяжело, ноги скользили по жидкой грязи, покрывавшей каменистую дорогу; темнота была такая, что

можно было закрывать глаза:—зрѣніе было бесполезно. Наши проводники поминутно окликали другъ друга, чтобъ не потеряться. Черезъ часъ пути мы замѣтили, что спускаемся въ долину. Твердая дорога замѣнилась вязкой, илистой, такъ-что нога вязла почти по-колѣно; раза два мы натыкались на какія-то стѣнки, приходилось искать чуть не ошупью обхода; къ довершенію несчастія, потерялся одинъ изъ проводниковъ. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ, и приняты были кое-какія мѣры походной осторожности.

Долго шли мы такимъ образомъ: мы чувствовали, что все-ма мало подвигаемся впередъ,—да впередъ-ли еще. Люди начали выбиваться изъ силъ; два раза пришлось переходить въ бродъ,—обувъ намокла, и это страшно затрудняло шагъ.—Сырой холодъ пронизывалъ насквозь, и почти у всѣхъ зубы принялись выбивать судорожную дробь. Начало свѣтать, и въ бѣловатой мглѣ выдвинулись какія-то опредѣленные массы. Это были строенія:—не Хатырчи-ли?!..

Конюхъ Рахмедъ-инака заплакалъ... Мы сбились съ дороги.

У.

— Русскіе идутъ!—пронесся крикъ по хатырчинскимъ улицамъ, а крикъ этотъ — синонимъ крику: «Спасайся, кто можетъ».

— Русскіе идутъ! — повторилось на разные голоса въ цитадели.

— А вотъ и они!—проворчалъ Катта-тюра и торопливо началъ одѣваться.

Къ Рахмеду и его товарищамъ подошли человѣкъ пять китай-кнпчаковъ: ихъ можно было узнать по шапочкамъ особаго покроя. Участъ плѣнниковъ была рѣшена заранее; тревожный крикъ ускорилъ только развязку.

Съ связанными за спиной руками посадили ихъ рядомъ другъ съ другомъ на плитахъ средняго двора. Три человѣка вынули кривые пожи съ острымъ концомъ и пробовали ихъ на кожѣ своихъ сапогъ.

Несчастные не думали ни о защитѣ, ни о помилованіи: первое было-бы бесполезною нелѣпостью, послѣднее было-бы сверхъ-естественнымъ чудомъ; они покорились вполне своей

участи и замерли въ какомъ-то нравственномъ окоченѣніи. Они, казалось, не чувствовали боли, когда остріе ножа прошло у нихъ между позвоночнымъ столбомъ и горломъ. Длинные струи горячей крови съ шипѣніемъ вылетали изъ перехваченныхъ артерій, и посреди двора, черезъ секунду, барахтались три безобразныя массы, ерзая по камнямъ съ удушливымъ, замирающимъ хрипѣніемъ.

Рахмедъ-инакъ, бекъ-заадинскій, окончилъ свое существованіе.

Еще не разсвѣло, а уже въ Хатырчахъ не было ни одного непріятельскаго всадника. Въ безмолвіи ходили жители по улицамъ, не рѣшаясь заглянуть въ цитадель, предчувствуя, что тамъ они увидятъ.

СТАРЫЙ КАШКАРА *).

На большой бухарской дорогѣ, на полпути между Яны-Курганомъ и Каменнымъ Мостомъ (Ташъ-Кунырь), вырыта небольшая землянка, въ невысокомъ, но крутомъ обрывѣ, подступающемъ къ самой дорогѣ.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе простое и убогое, какъ это человѣческое жилище: небольшая комната, шаговъ пять длиною и три шириною, составляла все внутреннее помѣщеніе. Стѣны, полъ и потолокъ были тщательно выглажены и оштукатурены тою-же глинистую землею съ небольшою примѣсью рубленой соломы, отъ которой штукатурка эта держалась крѣпко и не отваливалась. Къ небольшому квадратному отверстию, служившему и дверью, и окномъ, и выходомъ для дыма, были прилажены деревянные бруски, къ которымъ прибивалась кошма, защищавшая отъ холода и непогоды въ ненастное время. По срединѣ вырыто было полукруглое углубленіе, въ которомъ разводился огонь, и почти постоянно тѣли горячіе уголья, зимою—для тепла, а лѣтомъ—на разную хозяйственную потребу.

Никакой мебели не было вовсе. На полу разостлана была старая, сбившаяся кошма, на ней два ватныя, крытыя пестрою набойкою, одѣяла и крошечная цилиндрическая подушка, набитая тою-же ватою. Въ стѣны вбито было нѣсколько деревянныхъ колковъ, а на нихъ развѣшены разныя хозяйскія мелочи: два чугунныхъ кунгана, стеклянная бутылка съ солью, вязка стручковаго перца, салныя свѣчи и круто сворочен-

*) Кашкара—собственное имя.

ная, синяя бухарская чалма. Въ углу, у стѣны, тотчасъ-же за дверью, стояли два мѣшка: по-больше—съ листовымъ бухарскимъ табакомъ, по-меньше — съ кураминскимъ рисомъ. Если добавимъ къ этому плохое кожаное ведро съ привязанной къ нему длинной волосной веревкой, да двѣ или три глиняныхъ зеленыхъ чашечки, то получимъ полное понятіе обо всемъ, что наполняло это незатѣйливое помѣщеніе.

А между тѣмъ въ землянкѣ жилось безбѣдно, если хотите, даже весело, крайняя нужда сюда не заглядывала вовсе, и обитатели ея были совершенно довольны своею обстановкою, не желая никакихъ перемѣнъ къ лучшему.

Въ землянкѣ этой обитало три живыхъ существа: старикъ лѣтъ восьмидесяти, а можетъ быть, и больше, котораго звали Кашкарою, дѣвочка лѣтъ шести, Тилля, что значитъ «золотая», и маленькая, кривоногая, короткошерстая собачка, откликающаяся на всѣ-возможныя клички.

Передъ входомъ въ землянку была очищена и тщательно утоптана гладкая площадка, на ней разостланъ коврикъ, и стоялъ длинный, постоянно готовый къ услугамъ кальянъ—главная статья дохода стараго Кашкары. Всѣ проѣзжающіе и проходящіе по бухарской дорогѣ непременно остановятся, соблазнившись готовымъ куревомъ, и съ наслажденіемъ затянутся раза два крѣпкимъ табачнымъ дымомъ. Стоитъ это очень не дорого—всего только одна чека (четверть нашей копѣйки), а въ общей сложности, въ касѣ хозяина, къ каждому вечеру наполняется изрядной капитадецъ, кокановъ въ пять и болѣе, слишкомъ достаточный на его неприхотливые обыденные расходы.

Подулъ вѣтеръ отъ Джизакскихъ горъ и донесъ какіе-то рѣзкіе, скрипучіе звуки. Собаченка засуетилась на крышѣ и затыкала, наостривъ свои надрѣзанныя уши. Старый Башкара набилъ кальянъ свѣжимъ табакомъ и раздуваетъ уголья своими старческими губами; онъ знаетъ, что это за скрипъ слышится по дорогѣ: этотъ скрипъ предвѣщаетъ ему хорошую прибыль; въ его кожаный, вышитый краснымъ шелкомъ кошель посыплются сейчасъ мѣдныя чекки...

Изъ-за поросшаго высокимъ бурьяномъ косогора показываются одна за одною неуклюжія, высоко нагруженныя арбы. Усталыя лошади, понутивъ свои красивыя головы, медленнымъ шагомъ вытягиваются на горку; гривы и хвосты у

нихъ собраны въ пучки и перевязаны цвѣтными тесемками; уздечки пестрыя, съ мѣдными побрякушками и украшены бѣлыми раковинками. Арбакеши, помахивая короткими нагайками, скорчившись, сидятъ на плоскихъ сѣдлахъ. На арбахъ стоятъ по два большихъ зеленыхъ сундука, окованныхъ желѣзомъ, сверху лежатъ какіе-то мягкіе тюки, сзади привязаны мѣшки съ ячменемъ и чугунные котлы; все аккуратно перевязано арканами и прикручено къ плетеной арбяной платформѣ. Это везутъ изъ Ташкена въ Бухару красные товары нашей владимірской фабрикаціи, въ которые одѣвается и старый, и малый по всему необъятному пространству Средней Азіи.

Арбы, не останавливаясь, проходятъ мимо, но арбакеши, почти всѣ навѣрное, перебиваются у Кашгары, посидятъ на корточкахъ на площадѣ и покурятъ изъ общаго кальяна, выпуская съ хрипомъ густые клубы дыма изъ небольшого отверстия въ тыквенномъ водохранилищѣ.

Изъ Бухары тянутся безконечныя караваны верблюдовъ, наполняя воздухъ мелодичнымъ звономъ бубенчиковъ; чудовищныя тюки съ хлопкомъ мѣрно покачиваются по бокамъ громадныхъ, гладко стриженныхъ, темно-бурыхъ «наровъ» *); караванъ-баши и прочая караванная прислуга, сидя на крупныхъ ослахъ, семенятъ по сторонамъ дороги. Вереницы богомольцевъ пѣшкомъ, съ босыми, растрескавшимися отъ жара ногами, пробираются потихоньку къ Самарканду поклониться святымъ Тимуровой эпохи. У нихъ за плечами небольшія котомки; изорванные до нельзя халаты заплатаны латками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ; на поясахъ болтаются разныя дорожныя мелочи и непременно маленькая тыквянка съ нюхательнымъ табакомъ, который они поминутно закладываютъ себѣ за губу. Въ рукахъ у пилигримовъ короткія палки, узорчато выточенные, съ острыми желѣзными наконечниками, а иногда ярко раскрашенныя красною и синею красками.

Проѣзжаютъ конныя гонцы на запяленныхъ, вспотѣвшихъ лошадяхъ, съ добрыми и недобрыми вѣстями въ Бухару, къ эмиру Мозафару, и отъ него въ Ташкентъ, къ русскому губернатору. Проѣзжаютъ потихоньку партіи мирныхъ путешествен-

*) Наръ одnogорбый верблюдъ изъ Андекуи; славятся эти верблюды своимъ ростомъ и силой и цѣнятся много дороже киргизскихъ двухгорбыхъ.

никовъ: бухарскіе купцы, евреи, индійцы съ красными изображеніями пламени на смуглыхъ дбахъ...—все это хотя минутные, но непремѣнные гости стараго Кашкары, и у каждаго въ кошелекѣ или карманѣ найдется лишняя чека, которая и переходитъ въ кассу обладателя землянки съ неугасимымъ, вѣчно дымящимся кальяномъ.

Когда истощится запасъ табаку, рису и другихъ хозяйственныхъ запасовъ, а, въ свою очередь, накопится достаточная сумма, — Кашкара договаривается съ какимъ-нибудь арбакешемъ, усаживается на проѣзжающую арбу и отправляется въ Акъ-Тюбе или какую-нибудь другую деревню, верстъ за двадцать пять и болѣе, за покупками. Для этого выбираются обыкновенно базарные дни, потому что въ другое время въ этихъ деревняхъ трудно достать что-нибудь, даже самое необходимое. Въ подобное отсутствіе, которое рѣдко продолжается болѣе двухъ сутокъ, землянка со всѣмъ своимъ несложнымъ хозяйствомъ сдается на попеченіе маленькой Тиллѣ, уже умѣющей заправить кальянъ, подсыпать туда табаку и подмести площадку. Торговля шла очень успѣшно; не было случая, чтобы кто-нибудь рѣшился обмануть крошку-хозяйку, и скромная плата акуратно складывалась въ мѣшокъ до пріѣзда хозяина, который и сводилъ счеты барышамъ, накопившимся во время его отсутствія. Случалось, что результаты этихъ счетовъ превышали ожиданія Кашкары, и старикъ любовно гладилъ по головкѣ свою питомицу, называя ее «душкою, умницею, птичкою-скворчкомъ» и другими ласкательными именами.

Такъ изо дня въ день проводилась жизнь въ землянкѣ на большой бухарской дорогѣ.

Было прекрасное весеннее утро. Яркая зелень густо покрывала степь, желтые и ярко-голубые цвѣтки (ирисы) пестрѣли по кособогу и прилежащимъ холмамъ; бухарская дорога, проложенная въ нѣсколько слѣдовъ, еще не просохшая отъ бывшаго наканунѣ дождя, стлалась по степи сѣрыми полосами, сверкая продолговатыми лужицами воды по колеямъ.

По степи то тамъ, то сямъ пронзительно свистали суслики: выскочить изъ норы крохотный звѣрекъ, станетъ на заднія лапки, поторчитъ нѣсколько секундъ, словно желтенькій колы-

шекъ, и, свистнувъ, снова юркнетъ въ свою норку. Кривоногая собачонка «хошайка» стрѣлой носилась за этими крысами, поминутно перебѣгая дорогу и перепрыгивая черезъ колеи. Этими эволюціями отъ души забавлялась крошка Тилля, устѣвшись на крышѣ и звонко хохоча надъ промахами хошайки. На дѣвочкѣ была надѣта одна только красная рубашка изъ крапчатого кумача; черные, блестящіе волосы разбиты на множество тонкихъ косичекъ; на шейкѣ — ожерелье въ одну нитку изъ зеленыхъ граненыхъ стеклушекъ и въ правой ноздрѣ миниатюрная бирюзовая сережка. Самъ старый Кашкара тоже въ одной, только длинной, до самой земли, рубахѣ изъ бѣленаго холста, сидѣлъ у входа, прислонившись къ стѣнѣ спиною. Старикъ сидѣлъ и думалъ. Не веселыя мысли бѣжали по его суровому патріархальному лицу (такія лица часто встрѣчаются на библейскихъ картинахъ). Большая, въ полгрудь борода почти не отличалась своимъ цвѣтомъ отъ бѣлой рубахи; на макушкѣ чисто обритой головы краснѣлась тибетейка. Его темно-коричневое лицо, отъ бѣлизны одежды, казалось еще темнѣе, точно вылитое изъ античной бронзы; густыя сѣдые брови угрюмо нависли надъ полузакрытыми глазами; старческія, тонкія губы шевелились, словно нашептывая что-то... Глубоко задумался старый Кашкара и не слыхалъ ни звонкаго смѣха Тилли, ни прерывистаго лая запыхавшейся хошайки, ни свиста сусликовъ, ни даже того, что большая, золотистая пчела жужжала у него передъ самымъ лицомъ, чуть не задѣвая за горбатый носъ своими легкими, прочными крылышками.

Старикъ думалъ о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ. «Никто, какъ Богъ!»! думаетъ старый Кашкара и покачиваетъ своею головою. «Кажется, все шло хорошо; русскіе сидѣли себѣ покойно въ своемъ Яны-Курганѣ, они насъ не трогали, мы ихъ тоже; что-же они теперь копошатся? Куда идутъ они? Что имъ нужно? Неужели они хотятъ весь свѣтъ забрать себѣ?!.. Экіе ненасытные!.. Да и наши хороши! Надо было затрогивать? Будто не знаютъ, чѣмъ это можетъ, да и не можетъ, а должно кончиться... Никто, какъ Богъ! Никто, какъ Богъ!.. А мы-то, мы чѣмъ виноваты?.. Вотъ торговля стала, дороги пусты; послѣдній караванъ прошелъ уже болѣе мѣсяца тому назадъ, а съ тѣхъ поръ хоть-бы одинъ купецъ проѣ-

халъ. Нынѣшнюю весну въ поляхъ почти никто и не работаетъ, всё боятся чего-то, прячутся и добро свое въ землю закапываютъ. Деревни опустѣли, базаровъ нѣтъ... хоть и не ѣзди... вовсе фунта табаку купить негдѣ... Никто, какъ Богъ! Никто!.. Вотъ слышно, что тамъ»...—и Кашкара угрюмо поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ за цѣпью синихъ горъ раскинулся въ садахъ Джюзакъ, а ближе, по сію сторону горъ, Яны-Курганъ съ грозными пушками и батальонами солдатъ Царя Бѣлаго,—«тамъ съ каждымъ днемъ войска все прибываютъ и прибываютъ; самъ большой губернаторъ изъ Ташкента пріѣхалъ, съ нимъ и Авганы съ своимъ сатаной-отступниковъ Искандеромъ и все на насъ, все на наши бѣдныя головы. Ну, что-жъ? Пускай идутъ. Никто, какъ Богъ, а мы только Его дѣти... Хоть-бы скорѣе все это кончилось,—продолжалъ думать старикъ,—а то тяжело смотрѣть на людское безумство. Много крови прольется совсѣмъ задаромъ. Виноватые цѣлы будутъ, виноватымъ ничего не сдѣлается, а погибнуть только тѣ, кто ни въ чемъ къ этому черному дѣлу не причастны»... Тяжело было старику думать свою невеселую думу, и не одна слезинка, прокатившись по бронзовой щекѣ, заискрилась отъ солнца на сѣдой бородѣ стараго Кашкары.

А между тѣмъ вдали, по дорогѣ отъ Яны-Кургана, виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Всадники эти быстро приближались; они гнали лошадей своихъ во всю прыть, сверкая оружіемъ. Скоро они подѣхали къ землянкѣ. Кашкара вышелъ изъ своей задумчивости и, не измѣняя позы, смотрѣлъ на прибывшихъ; Тилля сползла внизъ и прижалась къ старику, а хошайка, поджавъ хвостикъ, таякнувъ нѣсколько разъ, забила за мѣшокъ съ рисомъ и ворчала изъ своего убѣжища.

Лошади подъ всадниками были взмылены и тяжело дышали отъ скачки, за плечами у джигитовъ торчали фитильныя ружья, съ боку болтались кривыя бухарскія сабли, на поясахъ ножи, а у нѣкоторыхъ за поясами длинные турецкіе пистолеты. На одномъ надѣта была желѣзная проволочная кольчуга и сверхъ тюбетейки такая-же проволочная шапочка съ наушниками и назатыльникомъ. Это былъ сторожевой пикетъ бухарскихъ войскъ, давно уже стоявшій на барханахъ въ виду Яны-Кургана.

— Эй! Старикъ!—закричалъ тотъ, который былъ въ кольчугѣ.—Русскіе идутъ! Уходи, покуда цѣль!

— Да собирайся проворнѣй,—добавилъ другой,—а то они еще до свѣта выступили: часа черезъ два здѣсь будутъ!

Кашкара отрицательно покачалъ головою и, раздувъ кальянъ, указалъ на него пріѣзжимъ; тѣ слѣзли съ лошадей и стали по-очередно затыгиваться.

— Куда я пойду?—произнесъ старикъ.—Зачѣмъ? Что мнѣ сдѣлаютъ русскіе?.. Мнѣ ихъ нечего бояться!

— Какъ знаешь!—послышалось между джигитами, и они, сбѣвъ снова на лошадей, погнали ихъ по дорогѣ къ Самарканду. Одинъ изъ нихъ, отбѣхавъ шаговъ двѣсти, быстро повернулъ свою лошадь и опять подскочилъ къ землянкѣ.

— Садись, старикъ, сзади!—сказалъ онъ.—Да и дѣвочку захватывай съ собою; у меня конь добрый, доскачетъ и съ двойною ношею.—Ну, какъ знаешь!—проворчалъ онъ, увидя, что Кашкара отрицательно покачалъ головою, и, щелкнувъ нагайкой гнѣдого аргамака, сталъ догонять товаришей.

Скоро всадники скрылись изъ виду, а старый Кашкара все сидѣлъ на своемъ насиженномъ мѣстѣ, только дѣвочкѣ не велѣлъ далеко отбѣгать и самъ частенько, съ небольшимъ безпокойствомъ, поглядывалъ налѣво, гдѣ, вынырнувъ изъ-за косогора, перегибался съ холма на холмъ, тянулась дорога изъ Яны-Кургана. Скоро вдали, на самомъ горизонтѣ, точно легкія облака, показались клубы пыли. Медленно подвигались эти пыльные тучи. Солнце поднялось уже высоко, стало сильно припекать и живо высушило сыроватую дорогу; суслики также громко свистали (какое имъ дѣло до людскихъ недоразумѣній!); тысячи птицъ на разные голоса чирикали въ воздухѣ; въ травѣ шуршали ящерицы, и ползали другъ за дружкой степныя черепахи, а на душѣ у старика становилось все мрачнѣе и мрачнѣе; недовѣрчиво глядѣлъ онъ на эту зловѣщую пыль, и чаще блѣдныя губы шептали: «Никто, какъ Богъ, а мы только Его дѣти». Маленькая Тилля прижалась къ старику и собиралась плакать; Кашкара ласкалъ ее и, какъ могъ, успокаивалъ свою любимицу. Скоро можно было въ пыли различить стройно идущія массы. «Никто, какъ Богъ!» шепталъ Кашкара и машинально, по привычкѣ, подсыпалъ въ кальянъ свѣжаго табаку, раздувалъ уголья

и подкидывалъ на полунотухшій огонь нѣсколько сухихъ вѣточекъ.

— Все-же люди!—думалъ онъ.—И, вѣроятно, также курить, какъ и мы, правотѣрные!

Скоро передовыя колонны русскихъ поровнялись съ земляною. Сначала шли все конные по сотнямъ, съ яркими знаками надъ каждою сотнею, кое-гдѣ виднѣлись начальники, особенно одинъ былъ замѣтнѣе всѣхъ, — на вороной лошади, въ бѣлой, какъ снѣгъ, черкескѣ и высокой мохнатой шапкѣ. Потомъ пѣхота потянулась. Солдаты медленно брели по дорогѣ съ мѣшками на спинахъ, съ сѣрыми шинелями черезъ плечо, съ блестящими на солнцѣ ружьями; передъ пѣхотою шли музыканты съ закинутыми за спину барабанами, съ мѣдными рожками въ рукахъ. Кое-гдѣ ѣхали верхомъ офицеры; тамъ и сямъ колыхались значки всѣхъ цвѣтовъ, а въ одномъ мѣстѣ покачивалось большое знамя въ черномъ кожаномъ чехлѣ съ мѣдной оковою на концѣ. За пѣхотою, звеня и грохоча колесами, катились мѣдныя пушки; маленькія, но сильныя лошади дружно натягивали крѣпкіе уносы; по бокамъ шли артиллеристы съ банниками и прочею принадлежностью; за пушками опять пѣхота, а потомъ долго никого не видно было по дорогѣ, только кое-гдѣ ѣхали шажкомъ отдѣльные всадники. Это прошелъ авангардъ русскихъ; главные силы тянулись еще сзади. Нѣкоторые изъ проходившихъ мимо землянки русскихъ забѣгали на площадку и на-скоро затыгивались камьяномъ, иные платили, иные такъ прохаживались, на даровщинеу. Нѣкоторые пробовали заговаривать съ старикомъ или дѣвочкою, но Кашкара угрюмо отмалчивался, сидя неподвижно, словно статуя, а Тилля все дальше и дальше пряталась за спиною своего покровителя, пугливо выглядывая изъ-за плеча большими круглыми глазками. Надъ старикомъ подшучивали и подсмѣивались.

— Ипъ, ты, купецъ какой!—говорили одни.—Много-ли въ день-то наторгуешь?

— Это онъ, братцы, на дорогѣ «растирацію» открылъ!

— Знамо «растирацію». Эй, тамыръ, вали на грошъ курева!

— Ну, ну, чего остановились?! Ступай, ступай!—покрикивало начальство, и солдатики, оставивъ въ покоѣ старика, бѣгомъ догоняли своихъ.

А Кашкара хоть-бы слово, только изрѣдка подкидываетъ табакъ да поддуваетъ уголья, даже не заглядывая на кошечку, куда сыпалась довольно щедрая выручка.

Вотъ еще показалась большая конная группа. Во главѣ этой густой толпы вѣхалъ шажкомъ на буланой лошади старикъ съ сѣдыми усами въ бѣлой фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, закрывавшемъ половину лица. Все окружающее относилось съ глубокимъ уваженіемъ къ старичку, ловя каждое его движеніе. На всѣхъ лицахъ такъ и сквозила полная готовность къ исполненію малѣйшихъ его приказаній, всякій протискивался впередъ, всякому хотѣлось какъ можно ближе держаться къ старику генералу, который, казалось, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Разнообразныя знамена вѣяли надъ конвоемъ; каждое изъ нихъ принадлежало какому-нибудь лицу, находившемуся въ свитѣ; виднѣй всего было свѣтло-голубое съ фіолетовой діагональной полосой и желтыми каймами; рядомъ съ нимъ колыхалось ярко-красное съ семью бѣлыми звѣздами, расположенными въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы; позади этого полосатое, желтое съ чернымъ; немного по-дальше все бѣлое и на немъ черный черепъ съ двумя костями накрестъ внизу. Много еще разныхъ значковъ покачивались и шелкали по древкамъ; многое въ первый разъ, на старости лѣтъ, пришлось увидѣть старому Кашкарѣ, но, казалось, все это не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, и его глаза совершенно спокойно, безучастно глядѣли на проходящій мимо него людъ, на диковинныя, невиданныя имъ съ роду вещи.

Много еще прошло русскихъ и конныхъ, и пѣшихъ, много провезено было пушекъ; потомъ потянулись обозы, которымъ, казалось, и конца не будетъ: куда ни хваталъ глазъ, все видѣлись ряды арбъ и русскихъ повозокъ. Наконецъ, снова показались войска; это были уже послѣднія; за ними, такъ, брели кое-гдѣ одиночные люди, и все скрылось вдали... Лишь издали доносился скрипъ и гулъ движенія, постепенно затихая все тише и тише, и затихъ совсѣмъ, а передъ Кашкарой опять протянулась пустая, безлюдная дорога...

— Ну, вотъ, — обратился старикъ къ своей питомицѣ, — русскіе и прошли, а ничего намъ дурнаго не слѣдали!

— Посмотри, сколько денегъ!.. Много денегъ! — говорила

дѣвочка, указывая на цѣлую груду мелочи, накопившуюся на кошмѣ.

— Да, они платятъ такъ-же хорошо, какъ и наши!— пробормоталъ Кашкара.—И, вѣроятно, дѣла не будутъ у насъ въ худшемъ положеніи! — добавилъ онъ, сгребая въ кошель деньги, между которыми бѣлѣлось много серебряной мелочи.

День приходилъ къ вечеру, стало свѣжѣе, по дорогѣ давно уже улеглась пыль, и Кашкара, вытащилъ изъ угла чугунный котелъ, принялся за свою обычную стряпню. Проголодавшаяся Тилля грызла пшеничную лепешку, удѣляя кусочки хопайгѣ, которая, облизываясь, сидѣла тутъ-же, безпрестанно подымаясь на заднія лапки.

— Это кого еще несутъ?—проворчалъ старикъ, взглянувъ на яни-куртанскую дорогу.

По дорогѣ еле шелъ отсталый русскій солдатъ. Онъ едва передвигалъ слабыя, подгибающіяся ноги. Онъ все бросилъ, и мѣшокъ, и шинель, и сухари; одно только ружье онъ держалъ въ своихъ усталыхъ рукахъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно его рубашки, почернѣлыя губы ссохлись отъ жажды, глаза глядѣли мутно, неопредѣленно. Онъ болѣе чѣмъ усталъ, — онъ былъ боленъ.

Какъ онъ могъ отстать такъ отъ своихъ, какъ забыли его на этой дорогѣ—неизвѣстно. Едва только онъ добралъ до землянки, какъ повалился на землю, совершенно обезсиленный.

Старый Кашкара и не допрашивалъ прибывшаго; онъ видѣлъ, что ему нужно. Войдя въ землянку, онъ налилъ изъ глинянаго кувшина большую чашку воды и принесъ ее солдату; тотъ жадно припалъ къ краю и духомъ вытянулъ всю посудину, потомъ посмотрѣлъ на старика, процѣдилъ что-то сквозь зубы, легъ головою на землю и тотчасъ-же заснулъ, какъ убитый.

Скоро совсѣмъ стемнѣло. Пловъ, сваренный въ котлѣ, поспѣлъ. Кашкара пытался было разбудить спящаго, но это осталось одной только попыткой: русскій мычалъ только во снѣ и несвязно бредилъ; голова у него пылала; изо рта вылетало порывистое, горячее дыханіе.

— Ару*)!—сказалъ хозяинъ и принялся за ужинъ съ маленькой Тиллею.

*) Ару—боленъ.

Скоро они поужинали и собирались уже ложиться; огонь почти потухъ и едва освѣщалъ на сажень вокругъ себя... Вдругъ старый Кашкара сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ рукою и сталъ прислушиваться.

— Да, это ѣдутъ!—шепталъ онъ.—А кто ѣдетъ!.. Русскіе?.. А можетъ быть и не русскіе... его надо спрятать... кто его знаетъ... можетъ быть, худое что-нибудь!

И старикъ снова принялся будить солдата; снова не было никакого успѣха. Тогда онъ приподнялъ его за плечи и поволокъ въ землянку; тамъ онъ положилъ его къ самой стѣнѣ, накрылъ халатомъ и загородилъ мѣшками съ табакомъ. «Все-же не сразу кинется въ глаза», подумалъ Кашкара и вышелъ на чистый воздухъ.

Топотъ нѣсколькихъ лошадей слышался все яснѣе и яснѣе, уже видны были темные силуэты верховыхъ; ихъ было четверо. Кашкара пристально приглядывался; ему хотѣлось узнать, кто же это такіе. «Да, это не русскіе», сказалъ онъ про себя и сѣлъ у входа на своемъ обычномъ мѣстѣ.

— Эй, бабай *), живъ еще?—крикнулъ подъѣхавшій всадникъ.

Онъ былъ въ красномъ халатѣ и вооруженъ.

— Аллахъ великъ!—отвѣчалъ Кашкара.—Что мнѣ могли дѣлать русскіе?

— Ну, твое счастье... А давно прошли?

— Еще солнце высоко стояло, когда прошли послѣдніе!

Всадникъ пристально осматривался кругомъ и подозрительно поглядывалъ то на Кашкару, то куда-то въ сторону. Остальные трое, не слѣзая съ лошадей, держались въ темнотѣ.

— Ну, а за калынь тебѣ платили деньгами, или чѣмъ-нибудь другимъ?—продолжалъ спрашивать прибывшій.

— Платили деньгами... Да тебѣ что?

— А то, что вонъ тамъ штука такая стоитъ!—всадникъ показавъ рукою въ уголъ, гдѣ въ темнотѣ, красною черточкою, сверкала стволъ русскаго ружья.

— Мултукъ, уруссъ мултукъ **)! — проговорилъ другой всадникъ и слѣзъ съ лошади.

*) Бабай—старикъ.

**) Ружье, русское ружье.

— Мулукъ-то, мулукъ!..— произнесъ первый.— А не забраться-ли въ берлогу къ этому старому чорту; можетъ, тамъ и еще что-нибудь отыщется?— И сойдя съ лошади, онъ направился ко входу въ землянку.

— Туда нельзя, туда тебѣ не за тѣмъ идти!— сказалъ Кашкара, отстраняя бухарскаго джигита.— Нельзя-же, говорить тебѣ!.. Да... ахъ, ты, разбойникъ!— простенать старикъ, падая на землю. Красный халатъ сильно оттолкнулъ его, и Кашкара не удержался на своихъ старческихъ ногахъ. Тилля громко плакала.

— Э, вонъ оно что! Урумбай, гей! Поди-ка сюда!

Высокій, широкоплечій Урумбай, согнувшись въ три погибели, тоже забрался въ землянку.

— Эге! Да что онъ издохъ, или спитъ?— сказалъ красный халатъ.— Пстой; держи его такъ... выше голову... ну, такъ, якши!

Послышался звукъ, какъ будто разрѣзали арбузъ, потомъ, что-то похожее на стонъ и продолжительное хрипѣніе.

— Эй, тамъ на дорогѣ, лови!

И изъ землянки вылетѣло нѣчто круглое и, глухо стукнувшись объ землю, покатилося внизъ къ дорогѣ, оставляя за собою красныя брызги.

— Разбойники... разбойники...— шепталъ старый Кашкара;— тоже правовѣрными называется! Вы хуже послѣдняго русскаго!

— Молчи, старый шутъ!

— Что молчать! Вы звѣри, волки бѣшеные! Ну, бей, ну, чего-жъ ты?! Охъ, Тилля моя, Тилля!

И старикъ упалъ ничкомъ, схватившись руками за голову.

Урумбай со всего размаха хватилъ его въ високъ прикладомъ русскаго ружья.

— На лошадей и гайда!— крикнулъ красный халатъ, выходя изъ землянки.— А это что-жъ?— указалъ онъ на тѣло старика.— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что на старости лѣтъ русскимъ служить началъ!

— А дѣвочку съ собою взять надо!— сказалъ одинъ изъ джигитовъ, подходя къ обезумѣвшей отъ ужаса Тиллѣ. Та стала упирается; ее взяли на руки и поднесли къ лошади;

она вдругъ опомнилась, пронзительно закричала и начала рваться.

— Кусается, звѣренышъ! Ну, да ладно!—произнесъ джигитъ. Онъ снялъ съ себя чалму: размоталъ ее и спеленалъ бѣдную дѣвочку.

Скоро замеръ вдали топотъ удаляющихся всадниковъ. Тогда хошайка выбралась изъ своей засады—за мѣшкомъ, подбѣжала къ тѣлу старика, понюхала его, потомъ кинулась по угламъ, заметалась, какъ угорѣлая, и выбѣжала на крышу, жалобно вой.

Изъ степи донесся дѣтскій крикъ. Изъ-за косогора хрипло завылъ волкъ. Хошайка съежилась, быстро юркнула въ землянку и опять забилась за мѣшокъ.

Такъ кончилъ свою жизнь старый Кашкара.

Теперь его землянку занимаютъ другіе жильцы, занимаясь тѣмъ-же промысломъ. Противъ нея устроено еще такое-же жилище:—нашелся конкурентъ. Впрочемъ, дѣла и барышей хватаетъ на обоихъ. Давно уже успокоилось въ окрестностяхъ; караваны снова потянулись по дорогѣ, часто ѣздятъ русскіе офицеры въ своихъ тарантасахъ, а они хорошо платятъ. Въ одной изъ землянокъ завелся даже самоварчикъ, и держится запасъ ячменю и клеверу. Кругъ торговли значительно расширился.

ДЖИГИТСКАЯ ЧЕСТЬ.

Джигиты—это очень характерное явленіе въ Средней Азіи. На первый взглядъ—это какъ будто просто «продажныя шпиаги», которымъ, положительно, нечѣмъ заниматься въ мирное время, какъ только воровствомъ и разбоемъ; военное же время служить имъ настоящимъ бенсѣксомъ.

Съ перваго боевого выстрѣла,—все то, что уцѣлѣло на свободѣ и не сдѣлалось добычею тюрьмы и палача, пристраивается около стороны, имѣющей большіе шансы на успѣхъ. Они служатъ побѣждающимъ въ высшей степени усердно и преданно, но эти два качества мгновенно испаряются, — едва только побѣдитель дѣлается побѣжденнымъ.

Во всякомъ случаѣ—джигиты — народъ весьма полезный, подчасъ даже необходимый. Никто, какъ они, не сумѣетъ сдѣлать нужную, опасную развѣду, никто, какъ они, не проникнетъ въ самый станъ враговъ, ради сбора свѣдѣній, рискуя головою не только ради одной корысти, но и изъ молодечества,—ради почетной выслуги.

Они превосходные проводники, ибо до тонкости знаютъ страну, всѣ ходы и выходы, они превосходные переводчики, потому что, въ своей скитальческой жизни, научиваются бойко говорить на многочисленныхъ нарѣчіяхъ какъ горныхъ, такъ и долинныхъ обитателей Средней Азіи.

Джигиты превосходные лагерные и походные слуги: джигитъ и конюхъ, и оруженосецъ, и поваръ, и путевой интендантъ, онъ великолѣпный фуражиръ, однимъ словомъ—джигитъ носитель вашего комфорта.

Съ перваго же дня службы—онъ умѣетъ стать необходимою, но его надо держать въ рукахъ и на рыцарскую пре-

данность его, какъ бы она ярко не проявлялась, полагаться не особенно.

Но опять-таки скажу:—побѣдителей джигитъ не продасть, а такъ какъ, подвигаясь все впередъ да впередъ, забираясь въ самую глубину Азіи, мы стали, въ концѣ-концовъ, безспорными и постоянными побѣдителями, то все вольное, смышленное, смѣлое и предприимчивое сгруппировалось плотно около нашихъ побѣдоносныхъ бѣлыхъ шапокъ и бѣлыхъ рубахъ; «акъ кульмакъ» и «акъ колнакъ» стали исключительными господами джигитовъ.

Это было въ началѣ нашихъ завоеваній въ Средней Азіи, а въ настоящее время джигитство получило опредѣленную организацію, принявшую даже правительственно-официальный отбнокъ.

Отправляясь въ какое-нибудь отдаленное путешествіе, вы можете нанять джигита, а то и нѣсколькихъ — прямо на базарѣ, но гораздо удобнѣе нанимать присяжнаго джигита, черезъ каменданта или вообще черезъ полицію. Въ такіе присяжные джигиты попадаютъ молодцы болѣе опытные, уже рекомендовавшіе себя многими путешествіями, собравшіе почетную связку рекомендацій и хвалебныхъ аттестатовъ; кромѣ того, такъ какъ джигитство — выгодное дѣло, даже очень, то бывалые, опытные джигиты—люди со средствами, пріобрѣтшіе и осѣдность, даже ставшіе семейными, оставляютъ свое добро и семьи на мѣстѣ, какъ бы въ залогъ своей вѣрности и аккуратности въ службѣ.

Между джигитами выработались даже своеобразныя правила чести, и эти рыцарскія чувства заставляютъ наемнаго слугу смѣло и отважно рисковать своею головою въ защиту господина.

Сколько теперь между джигитами, особенно присяжными, списочными, найдется георгіевскихъ кавалеровъ, сколько красныхъ халатовъ украсилось золотыми медалями за усердіе и за спасеніе! Сколько прославилось истинныхъ героевъ, имена которыхъ разнеслись по всѣмъ городамъ и дебрямъ Средней Азіи и даже далеко за ея предѣлами!

Вторая половина марта. Весна въ полномъ ходу.

Почки стройныхъ таловъ и развѣсистыхъ карагачей налились и готовятся лопнуть. Урюки, персики, сливы и вишни—

вся сладкая снѣдь густо усыпалась бѣлоснѣжными и розовыми цвѣтами, въ воздухѣ запахло смолою и медомъ, и въ густыхъ чашахъ весело зачирикали воробы и розовые скворцы... Жары наступать еще не скоро, и пока еще доброе солнце свѣтитъ яркимъ золотымъ свѣтомъ, стелеть по землѣ прохладныя, причудливо-кружевыя тѣни.

Много празднаго народа собралось на площади, передъ комендантскимъ домомъ; которые посмѣлѣе — во дворъ заглядываютъ. На парадномъ крыльцѣ два дежурныхъ джигита въ высочихъ, черныхъ шапкахъ, въ красныхъ халатахъ, зашароваренныхъ, то-есть, засунутыхъ въ замшевыя шаровары необычайной ширины, такъ что стали похожи уже не на халаты, а на куртки. За ихъ поясами, украшенными блестящими бляхами, цѣлый арсеналъ, а съ боку кынчи-пашки съ дорогими рукоятями. Въ джигитскихъ рукахъ хлесткія нагайки, не такъ для коней, какъ больше для черзчуръ уже назойливыхъ любопытныхъ.

Комендантскій дворъ тоже полонъ джигитами, свободными отъ службы,—кажется, со всего города собрались они сюда, — и все больше присяжные-привилегированные.

Все ждутъ и на комендантское крыльцо приглаживаютъ.

Говоръ и шумъ стоитъ на дворѣ, а на улицѣ такой, что и на большомъ базарѣ—легче.

Пріѣхалъ вчера иностранный человѣкъ, ученый путешественникъ, не старый еще, сильный, изъ себя видный и очень богатый. По всѣмъ джигитскимъ наблюденіямъ видно, что очень богатый, да и самъ комендантъ на то намекалъ, а ужъ онъ знаетъ, кто и зачѣмъ пріѣхалъ.

Надо этому иностранному человѣку большой кругъ сдѣлать, черезъ горы насквозь пройти на Байсунъ, Дербентъ, черезъ Желѣзные ворота выбраться на ту сторону, чуть не до самыхъ верховъ, откуда Аму-Дарья начинается, къ самымъ верховымъ льдамъ заоблачнымъ; а потомъ окружнымъ путемъ по рѣкѣ внизъ, черезъ Бухару и опять назадъ вернуться сюда въ городъ—откуда выѣхалъ.

Какія у него ученныя дѣла, что онъ узнать хочетъ на своемъ пути—это его дѣло. У него изъ самаго Петербурга на то разрѣшеніе дано и даже министерскій приказъ «охранять и оказывать всякое содѣйствіе»... Путешественникъ, значитъ,

важный, и относиться къ такому надо, все равно, какъ къ генералу, то-есть, называть ваше превосходительство, такъ, по крайней мѣрѣ, комендантскій писарь совѣтовалъ джигитамъ.

Вотъ этому-то важному путешественнику и надо было выбрать надежнаго и вполнѣ тотъ путь знающаго и опытнаго джигита-проводящаго.

Комендантъ отобралъ уже лучшихъ изъ своихъ молодцовъ, шестерыхъ намѣтилъ, а такъ какъ нуженъ всего одинъ, то надо было между шестью избранными бросить жребій.

Сейчасъ все это должно рѣшиться, — и всѣ ждутъ, когда подъ тѣнистымъ навѣсомъ, выходящимъ во дворъ, появится самъ комендантъ съ иностраннымъ гостемъ. Тотъ уже самъ запуститъ руку въ комендантскую фуражку и вынетъ билетикъ съ именемъ избранника.

А богатъ гость! Всѣ уже знали, что, вмѣсто положенныхъ двадцати пяти монетъ въ мѣсяцъ, самъ прїѣзжій прибавилъ цѣлыхъ сорокъ, да еще обѣщалъ, по возвращеніи, прибавить за цѣлый мѣсяцъ, а уже халатъ съ лошадыю навѣрное подарить своему джигиту, такъ этакому тароватому хозяину услужить лестно.

— Тихо! — гаркнулъ во все горло комендантскій урядникъ и звонко щелкнулъ нагайкою по своимъ же шароварамъ.

Говоръ смолкъ въ одну минуту, только народъ тѣснѣе сдвинулся къ крыльцу; посторонніе наклонились, почтительно скрестивъ руки на своихъ животахъ, а джигиты выпрямились и приложили руки къ шапкамъ по-военному.

Вышелъ на крыльцо комендантъ, а за нимъ вслѣдъ и гость иностранный. Комендантъ высокій, толстый, съ сѣдыми усами, краснощекій, здоровенный мужчина; а гость тоже ростомъ ему не уступить, только въ талии тоновъ, стройный такой, взглядъ орлиный, веселый, глаза такъ по сторонамъ и бѣгаютъ. Идетъ просто — весь въ бѣломъ, даже сапоги изъ свѣтлой кожи, черезъ плечо двуглазая трубка на тонкомъ ремешѣ, а на головѣ шлемовидная шапка бѣлая, какъ у инглизовъ, — русскіе такихъ не носятъ.

Сталъ комендантъ выкликать шестерыхъ, намѣченныхъ заранее; вышли всѣ шестеро, стали полукругомъ, почтительно смотреть на коменданта и на чужого человѣка, которому судьба служить велитъ, и по глазамъ всѣхъ шестерыхъ видно, что каждому хочется.

Положилъ полковникъ шесть свернутыхъ билетиковъ въ свою шапку, трахнулъ раза два и говоритъ гостю:

— За каждого изъ нихъ честью ручаюсь, лучшіе люди! Тяните, ваше сіятельство, вы сами!

Такъ вотъ, значить, господинъ этотъ оказался «ваше сіятельство», а не «ваше превосходительство», какъ говорилъ писарь, а что это выше или ниже—этого джигиты не знали. Объяснили имъ потомъ, что путешественникъ — итальянскій графъ, чуть не дальній родственникъ самаго ихняго короля, и занимается по горной и по птичьей части, при немъ и человѣкъ есть особый, который умѣетъ изъ убитыхъ птицъ дѣлать легкія, сухія чучелка, укладистыя и удобныя для дальней перевозки; конечно, потомъ все разъяснилось, а пока, до жеребьевки, никто ничего не зналъ, только сотни живыхъ глазъ такъ и впились въ комендантскую шапку, сотни чуткихъ ушей насторожились, чтобы поймать прочитанное имя счастливца.

Улыбается графъ, смотритъ весело на джигитовъ, что замерли передъ нимъ, дыханія затаили, а самъ, не спѣша, въ шапкѣ тонкими своими пальцами пошариваетъ. Вытянулъ, наконецъ, развернулъ, даетъ прочитать полковнику.

— Керимъ-Бабай!—прочелъ комендантъ громко.

Съ этимъ именемъ по всей толпѣ пронесся одобрителный ропотъ, даже проигравшіе джигиты не выразили неудовольствія, а комендантъ, обращаясь къ гостю, добавилъ:

— Сердечно, графъ, васъ поздравляю!

Вышелъ Керимъ изъ толпы и, не спѣша, поднялся на ступеньки комендантскаго крыльца.

Былъ когда-то джигитъ Керимъ и высокъ, и статенъ, да глубокая старость и боевыя раны пригнули его къ землѣ, сгорбили. Видно, что и теперь еще не совсѣмъ ослабъ старикъ годится въ дѣло, а все-таки, кто не знаетъ, можетъ показаться не особенно надежнымъ.

На груди у Керима два бѣлыхъ креста, а медалей больше чѣмъ у другого пуговицъ; по борту протянулась толстая золотая цѣпь отъ жалованныхъ, почетныхъ часовъ, а поперекъ лица, черезъ носъ и обѣ щеки, старый зарубцеванный шрамъ отъ удара вражеской шашки.

— Ну, за этимъ львомъ,—заговорилъ комендантъ,—вы, графъ, какъ за каменной стѣною. Его одно слово стоитъ

больше, чѣмъ согнѣ ружей и пашетѣ, и по всѣмъ тѣмъ краямъ, что вамъ предстоитъ проѣхать, онъ пользуется великимъ почетомъ и уваженіемъ. Это,—говоритъ полковникъ,—у насъ первый номеръ, краса и гордость всего джигитства!

Лестно было-бы слышать все это старику, да начальникъ говорилъ гостю на какомъ-то незнакомомъ ему языкѣ, потому что пріѣзжій графъ по-русски не говорилъ и не понималъ, а переводчикомъ между нимъ и джигитами долженъ былъ служить тотъ самый человѣкъ, что птичьи чучела умѣлъ дѣлать.

— Очень радъ познакомиться!—проговорилъ графъ и протянулъ Кериму свою руку, а Керимъ не смутился отъ такой чести и протянулъ тому тоже свою трехпалую, какъ равный равному.

— Только вотъ что,—говоритъ Керимъ, обращаясь больше къ коменданту,—очень я радъ, что Богу угодно было послать именно меня въ этотъ путь, только, можетъ, лучше для господина графа будетъ, если за меня пойдетъ мой сынъ Хафизъ? Я хочу ему передать мое счастье и мое право!

Легкій ропотъ послышался въ толпѣ, а у коменданта даже брови слегка сдвинулись.

Замѣтилъ это Керимъ, возвысилъ голосъ и сталъ продолжать:

— Что же,—вы знаете: моему Хафизу минуло двадцать лѣтъ, онъ силенъ, способенъ, лучший наѣздникъ... Мнѣ, отцу, не приходится хвалить свое дѣтище, да вы сами и самъ полковникъ его знаютъ. Я его съ десяти лѣтъ всюду за собою таскалъ,—натаскалъ знатно! Онъ прошлую зиму одинъ на одинъ на тигра ходилъ и какую приволокъ полосатую шкуру... Вотъ графу птицъ стрѣлять нужно, а Хафизъ пулею орла достаетъ съ поднебесья... Знаютъ всѣ отца на всемъ пути, хорошо знаютъ, это правда, и сына его всѣ уже давно за-примѣтили, тоже знаютъ... Не все-же молодцу подъ отцовской рукою ѣздить, надо начинать и своею волею работать, на свой страхъ, на свою голову... Эй, Хафизъ, поди сюда! Вотъ пускай смотритъ графъ, его сіятельство, какого молодца я ему за себя ставлю!

Вышелъ изъ толпы Хафизъ на отцовскій призывъ,—ну просто красота да и только!

Бешметъ на немъ бѣлый, шапка изъ свѣтло-сѣрой мерлушки, а черезъ плечо, на тонкомъ ремешкѣ, пашка не простая—здѣшняя, а черкесская, вся въ серебрѣ съ чернью, и

бирюзою ободки на ножнахъ обозначены. Подарилъ ему эту шапку вунецъ Хлудовъ, московскій, съ которымъ Хафизъ раза два на охоту въ горы ѣздилъ, да разъ отъ барантачей вдвоемъ отъ десятиерыхъ отбивались и отбились.

Молодъ Хафизъ, — румянецъ во всю щеку, глаза огнемъ горять, усы чуть только зачернѣли, и борода чуть чуть пробивается.

— Небось, не плохого ставлю за себя... Много лучше будетъ меня стараго!

Когда все это перевели и растолковали иностранному нанимателю, тотъ задумался немного; видно, что ему и старика взять лестно, и молодой очень уже понравился... Подумалъ графъ еще съ минуту и говорить:

— Я обоихъ нанимаю. Пускай оба ѣдутъ, и отецъ, и сынъ. Я имъ обоимъ плачу одинаковое, обѣщанное содержаніе!

Загалдѣли на площади и на всемъ подворьѣ, радостно такъ заговорили, весело.

— Вотъ такъ настоящій господинъ! Вотъ такъ щедрый и справедливый!

А Керимъ отмахнулся рукой и говорить

— Вы меня не поняли, да и графу, должно, перевели невѣрно. По такому дѣлу двоихъ не требуется, а задаромъ жалованья я получать не желаю. Старъ я сталъ, говорю вамъ, можетъ, дорогою сломить меня болѣзнь, только обузою буду, не бросать-же меня околѣвать въ горахъ, а главное, что вдвоемъ мы съ сыномъ уже до сыта наѣздились... Мое имя изъ шапки вынуто, — мое счастье, пусть съ моей легкой руки и начинается Хафизъ свою самостоятельную службу. Вотъ чувствуетъ мое сердце, что другого случая Хафизу моему не дожидаться, а впрочемъ воля хозяина: — велите мнѣ ѣхать, я поѣду и буду служить ему вѣрою и правдою, уважить просьбу старика, возьметъ сына, поклонюсь ему до земли, за доброе дѣло для себя сочту, а за такое доброе дѣло Аллахъ благословить его и пошлетъ ему на всемъ пути удачу и счастье. Рѣшайте теперь, какъ хотите!

Потолковали всѣ съ минуту на крыльцѣ, потомъ комендантъ съ графомъ въ комнаты пошли, на свободѣ чтобы потолковать — подуматъ, а джигиты на ступенькахъ крыльца разсѣлись, ждутъ чѣмъ все это кончится.

Четверти часа не прошло — позвали отца съ сыномъ тоже въ комнаты.

Вышелъ потомъ комендантскій писарь, сообщилъ, что уже все порѣшили: графъ уступилъ просьбѣ старика, беретъ молодого и очень, очень доволенъ. Подносили, говорить писарь, имъ обоимъ по стакану самаго дорогого араку. Хафизъ уперся—говорить: закону нѣтъ, чтобы мусульманину вино пить, такъ и не выпилъ, а Керимъ оба выпилъ, потому что для молодого аракъ—вино, а для старика—лекарство, а на лекарство въ законѣ запрету не положено.

Говорилъ писарь, что бумагу уже подписываютъ, все, какъ есть, по формѣ, и комендантъ старику третій стаканчикъ наливаетъ. То-то старый Керимъ-Бабай вышелъ, сильно нарумянившись, и на ногахъ сталъ полегче, чуть не приплясываетъ, не отъ араку, конечно, а отъ радости, что своего любимца сына такъ хорошо пристроилъ. Веселый сталъ и Хафиза по плечу одобрительно похлопываетъ.

Съ того-же дня и къ сборамъ приступили. Хафизъ всѣмъ долженъ былъ распорядиться и распорядился на славу.

Вотъ, говорили, молодъ, малоопытенъ, а на дѣлѣ такъ словно уже двадцатый походъ слаживаетъ. Графъ только намекаетъ, что ему желательно, а Хафизъ уже ему самому объясняетъ толково, что въ дѣйствительности его сѣятельству нужно. Отецъ въ сторонѣ держится, все глазомъ подмигиваетъ и одобрительно посмѣивается, а ничего не говоритъ, не под-сказываетъ.

— Ну, изъ этого большой прокъ выйдетъ!—порѣшилъ даже самъ комендантъ, и очень это командирское слово отцовскому сердцу было отрадно.

Сначала сладили все по конской части: подъ графское сѣдло Хафизъ, за двѣсти монетъ, добылъ у знакомаго приѣзжаго изъ Шахри-Сябзя, такого воронаго горца, что цѣна ему настоящая мало-мало полтысячи; подъ жида-птичника (жидъ оказался) тоже здороваго чалаго, съ спокойнымъ ходомъ, вьючковъ четырехъ, вали на каждую спину по восьми пудовъ—идутъ легко, только отряхиваются. Двѣ палатки,—одну поменьше, шелковую, для самого графа, ковровъ, кошемъ узорныхъ, всю походную амуницію, котелковъ да мѣдныхъ чайниковъ; ятганы, коржумы вьючные для укладки и все-все до мелочи не забылъ бравый джигитъ путеводитель и за день до отъѣзда принялъ отъ графа на свою отвѣтственность

все личное имущество... Диковинныя, дорогія вещи, съ роду такихъ не приходилось видѣть Хафизу: были тутъ ящики съ хитрыми замками, съ разными инструментами, были и ящики съ гнѣздами, а въ гнѣздахъ все пузырьки съ разными снадобьями, да пакетики съ порошками; были часы особенные, въ отдѣльномъ футлярѣ, что даже во время ѣзды не должны были сильно колыхаться, особенно переворачиваться, сохрани Богъ!—такіе часы Хафизъ уже разъ видѣлъ и возилъ даже за своимъ сѣдломъ; но на что у молодого джигита особенно глаза разгорѣлись,—это когда графъ показалъ ему ящики съ разобранными ружьями, дробовиками и пульными... Вотъ такъ оружіе! Да за одно такое ружье можно годъ прослужить безъ копѣйки жалованья!

Вручилъ графъ на храненіе и всю свою одежду; много лишняго, по мнѣнію Хафиза, и даже совсѣмъ не подходящаго. Переданы были и ящики съ консервами, чего-чего тамъ не было!—Хафизъ увѣрялъ, что почти все надо дома оставить, не брать съ собою, потому что тоже не подходящее.—Чай хорошо, сахаръ тоже, сухарей немного взять не мѣшаетъ, ну, тамъ лимоннаго соку сухого, это тоже недурно, а прочее, все равно, ничего не стоитъ... Онъ, Хафизъ, это очень хорошо знаетъ, да и другіе подтвердятъ, а то понадѣются на коробки, будто въ нихъ мясо вареное или рыба, откупорятъ, понюхаютъ и бросятъ, а отъ которой не дурно пахнетъ,—съѣдятъ съ голодухи, а потомъ дня три животами болѣютъ...

— Кормиться надо вотъ чѣмъ въ дорогѣ!—добавилъ джигитъ и щелкнулъ по прикладу своей винтовки.

Графу всѣ эти разсужденія очень понравились.

Потомъ, въ концѣ концовъ, позвалъ графъ джигита къ себѣ въ комнату и далъ ему поясъ широкій, изъ бѣлой замши, съ укладками и потайными карманами.

— Это,—говорить,—золото все... Богъ вѣдаетъ, куда насъ занесетъ, запасъ золота всегда не лишень... Тутъ,—говорить,—на три тысячи рублей ровно, его ты,—говорить,—обвяжи на голое тѣло, подъ одежду, и береги, а другой такой у меня будетъ...

Серебра же мелкаго, все бухарскими коканами, тоже взяли, на пятьсотъ рублей, въ двухъ кожаныхъ мѣшкахъ; эти просто уложили, вмѣстѣ съ одеждою.

Какъ вышелъ Хафизъ отъ графа, чувствуя пріятную тя-

жестъ на своихъ бедрахъ, такъ невольно возгордился слегка такимъ довѣріемъ.

— Ого-го-го! — подумалъ, — чего ты теперь, Хафизка, стоишь!

Приказалъ графъ молчать о деньгахъ, ну, значить, молчать и надо; даже отцу не сказалъ, что у него на поясѣ вѣсу прибыло.

Въ недѣлю все для похода было слажено. «Малайки» къ вьючнымъ лошадямъ были договорены и явились на мѣсто... Всѣ бумаги, къ бухарскому эмиру, къ коканскому хану, къ горнымъ, полунезависимымъ бекамъ были написаны и подписаны, съ приложеніемъ печатей самого губернатора. Осталось только назначить день и часъ отъѣзда въ многотрудную и небезопасную экспедицію.

Воскресеніе, — обѣдъ большой давали, въ собраніи, отъзжающему графу... Много пили, много говорили... Всѣ генералы собрались и дамъ — много-много... Графа обнимали, цѣловали, а стрѣлковые пѣсенники даже качали, выше головъ подкидывали... Послѣ обѣда, часовъ въ семь вечера, по первому вечернему холоду — и тронулись въ путь.

Первый переходъ рѣшено было сдѣлать коротенькій, всего до Ташъ-Куприка, верстъ двѣнадцать, не больше... Много офицеровъ и штатскихъ выѣхало верхомъ провожать, много и дамъ въ коляскахъ и въ тарантасахъ, а то и верхомъ тоже. Всѣ любовались графомъ, какимъ онъ молодцомъ и красавцемъ ѣхалъ на своемъ ворономъ карабаирѣ...

Прибыли на первый ночлегъ, конечно, еще засвѣтло, однако, почти передъ самымъ заходомъ солнца, и всѣ любовались и удивлялись, какъ скоро и ловко распорядился Хафизъ съ своимъ вьючнымъ караваномъ. Ёхали всѣ вмѣстѣ, джигитъ велъ своихъ людей сторонкою и только версты за двѣ погналъ пошибче, чтобы напередъ поспѣть... Подтянулись наши, а уже бивуакъ совсѣмъ готовъ: палатка поставлена, постели слажены, костеръ пылаетъ во всю, и чайники весело закипаютъ, — даже пшш-лыкъ на палочкахъ начинаетъ зарумяниваться... Ничего этого, положимъ, и не нужно было, потому что всѣ послѣ обѣда были сытехоньки, да это, такъ Хафизъ, для показа продѣлалъ...

Провожалъ, конечно, и старый Керимъ-Бабай своего сына. Онъ тоже былъ очень доволенъ расторопностью молодого джигита, однако хотѣлъ казаться строгимъ и скупымъ на похвалу... Нечего, молъ, ему зазнаваться!

Наступила ночь.

Провожавшіе гости давно вернулись въ городъ, заночевали на бивуакѣ только тѣ, что совсѣмъ уже не могли держаться въ сѣдлахъ. Съ наслажденіемъ растянулся на своей удобной походной кровати путешественникъ... Завтра, вѣдь, чуть свѣтъ выступать надо.

Отозвалъ старый Керимъ своего сына въ сторону, за стѣнку мазара, сталъ прощаться.

Крѣпко стиснулъ отецъ сына въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

— Ну,—говорить,—благословить тебя Аллахъ, какъ я благословляю. Помни, что я тебѣ передаю теперь всю свою честь джигитскую. Смотри же, не осрами моей сѣдой бороды, да и свою голову береги тоже, зря не горячись, въ ненужную опасность не суйся, охраняй хозяина отъ всѣхъ бѣдъ, отъ звѣря лютаго, отъ лихого человѣка особенно. Будь здоровъ и поддержи стремя моего жеребца, что-то подпруга разхлабалась... Вотъ такъ!

Старикъ ловко усѣлся въ сѣдло и разомъ скрылся въ густомъ, ночномъ мракѣ.

Ушла наша экспедиція... Поговорили, поговорили о ней, да и забыли. Каждый, вѣдь, день приносилъ все новыя и новыя заботы, и на разныя другія потребности нужны были джигиты. Случилось, вотъ, верстахъ въ сорока отъ города, большое воровство, не безъ разбоя даже, много коменданту хлопотъ доставило. Вспомнили объ итальянскомъ графѣ только черезъ мѣсяцъ, когда пришла отъ него съ дороги первая вѣсточка съ случайной оказіей.

Привезъ чужой человѣкъ письмо къ коменданту и большой пакетъ для дальнѣйшей отправки почтою, привезъ и отъ Хафиза къ отцу коротенькую цидулку: сынъ пишетъ, что здоровъ, а комендантъ сообщилъ Кериму, что графъ своимъ джигитомъ очень уже много доволенъ и старику кланяется... Ну, слава Богу! Значить, пока все благополучно.

Прошло еще съ мѣсяцъ, если не больше, не было больше ни слуху, ни духу—далеко забрались, значить... Въ половинѣ лѣта, такъ около начала іюля, по базару легкій слухекъ пробѣжалъ, что видѣли графа уже за Байсуномъ, около верховьевъ Сурбаха, въ соляныхъ горахъ... и опять все надолго затихло... По расчету, вернуться они должны бы къ августу,

много къ половинѣ сентября... Такъ оно и выходитъ... Назадъ пойдуть, можетъ, пошибче.

Ждетъ Керимъ терпѣливо, шевелится у него что-то недоброе на сердце, но старикъ упорно гонитъ черныя думы; однако, когда приходилось проѣзжать своего застоявшагоса июня, Керимъ-Бабай все больше выбиралъ дорогу на Ташъ-Купырь, а то и за этотъ мостъ значительно дальше. Для кого время бѣжить неуловимо, а для стараго отца тянется, что лѣтний ишакъ съ двойнымъ выюкомъ, да еще по топкой грязи... Вотъ и августъ къ концу подходитъ. Вотъ ужъ четвертый разъ клеверъ косать, джугара налилась, поспѣваетъ... Конечно, вѣстей нѣтъ оттого, что назадъ повернули; зачѣмъ же посылать гонцевъ, когда тѣ, все равно, вмѣстѣ бы вѣхали... Тамъ, вѣдь, все мѣста дикія,—не только телеграфа, простой почты никакой не налажено...

Бродитъ Керимъ по базару, по улицамъ, заходитъ въ гости, сидитъ въ чай-ханѣ съ пріятелями, на комендантскій дворъ заглядываетъ, вида не подаетъ, что тоска его гложетъ. Похудѣлъ старикъ, еще болѣе согнулся въ поясницѣ... Самъ, вѣдь, хорошо понимаетъ, что въ такомъ пути нельзя всѣ дни рассчитывать: мало ли что задержать можетъ... Самъ вотъ онъ разъ провожалъ русскаго ученаго, что вмѣстѣ съ своею женою траву собирать, да звѣзды считать ѣздили. Думали—предполагали тогда въ три мѣсяца обернуться, а протаскали безъ малаго полгода... Точно вѣдь не считаешь.

Прошелъ не только весь сентябрь, уже и октябрь на исходѣ... Въ предгорьяхъ стали заморозки землю бѣлить... Холоднымъ вѣтромъ съ востока потянуло... Прибѣжали разъ за Керимомъ-Бабаемъ, зовутъ къ коменданту.

Снарядился старикъ по формѣ, опять кресты и медали нацѣпилъ.

— Честь имѣю явиться вашему высокоблагородію!

Не сразу взглянулъ полковникъ на джигита, бумагу будто какую-то дописывалъ, а потомъ, все-таки не глядя, проговорилъ:

— Болтаютъ на базарѣ не доброе!

У Керима ноги подкосились, и въ глазахъ потемнѣло, даже рукою прихватился старикъ за дверной косякъ. Онъ и самъ знаетъ, что снова пошелъ слухъ по базару, что слухъ

тотъ съ самой Бухары идетъ, смутный пока слухъ, однако, ничего добраго не предвѣщающій.

Слухъ этотъ уже третьи сутки не даетъ спать Кериму, а забудется немного, сейчасъ ему кровавое горло мерещится начинать, только разсмотрѣть не можетъ, чье это горло ножомъ перехвачено.

— Слухъ идетъ!—глухо повторилъ старый джигитъ.

На этотъ разъ комендантъ взглянулъ на него и глаза выпучилъ; онъ не узналъ голоса Керима, да что голоса—самого не узналъ, такъ старикъ въ лицѣ перемѣнился, однако, на ногахъ еще стоитъ, не валится.

— Думаю я,—говоритъ комендантъ,—послать бы кого на провѣдъ: одного въ Бухару, а другого по слѣду, на Байсунъ... Дѣло серьезное!

— Зачѣмъ посылать чужого человѣка,—я самъ поѣду!

— Самъ!.. На зиму-то глядя?

— Что мнѣ зима!..

— Ступай!

— Счастливо оставаться!

Приложилъ Керимъ руку къ шапкѣ, повернулся и вышелъ изъ комендантской комнаты. Получаса не прошло, какъ видѣли стараго джигита, какъ онъ миновалъ базаръ и крупнымъ ходомъ своего любимаго чалаго прогналъ на Ташъ-Ку-приюкскую дорогу... Не долги были его сборы... А съ горъ, ему навстрѣчу, уже неслись первые налеты снѣжной метели застилая предгорья бѣлою скатертью.

Уѣхалъ Керимъ, словно сквозь землю провалился, и всѣ, особенно сторонніе люди на базарѣ, удивлялись,—какъ это такой опытный комендантъ проворонилъ, упустилъ заложника. Пропадетъ, думали, отецъ вслѣдъ за сыномъ, только его и видѣли!

Не было тогда, по здѣшнимъ мѣстамъ, ни дорогъ желѣзныхъ, ни столбовъ съ натянутою проволокою, по которой слова бѣгаютъ, почты даже никакой не было, а ходилъ только «слухъ» и какимъ путемъ, какъ ходилъ—никто и не знаетъ. Случится что здѣсь, въ Келифѣ что ли, поговорять о случаѣ на мѣстномъ базарѣ, а базаръ—толчея,—со всѣхъ сторонъ туда сходятся и сѣзжаются разные люди и расходятся во всѣ стороны, а съ людьми и рѣчи. Идутъ, останавливаются отдыхать, поговорять, обмѣняются новостями, дальше

идутъ, а съ того мѣста опять во всѣ стороны слова поползли... Съ ночлега на ночлегъ, съ базара на базаръ... Въ однихъ вѣсяхъ другія приплетаются... Встрѣтятся гдѣ, опять перекинутся и все съ надбавкою... Случится что не большое, пустякъ, съ рисовое зерно величиною, а станетъ расходиться молвою, что снѣжный комъ, выростетъ, и не узнаешь сразу, съ чего началось, гдѣ правда: а правда тамъ, въ серединѣ этого кома, надо только докопаться до этой середины. Съ одного мѣста вѣсть пойдетъ, а смотришь—эта самая вѣсть съ разныхъ концовъ опять къ тебѣ возвращается; прислушаться надо только ко всему, ко всѣмъ переменамъ, отдѣлить дѣло отъ болтовни,—вся правда такъ вотъ тебѣ на ладони и выяснится... Хочешь знать, что гдѣ творится, ступай на базаръ, сиди покойно, чай зеленый прихлебывай, уши насторожи и жди... Потому что базары эти и есть самое для вѣстей сладочное мѣсто.

А здѣшній базаръ—всѣмъ базарамъ базаръ. По какимъ бы путямъ не летѣла молва, а на здѣшнемъ базарѣ осядетъ; не даромъ большой Саидъ-Азимовскій чай-хане на семи-путемъ перекресткѣ раскинулъ свои гостепріимные навѣсы.

И вотъ какъ эта молва осѣдала, въ какія формы, были и небыллицы она складывалась.

Покойно, весело и удачливо шла дорога нашихъ путешественниковъ. Работали много, всѣмъ было дѣла по горло. Графъ часто свои диковинные инструменты налаживалъ, на горные вряжи трубы наводилъ подзорныя, по ночамъ черезъ эти трубы все небо осматривалъ и все въ свои книжки чертилъ и записывалъ; много тоже разныхъ мухъ да гадинъ въ горахъ наловили, все засушивали и въ банки складывали, а птицы сколько въ три ружья настрѣляли! Чучельнику работы было съ утра и до ночи,—лошадь вычную еще прикупить пришлось у проѣзжаго сарта. Отъ камней разныхъ кусочки отбивали и бумажные ярлычки наклеивали. Жилыхъ мѣстъ по дорогѣ пока мало попадалось, такъ—кишлачки незначущіе, графъ и туда заглядывалъ, да разспрашивалъ черезъ переводчиковъ; тотъ, который армяниномъ назывался,—жидъ оказался, ну, да это не большая разница, и на счетъ знанія мѣстныхъ говоровъ плохъ вышелъ, выручалъ больше Хафизъ-джигитъ, и шелъ разговоръ такъ: графъ—жиду, жидъ—Ха-

физику, Хафизъ со встрѣчнымъ говоритъ и тѣмъ же порядкомъ обратно до графа доходить.

Очень графъ по душѣ съ своимъ джигитомъ сошелся, и Хафизъ очень полюбилъ графа, а жидъ-чучельникъ съ своей стороны къ Хафизу прилаживался, тоже лѣзъ въ дружбу и большую откровенность, все про бухарскую да афганскую сторону спрашивалъ, а самъ ему про ту сторону, что за большими горами, подъ англійской рукою находилась, дивныя дѣла рассказывать, говорилъ, что самъ бывалъ тамъ часто, на службѣ будто у англійской королевы.

Пришли въ Дербентъ, — тамъ задержались немного; ужъ очень хорошо бекъ Сафаръ гостей встрѣчалъ. Пиръ устраивалъ почетнымъ путешественникамъ на славу, «тамаши» съ пѣніемъ и танцами батчей, игры машкарабазовъ, скачки конныя, халаты подносили дорогіе, надо было и нашему графу отпочетиться... Пошли дальше, прошли диковинныя тимуровы желѣзныя ворота, такую узкую и длинную щель, что будто кто мечомъ разсѣлъ горный кряжъ, отъ снѣжныхъ вершинъ до самаго подножья... стали спускаться въ богатую долину Байсуна. Тутъ уже погуще жилье пошло, и народъ побогаче, и беки поважнѣе! Опять пиръ да игры, и даже на этихъ играхъ женщины появились, не такія, что въ гаремахъ уврыты сидятъ, а вольныя, что, въ обходъ закона, въ мужскомъ платьѣ, днемъ по базарамъ ѣздятъ, а по ночамъ, чуть что, безо всякой одежды, въ брашлеткахъ на шиколоткахъ ногъ при гостяхъ танцуютъ, змѣями извиваются, змѣею и въ душу самую заползаютъ... Переводчикъ-жидъ очень старался, всю подноготную про такихъ женщинъ узнавалъ, особенно про тѣхъ, на которыхъ графъ попристальный всматривался... Хафизъ тоже глядѣлъ, глаза выпучивъ, какъ баранъ на новыя ворота, молодъ, вѣдь, еще ничего такого и не видывалъ, ну, а чучельникъ человѣкъ бывалый!.. Захотѣлось графу одну изъ тайхъ цѣвицъ да танцовщицъ для себя купить, чтобы съ собою увезти, какъ бы вродѣ особой птицы, только, конечно, чтобы живую, не набитую и засушенную, какъ тѣ чучела, что жидъ изготавлялъ, — сговорились, и самъ кази тамошній бумагу на свободный провозъ выдалъ...

Съ этихъ поръ и повѣяло «чернымъ вѣтромъ», тутъ-то и наступила пора неудачъ и невзгодъ.

Словно эта плясунья, черноволосая Асаль, своими острыми взглядами да раскатистым смѣхомъ души нашихъ спутниковъ околдовала:

А время все шло и шло. Далеко зашли... ухъ, какъ далеко! Стало дѣло къ осени клониться, а впереди горы и холода на перевалахъ... Пора, значитъ, назадъ ворочаться... Повернули.

Затосковала новокупленная красавица: кому охота на вѣкъ уходить въ чужую, незнакомую сторону, а тутъ еще и другое горе, горше перваго; стала Асаль заглядываться на молодого красавца Хафиза — и полюбился ей Керимовъ сынъ болѣе самого хозяина ея, графа; да и то правда, — какая тамъ любовь черезъ жиду переводчика, а тутъ дѣло живого языка. — Задумалась Асаль, задумался и Хафизъ, и въ душѣ вѣрнаго джигита закопошилось не доброе, ревнивое чувство къ своему господину...

Можетъ, и обошлось бы все по ладному, да жидъ чучельникъ, должно быть, тоже свою думу задумалъ, не охотно что-то онъ на обратный путь поглядывалъ. Сталъ онъ графу на ухо нашептывать, сталъ и Хафиза уму разуму учить, а тѣмъ временемъ къ русской границѣ все ближе да ближе подвигались...

Какъ тутъ дальше шло, молва пестрая совѣмъ перепуталась, — только, говорятъ, что и Хафизъ сталъ на себя не похожъ, съ графомъ сталъ угрюмъ, не разговорчивъ... замѣтилъ это проклятый жидъ и приналегъ на молодого джигита...

Что же потомъ случилось, про то базарный слухъ шелъ не одинаково, говорили, будто Хафизъ у Афганскаго эмира на службѣ очутился, говорили, что его въ тюрьму, въ кандалахъ, засадили, за то будто, что вольной женщиной горло перерѣзалъ, въ тоскѣ и въ отчаяніи; говорили, что этого жиду живого за ноги повѣсили, на колъ потомъ посадили, говорили, что его за Афганскою границею видѣли, съ графскимъ добромъ и даже тѣмъ самымъ поясомъ съ золотомъ, что вѣрному джигиту самимъ графомъ былъ сданъ на храненіе, говорили, что Хафизъ самъ на себя руки наложилъ, когда Асаль его бросила — промѣняла на эмирскаго полковника, говорили, будто и до сихъ поръ живъ Керимовъ сынъ, только бродить въ Кабулѣ по бавару, въ родѣ какъ бы помѣшанный... Разно говорили, только про участь графа всѣ слухи были одинаковы: «Въ горы вѣхали всѣ четверо; графъ, Хафизъ, жидъ чучельникъ и Асаль остроглазая, а назадъ, въ долину, вернулись только трое, да

и то, — какъ только къ мазарь-Шерифу подходить стали, — жидъ въ первую темную ночь, будто сквозь землю провалился.

Вотъ какіе слухи заходили по базару: разбирайся, гдѣ тутъ правда, гдѣ неправда.

Вотъ почему и удивлялись въ чай-хане Саидъ-Азимъ-Бая, какъ это комендантъ такого маху далъ, самъ своими руками отпустилъ стараго Керима, — за сына своего заложника?..

Прошла хотя и короткая, но бурная и суровая зима, снова на солнечныхъ скатахъ горъ, на весеннемъ припекѣ, загорѣлись ярко-красные тюльпанчики, забѣлѣли первые подснежники, и забѣгали по нагрѣтымъ осыпямъ зоркія ящерицы. По всѣмъ ущельямъ, по всѣмъ трещинамъ горъ забурили пѣнистые потоки, заклепали орлы въ поднебесьи, стали аксты на свои гнѣзда возвращаться, а про старика Керима ни слуху, ни духу...

Описали его домъ, все имущество, печати вездѣ наложили, особому аксакалу подъ охрану сдали... Недоволенъ комендантъ, ходитъ туча тучею, на прочихъ джигитовъ и смотрѣть не хочетъ, а тѣ, точно чѣмъ виноваты, сами ходятъ, словно мухи отравленные. Четверо изъ нихъ, не докладываясь по начальству, своею волею собрались и отправились на розыски... Вернулся, наконецъ, Керимъ уже въ концѣ лѣта и вернулся, когда его совсѣмъ и ждать перестали.

Никто и не узналъ сразу — почетнаго, заслуженнаго старшину джигитскаго Керима въ томъ жалкомъ всадникѣ, что въѣхалъ на комендантскій дворъ на запыленной, хромой, отошалои лошади: такъ, думали, какой-нибудь бродячій байгушъ, съ просьбою къ начальнику или, можетъ быть, съ жалобою. Дежурный джигитъ, Саркисъ, строго окликнулъ даже:

— Куда прешь? Сиди тамъ, за воротами!

Да потомъ, какъ взглянулъ немного, такъ глаза вытаращилъ, ротъ разинулъ и руки растопырилъ.

— Керимъ-бай... Аллахъ милостивый!.. Вотъ не ждали!

— Не «ждали» уже? — словно усмѣхнулся пріѣзжій, тяжело слѣзая съ измученнаго коня... — Видно, и ждать перестали...

Другіе джигиты и изъ казаковъ, кто былъ поблизости, подошли, обступили Керима — оглядываютъ и его самого, и лошадь, и сѣдловку всю, — а спрашивать будто не рѣшаются, ждутъ, когда самъ старикъ говорить начнетъ; а тотъ молча сталъ отвязывать ковровый, переметный коржумъ, что

былъ за сѣдломъ притороченъ—и тутъ только замѣтили джигиты, что и отъ коня, и отъ всадника, отъ сѣдла и сбруи, а пуще всего отъ этого ковроваго коржума потянуло тяжелымъ владбищенскимъ духомъ...

— Коменданту доложите! Ну, что стоите, словно ошалѣлые? —захрипѣлъ на нихъ Керимъ и закашлялся, и опустился на ступеньки комендантскаго крыльца, а коржумъ съ собою сволокъ и начинаетъ его, не спѣша, развязывать.

Побѣжали докладывать.

Минуты не прошло, вышелъ комендантъ, на ходу еще китель застегивалъ... началъ было строго такъ:

— Ну, говори!..

Даже не поздоровался, брови нахмурилъ, да приглядѣлся къ старику и тихонько проговорилъ, обращаясь къ ближайшимъ:

— Да поддержите его! Видите съ ногъ валится... Эй! Принеси скорѣе коньяку стаканъ!

А Керимъ на ногахъ стоять не можетъ; попытался было подняться передъ начальствомъ, да и опять осѣлъ грузно. Двое джигитовъ подскочили, поставили стараго на ноги, а двое стали коржумъ сѣдельный развязывать, отъ котораго не хорошимъ духомъ несло... Керимъ имъ глазами показывалъ, что надо—и чуть слышно пробормоталъ:

— Выкатите!

Выкатили.

Лицо почернѣло, раздулось, а узнать можно, — то есть, не узнать бы, не зная кто, — а, зная, признать вполнѣ возможно.

— Собственною рукою покончилъ,—хрипло, словно даваясь своими словами, сказалъ Керимъ,—своею рукою благословилъ, своею и казнилъ, а добро мое, довольно его будетъ, а мало, такъ и мою голову добавьте, отдайте семьѣ графа убиеннаго,—за убытки—уплату...

Съ комендантскаго крыльца понесли джигитскаго старшину прямо въ военный госпиталь,—тамъ онъ и отдалъ Богу душу на другой же день, такъ и не приходя въ сознаніе.

Доктора порѣшили, что—съ переутомленія.

ТРИ ДНЯ ВЪ МАЗАРКЪ.

Безпокойное волненіе, охватившее киргизскую степь въ 1870 году, обильное кровавыми эпизодами, только-что кончилось... Оно еще не выяснилось совсѣмъ, но уже отовсюду неслись мрачныя вѣсти предзнаменованія болѣе или менѣе грозныхъ событій.

Я рассказываю теперь только одинъ изъ моихъ дорожныхъ эпизодовъ, относящихся къ этому времени, и потому считаю лишнимъ распространяться о причинахъ, вызвавшихъ возстаніе кочевниковъ средней орды, въ обыкновенное время очень миролюбивыхъ, давно уже отвыкшихъ отъ разбойничьей, хищнической жизни своихъ предковъ...

День былъ яркій, солнечный и довольно морозный. Буроватою лентою тянулась ровная, степная дорога... Справа и слѣва разлеглась безконечная бѣлая пелена снѣга, покрывавшаго степь... Синяя полоса окаймляла далекій горизонтъ... Однообразная даль не пересѣкалась ни однимъ деревцомъ, ни однимъ холмикомъ.

Легкіе облака почти неподвижно плавали въ голубомъ воздухѣ... Рѣзкій крикъ орла несся откуда то сверху, съ невидимыхъ глазу высотъ, можетъ быть, даже изъ-за этихъ облаковъ... Однообразно звенѣлъ, захлебывался разбитый колокольчикъ подъ дугою, фыркали усталыя пристяжныя, и ровная топотня дружной тройки заглушала скрипъ полозьевъ моихъ саней, снабженныхъ войлочною будею...

Сегодня я уже успѣлъ проѣхать двѣ станціи. Еще очень рано, и скоро я долженъ увидѣть вдали гостепріимный дымокъ третьей... Скоро, потому что мой ямщикъ киргизъ уже при-

глядывается, заслоня рукою свои косопрорѣзанные глаза отъ солнца, уже веселѣй пскрикиваетъ на лошадей, да и сами кони значительно прибавили шагъ и бойко, въ прискочку, бѣгутъ по гладкой, легкой дорогѣ.

— Джакымъ (близко)! — говоритъ, махнувъ кнутомъ, ямщикъ.

— Джирайда — гайда джуръ (ладно — ступай скорѣе)! — отвѣчаю я закуривая новую сигару, рассчитывая докурить ее, какъ разъ къ прїѣзду на эту третью станцію...

Дорога незамѣтно стала подниматься, какъ будто въ гору... Теперь, ужъ ясно видно... Вотъ она, эта станція! Маленькая сакля видна отчетливо... Ея черный, закоптѣлый четвероугольникъ такъ и рисуется на бѣломъ фонѣ окружающей степи. Вотъ и кибитки, двѣ по сторонамъ... Обѣ дымятся... Вотъ и люди ходятъ, словно точки черныя копошатся. Вотъ и лошади бродятъ по близости, добывая себѣ изъ подъ глубокаго снѣга сухіе осенніе стебельки... Вотъ и сани стоятъ... Одни, другія, третьи... Что-то много экипажей... Чего это они здѣсь съѣхались, именно на этой станціи? Это рѣдко случается... Чтобы это значило?

Вотъ ямщикъ обернулся и посмотрѣлъ на меня вопросительно.. Онъ тоже какъ будто удивленъ нѣсколько.

— Шюндъ копъ адамъ баръ (такъ много народу)! — говоритъ онъ, показывая кнутовищемъ и безпокойно ворочаясь на облукѣ.

— Трогай скорѣй! — отвѣчалъ я. — Прїѣдемъ узнаемъ... погоняй!..

Лихо понеслись мы послѣднюю версту, — колокольчикъ даже звонить пересталъ и только позвякивалъ на своей привязи... Вся тройка въ карьеръ неслась, взметывая ногами комья грязнаго дорожнаго снѣга...

Вотъ мы спустились въ ложину, и станція пропала изъ виду, поднялись — показалась она вновь, чуть не передъ самымъ носомъ... Справа мелькнула желтоватая изгородь изъ камыша, какая-то лошадь на волѣ, брыкнувшая задними ногами, когда наша тройка чуть не сбила ее съ ногъ... Нѣсколько собакъ встрѣтило насъ оглушительнымъ лаемъ... Дымомъ пахнуло въ носъ...

— Якши (хорошо)! — даже крикнулъ мой киргизъ ямщикъ, когда мы подѣхали и стали.

— Самоваръ есть?.. Готовьте лошадей пока... Я здѣсь съ полчаса побуду, а тамъ и въ путь!—распорядился я, выѣзая изъ саней и съ удовольствіемъ расправляя занѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнья ноги...

Казакъ-смотритель выслушалъ мое распоряженіе, взялъ прогнанную ему подорожную, посмотрѣлъ ее, взглянулъ на меня, опять на подорожную... И нерѣшительно сталъ скрести свой широкій, мясистый затылокъ.

— Есть, что-ли, лошади?—спросилъ я.

— Лошади?—отвѣчалъ урядникъ.—Лошадей какъ не быть... Кони есть... Только ужъ я не знаю... Нашу, вотъ, станцію, пока Богъ миловалъ... Проѣзжіе вотъ тоже дожидаются... Сидать, не выѣзжаютъ... Ужъ я и не знаю, право...

— У меня «курьерская»!—пояснилъ я.—Тѣ могутъ ждать, сколько имъ угодно, а мнѣ давай сейчасъ... живо!..—Не дожидаясь отвѣта, я вышелъ въ сѣни, оттуда въ довольно просторную горницу для проѣзжающихъ...

У меня даже въ глазахъ потемнѣло отъ табачнаго дыму, облаками носившагося подъ низкимъ потолкомъ... Маленькія окошки, заклеенныя бумагою вмѣсто стеколъ, пропускали немного свѣта, однако довольно для того, чтобъ сразу замѣтить, что проѣзжающихъ скопилось тутъ таки достаточно...

Я отыскалъ свободное мѣсто, на скамьѣ, у самаго окна, и сѣлъ...

За столомъ, единственнымъ въ комнатѣ, сидѣли два господина, въ татарскихъ стеганыхъ бешметахъ, буквально обвѣшанные съ ногъ до головы оружіемъ: у каждаго за поясомъ было по два револьвера въ кобурахъ, спереди болтались длинные кавказскіе кинжалы... У одного такъ даже висѣла черезъ плечо какая-то сабля въ металлическихъ ножнахъ, а около, на скамьѣ, лежали два ружья тульскихъ, двухствольныхъ, съ рѣзными, вычурными ложами...

Поодаль рылся въ дорожномъ сакѣ еще какой-то господинъ въ полушубкѣ, валеныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ... Изъ-за него виднѣлись длинные ноги въ ботфортахъ со шпорами, растянувшіяся на лавкѣ, и въ самомъ углу сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, женщина съ ребенкомъ на рукахъ, еще молодая, и, какъ показалось мнѣ съ перваго взгляда, довольно красивая. Въ противоположномъ углу, зани-

мая чуть не треть всей комнаты, бурою, закопченною массою, видна была печь съ лежанкою, заваленною узлами, чемоданами и мѣшками, — торчалъ пузатый уголь подушки въ ситцевомъ чехлѣ, а на этой подушкѣ блестяла лысина еще одного проѣзжаго... «Шесть человекъ, кромѣ меня, не считая ребенка», сосчиталъ я всѣхъ присутствующихъ и подумалъ о томъ, что не мѣшало-бы поскорѣй выбраться отсюда, изъ этой удушливой, пропитанной паромъ и табачнымъ дымомъ атмосферы.

— Въ Казалинскъ изволите ѣхать? — обратился ко мнѣ одинъ изъ вооруженныхъ.

— Въ Казалинскъ!

— Такъ-съ...

— Изъ Питера-съ или откуда изъ другого мѣста? — полюбопытствовалъ его товарищъ.

Я сказалъ.

— Пріѣхали сюда и довольно... Стопы! — обернулся ко мнѣ рывшійся въ мѣшкахъ. — Здѣсь пожить придется день, или два, или три, а то и побольше...

— Почему такъ? Ба! Знакомый... Вотъ гдѣ встрѣтились!

— И то, батюшка, то-то я слышу голосъ вашъ на крыльцѣ... Не онъ-ли, думаю!

Я узналъ одного изъ знакомыхъ мнѣ чиновниковъ интендантскаго вѣдомства и, пожалуй, доволенъ былъ этою встрѣчею.

— Что теперь будетъ... что теперь будетъ, ужъ я и не знаю, — началъ этотъ господинъ, оставивъ свой мѣшокъ и разводя руками. Вотъ третьи сутки сидимъ и ждемъ, сидимъ и ждемъ, сидимъ и ждемъ...

— Да въ чемъ дѣло?

— А вы не знаете?.. Гм!.. Странно!..

— На дорогѣ, впереди, пошаливаютъ! — прокашлялся одинъ изъ вооруженныхъ.

— Орда бунтуетъ! — пояснилъ другой. — Мы вотъ приказчики, у Хлудова, Михайлы Иваныча, таперича намъ до зарѣзу надать къ шестому числу на мѣсто поспѣть, а никакъ невозможно...

— Да что, развѣ слышать что?

— То-то и есть, что ничего не слышать. Оттого и бѣда

вся. Все-бы узнать лучше, а то вотъ—такъ сидимъ, ни взадъ, ни впередъ...

— Какъ тамъ, позади, ничего?

— Я проѣхалъ благополучно! Эй, смотритель!

На мой призывъ урядникъ показался въ дверяхъ, въ его рукахъ все еще была моя подорожная съ знаменательною подписью: «давать изъ курьерскихъ».

— Лошади готовы, ваше высокоблагородіе, только воля ваша...—началъ онъ.

— Что?

— Какъ-бы худо не было... Четвертые сутки съ той станціи вѣстей нѣтъ, и не пріѣзжаетъ никто... Третьяго дни, вотъ, одинъ тоже выѣхалъ отсюда—обратнаго ямщика съ лошадьми нѣту... Оно, положимъ, станція большущая, безъ малаго пятьдесятъ верстъ, а все-таки, надо-бы вернуться... Не ладно, должно, что случилось...

— Понятно,—отозвался лежащій на скамьѣ.—Понятно... та станція вырѣзана, дорога занята, и мы, въ нѣкоторомъ родѣ, состоимъ въ осадномъ, такъ сказать, положеніи... «Комъ энъ ма данъ ла сакъ», исковеркалъ онъ что-то по-французски и тутъ-же перевелъ: Какъ котъ въ мѣшекъ!

— Ну, положимъ, что не «данъ ла сакъ»,—передразнилъ его чиновникъ,—а все-таки дѣло дрань!

— Что-же мы тутъ,—такъ и сидѣть будемъ?

— А ужъ не знаю!

— Переждите малость, ваше высокоблагородіе, а тамъ, что Господь дастъ. Все-таки, на станціи людно: я, да двое казачишковъ со мною, ямщиковъ девять головъ, опять-же въ закрытіи!

— Господа, вѣдь, насъ теперь много, — началъ я,—если мы выйдемъ всѣ вмѣстѣ...

— Я уже предлагалъ имъ! Такъ куда! — перебилъ меня чиновникъ.

— Тоже, своя голова на плечахъ, не купленная!—закуривъ папироску приказчикъ.

— Съ нами деньги хозяйскія...—поддержалъ его другой.

— Много? — приподнялся на локтѣ тотъ, кто приводилъ французское сравненіе.

— Да ужъ про то намъ знать...—струсилъ заявившій о хозяйскихъ деньгахъ.

— Эхъ языкъ у тебя! — шепнулъ ему на ухо товарищъ его и даже въ бокъ толкнулъ.

— Хо-хо... Какая скука! Позвольте познакомиться: ротмистръ Колупаевъ, то-есть, былъ ротмистръ, а теперь въ пѣхтуру перешелъ, въ здѣшнія мѣста, на службу... Очень радъ, очень пріятно. Вы, милостивый государь, тоже изъ военныхъ?

Ротмистръ Колупаевъ, пошатнувшись немного, подошелъ ко мнѣ и сталъ прямо передъ моимъ носомъ, протягивая свою грязную руку, съ обмотаннымъ тряпицею указательнымъ пальцемъ.

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его движенія, и обернулся къ окну, хотя сквозь бумагу ровно ничего не было видно.

Колупаевъ презрительно скосилъ на меня свои воспаленные глаза, сплюнулъ и пошелъ будить спавшаго на лежанкѣ.

— Господа, — началъ опять я: — разъ, два, три, четыре, пять, я шестой... шесть мужчинъ, хорошо вооруженныхъ... Ну, чего намъ бояться! Велимъ запрягать лошадей и ѣдемъ!

— Конечно, господа, а еще мужчины! — раздался гармоническій контраalto въ углу.

— Позвольте васъ познакомить: супруга моя, Надежда Васильевна Воробьева... — перебилъ ее чиновникъ.

— Очень пріятно! — улыбнулся я... — Видите, господа: дама, а храбрѣ васъ! Что-же, рѣшайтесь!

— Ты какъ думаешь, Паша? — посмотрѣлъ одинъ изъ приказчиковъ на другого.

— Да, ужъ я и не знаю...

— Ъхать, что-ли?

— Столько оружія нацѣпили, а трусятъ... — заговорила опять Надежда Васильевна.

— Тоже, вѣдь, всяко случается... Не прождать-ли ужъ лучше еще денекъ!.. Ваше высокоблагородіе, прикажете стаканчикъ чаю? Пока что? А у насъ готово!

— Благодарю васъ, налейте... выпью съ удовольствіемъ...

— Ами, другъ, кошонъ! Вставай, боровъ заспанный! — будилъ ротмистръ Колупаевъ спавшаго на лежанкѣ.

— Бррр... отстань, — мычала лысина... — Кто... Чего... Кого... А?!

— Разбойники... грабятъ! — заоралъ вдругъ во все горло ротмистръ.

Спавшій вскочилъ и сѣлъ — его толстое, заплывшее отъ жира и продолжительнаго сна лицо, было противно — комично въ эту минуту.

Всѣ невольно расхохотались... ребенокъ на рукахъ у женщины испугался и заплакалъ. Мать начала его унимать и сердито посмотрѣла на ротмистра. Знакомый чиновникъ проговорилъ недовольнымъ голосомъ:—Ну, что за глупыя шутки!—и поспѣшилъ на помощь къ своей супругѣ.

— Веселый!..—покачалъ головою приказчикъ Паша.

— Шутникъ-съ!—кивнулъ головою приказчикъ Яша.

— Рѣшимъ-же, господа?—обратился я ко всему обществу, когда спокойствіе возстановилось.

— Доедемъ безъ нихъ, коли они трусу празднуютъ, ѣдемъ... что за вздоръ! Я человекъ женатый, со мною семейство, и то не боюсь, а эти...

Интендантскій чиновникъ начиналъ горячиться; видно, ему уже порядочно надоѣло трехсуточное сидѣнье на станціи...

— У меня тутъ Коля заболѣетъ отъ этого воздуха!—проговорила Надежда Васильевна...

— Если ихъ мало—они не страшны, если ихъ много—они и сюда придти могутъ... все равно...

Эта барыня, видимо, знала уже свойство степныхъ бродягъ и ихъ прирожденную трусость, въ словахъ ея слышалась рѣшимость... Логика была тоже на ея сторонѣ.

— Вотъ, погодите,—усмѣхнулся ея супругъ.—Мы уѣдемъ, а бунтовщики сюда нагрянутъ и прирѣжутъ они васъ, рабовъ Божьихъ, какъ куръ въ курятникѣ...

— Комъ энъ ша данъ ла сакъ!—повторилъ еще разъ ротмистръ Колупаевъ.

— Поѣдемъ, что-же... Паша, что-же, вѣдь, они-съ съ нами, люди военные-съ!

— Помолясь Богу, нѣшто, Яша... Только на ночь, вотъ, глядя, словно неловко!

— Да, скоро стемнѣетъ!

Мы еще посовѣщались немного, Надежда Васильевна, видимо, оживилась; возможность, наконецъ, вырваться отсюда, отраднo подѣйствовала на нее... она принимала самое горячее участіе въ нашихъ совѣщаніяхъ и указала при этомъ много опытности и знанія мѣстныхъ нравовъ.

— Да вы старая степнячка?—обратился я къ ней...

— Не старая,—впрочемъ!—засмѣялась она,—Однако, уже пятый разъ проѣзжаю эту степь... привыкла!

— Съ мужемъ катаетесь?

— Все съ мужемъ, а разъ и одна. Вотъ, какъ есть, одна... Тогда еще у меня не было этого золота!

И Надежда Васильевна приподняла на рукахъ своего мальчугана, брыкнувшаго при этомъ своими крохотными ножками, обутыми въ красные шерстяные чулки.

— Она у меня лихая бабенка!—самодовольно улыбнулся супругъ и тронулъ ее за крутленькій подбородокъ.

— Ужъ вы, ваше высокоблагородіе, переночуйте лучше,—вмѣшался тутъ казакъ урядникъ.—Темнѣетъ, станція большая... Ночью сно, того, дѣйствительно, не ладно... Все едино, ужъ завтра утромъ... Я лошадей подъ всѣ экипажи изготавлю, у меня онѣ всѣ тутъ согнаны, и ямщики, кромѣ одного, въ сборѣ... Завтра лучше, пораньше!

Совѣтъ его былъ весьма основателенъ, а потому и былъ принятъ безъ возраженій, только Надежда Васильевна глубоко вздохнула, предвкусывая, вѣроятно, всѣ прелести ночи въ этой душной саклѣ, на коврахъ, изобилующихъ всевозможными паразитами...

— Я бы лучше на дворѣ, въ саняхъ переночевала, боюсь только, Коля простудится!—проговорила она и принялась востыться у себя въ уголѣ, устраивая постель для себя и своего сынишки.

У меня былъ крытый возокъ, я велѣлъ опустить передній войлокъ, допилъ чай и, такъ какъ уже стемнѣло, то, пожелавъ покойной ночи всѣмъ присутствующимъ, вышелъ на крыльцо.

Къ ночи начинало сильнѣе морозить. Темное небо сверкало мириадами звѣздъ. На западѣ еще догоралъ послѣдній красноватый отблескъ вечерней зари. Тихо, спокойно было въ степи,—ни звука, ни телеста... только здѣсь, у самой станціи, въ загороди, темною массою видѣлись, сбитыя въ кучку, почтовые лошади. Ямщики въ кибиткѣ развели огонь и варили что-то въ большушѣ, плоскомъ чугунномъ, котлѣ. Въ другой кибиткѣ слышался русскій говоръ, тамъ помѣстились два казака, живущихъ на станціи, и кони ихъ, на всякій случай осѣдланные, стояли особо отъ почтовыхъ, на привязи. На дру-

гомъ углу степной балки копошились, чернѣясь на снѣгу, какіе-то звѣрьки, не то собаки, не то волки, должно быть первыя, потому что ко мнѣ въ сани забралась еще одна собака и спокойно лежала, зарывавъ только при моемъ приближеніи.

Я погладилъ ее, и животное, видимо, успокоилось; собака боялась, что я сгоню ее съ нагрѣтаго мѣста, но, убѣдившись въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ, лизнуло меня въ руку и свернулось въ клубокъ, пріятно согрѣвая мои ноги...

Два четвероугольника оконъ засвѣтились... Въ саклѣ, значитъ, зажгли огонь... Оттуда слышался голосъ ротмистра Колупаева, предлагавшій хлудовскимъ приказчикамъ «срѣзаться по маленькой». Тѣ отказывались...

— Опять спать не дадутъ!—донесся до моихъ ушей голосъ Надежды Васильевны.

— Господа!—урезонивалъ шумливыхъ знакомый мой, чиновникъ Воробьевъ, Антипъ Михайловичъ,—Господа, да имѣйте хоть уваженіе къ дамамъ...

Почему онъ говорилъ «къ дамамъ», когда въ комнатѣ находилась всего одна дама, его супруга, я не знаю. Должно быть, для усиленія убѣдительности.

А славно засыпать въ морозную ночь въ саняхъ, закутавшись въ теплую шубу! Засыпать подъ фырканье пережевывающихъ свой кормъ лошадей, подъ меланхолическое бряканье уздечекъ. Крѣпко спится въ такія ночи, и сновидѣнья... Нѣтъ, никакихъ сновидѣній не бываетъ въ это время. Крѣпокъ сонъ, и, словно только что уснувши, вы, бодрый и свѣжій, просыпаетесь утромъ, съ возбужденнымъ аппетитомъ, такимъ аппетитомъ, которому позавидовали-бы отъ души петербургскіе гастрономы, превращающіе ночь въ день, не знающіе, чѣмъ-бы вызвать хоть каплю энергіи въ своихъ разслабленныхъ, ожирѣлыхъ желудкахъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Солнце только что взошло, когда мы выѣхали со станціи.

Нашъ поѣздъ составляли всего только три тройки, вмѣсто предполагаемыхъ пяти: моя тройка, чиновника Воробьева и—хлудовскихъ приказчиковъ. Ротмистръ, любитель французскихъ поговорокъ, и его товарищъ наотрѣзъ отказались ѣхать, какъ мы ихъ ни уговаривали.

— Вы не подумайте, господа, и вы, мадамъ, что я изъ трусости... сет енпосибль! Сорокъ большихъ сраженій и восем-

надцать малыхъ... Я не трусь... А есть другія, болѣе основательныя причины... И эти анафемскія причины, ма-пароль-донерь, лишаютъ меня возможности быть вамъ полезнымъ въ предстоящихъ схваткахъ съ дикими, степными бандитами... ма-пароль-донерь...

Такъ говорилъ ротмистръ Колупаевъ и, обращаясь къ Надеждѣ Васильевнѣ, безпрестанно прикладывалъ руку къ лѣвому боку своей засаленной венгерки.

— Да полноте, никакихъ схватокъ не предстоитъ... не говорите вздора!—возразила та. — Вы, просто, трусите, какъ вамъ не стыдно! Вотъ, посмотрите: приказчики, купцы; народъ смиренный, и то не боятся...

— Воля Божья-съ... что-же-съ... Безъ Господней воли, сказано, волосъ съ головы...—бормоталъ приказчикъ Яша и самодовольно улыбался. Улыбался тоже и товарищъ его, приказчикъ Паша, укладывая что-то въ сѣно, въ передокъ саней.

Но у обоихъ улыбка была кислая, не совсѣмъ-то веселая. Видно было, что и они начинали слегка колебаться въ своемъ рѣшеніи, только совѣстились поступить такъ, какъ ротмистръ, особенно послѣ заключительной фразы Надежды Васильевны.

Какъ бы то ни было, однако, часу въ восьмомъ утра, наши три тройки тронулись со двора станціи, напутствуемые пожеланіями благополучія и благословеніями урядника и смотрителя.

И долго еще я, оборачиваясь назадъ, видѣлъ его высокую фигуру, взобравшуюся на плоскую крышу и оттуда глядящую намъ вслѣдъ; долго еще, до самаго спуска въ логовину, видѣлъ я, какъ онъ махалъ намъ своею форменною фуражкой.

А наши тройки бойкою рысью бѣжали по мягкой, запорошенной дорогѣ, пересыпанной мѣстами наносными косыми сугробами. Слѣдъ, тянувшійся предъ нами, часто прерывался, погребенный подъ этими наносами; видно было, что, дѣйствительно, сутокъ трое тому назадъ, если не больше, прошли здѣсь послѣднія сани.

Впереди всѣхъ скакала моя тройка, за мною Воробьевъ со своимъ семействомъ, а сзади приказчики, взведшіе курки своихъ ружей и не сводившіе глазъ съ далекой, синѣющей полосы степного горизонта.

День былъ ясный и слегка морозный, хорошій, зимній, степной день, какіе рѣдко выпадаютъ здѣсь на долю путеше-

ственниковъ. Снѣжная равнина сверкала ослѣпительно на солнцѣ, и этотъ яркій блескъ не позволялъ хорошо рассмотреть окрестность, особенно съ восточной стороны. Кое-гдѣ чернѣлись проталины, свободныя отъ снѣга. Какое-то небольшое озерко, обрамленное желтыми, высохшими камышами, виднѣлось роговидною излучиною; поверхность этого озера, покрытая льдомъ, отражая въ себѣ небо, точно голубое зеркало, блестяло посреди степи. Свободный вѣтеръ сдулъ съ него послѣднюю снѣжинку, и замерзло оно гладкое, спокойное, безъ зыби, безъ волненія. Вонъ правильные черные круги видны на его берегу, это слѣды недавно снятыхъ кибитокъ... вонъ изгородь видна, полуразвалившаяся... вонъ собака тамъ роется, ищетъ чего-то... нѣтъ, это опять волеѣ... ишь, какъ удираетъ по степи бродяга трусливый, заслышавъ звонки нашихъ троекъ... вонъ приостановился немного, поджалъ хвостъ и опять дуетъ безъ оглядки... вонъ онъ исчезъ, должно быть, въ логовину спустился, а вонъ опять показался, только ужъ теперь нельзя его рассмотреть... далеко! Чуть замѣтная, черная точка мелькаетъ вдали... ну, и Богъ съ нимъ!

— Гей, гей!—покрикиваетъ мой ямщикъ.

— Гей, гей!—вторитъ ему сзади звонкій голосокъ Надежды Васильевны.

— Надя, ну, что кричишь на морозѣ? Горло простудишь!—ворчить ея супругъ.

Паша и Яша выѣзжали советѣмъ изъ подъ навѣса саней и сидятъ на облучкѣ, свѣсивъ ноги. Такъ-то, должно быть, виднѣе...

— Ъхали мы, тоже разъ, съ хозяиномъ изъ Чимкента... Только, это, поровнялись съ лѣсочкомъ...—разсказывалъ что-то одинъ другому, но звонъ колокольчиковъ заглушалъ разсказъ, и до моихъ ушей долетали только отрывочныя фразы, да восклицанія:—помилуй Богъ,—тоже, вѣдь, они не шутятъ. Ахъ, ты, Господи!

Вдругъ мой ямщикъ началъ привставать на своемъ мѣстѣ и какъ-то подозрительно вглядываться впередъ. Затѣмъ даже руку приложилъ къ глазамъ.

— Что ты?—спросилъ я.

— Вонъ стоитъ,—отвѣчалъ киргизъ, не оборачиваясь,—ишь, стоитъ, гляди на дорогѣ...

— Да что стоитъ?

— Арба (повозка) наша, та самая...

Я тоже началъ всматриваться. Дѣйствительно, что-то чернѣлось впереди, на дорогѣ, верстахъ въ двухъ, по крайней мѣрѣ, но что это было—повозка или что другое, я не могъ разглядѣть, какъ ни напрягалъ своихъ глазъ...

— Гляди-ко, гляди, Папа! — слышался тревожный голосъ и на заднихъ саняхъ. Тамъ тоже, значить, замѣтили.

— Не вернуть-ли?

— А кто его знаетъ!

— Чего сталъ, трогай!—прикрикнулъ Воробьевъ на своего козницу.—Не отставай отъ переднихъ.—Ты, Надя, вотъ что, сядь-ко поглубже, я кошкему опущу. Боюсь, какъ-бы ребенокъ не испугался!

— Да ничего еще нѣтъ, чего ты? — бормотала Надежда Васильевна.

Однако, въ голосѣ ея дрогнула какая-то подозрительная нотка.

Мы продолжали подвигаться впередъ, не уменьшая рыси, и скоро предметъ, замѣченный моимъ ямщикомъ и уже надѣлавшій тревоги въ нашемъ караванѣ, былъ видѣнъ совершенно ясно. Еще минутой, и наши лошади стали испуганно храпѣть и слегка упираться на ходу. Мы подѣхали, все-таки, вплотную и невольно остановились...

На дорогѣ—немного сбившись на сторону и завязнувъ въ сугробѣ, стояли распряженные сани съ верхомъ; судя по обрывкамъ и обрѣзкамъ упряжи, можно было видѣть, что съ распряжкой не церемонились и торопились, пуская въ ходъ ножи, гдѣ трудно было развязать руками.

Снѣгъ кругомъ былъ сильно притоптанъ пѣшими и конными слѣдами... Около валялись распоротые чемоданы съ вывороченными тиковыми внутренностями, клочья сѣна, какое-то тряпье и забытая нагайка.

Я заглянулъ внутрь саней, тамъ было пусто, обошелъ кругомъ. У самого праваго полоза ничкомъ лежалъ полузамерзшій трупъ, въ русскомъ тулупѣ, съ подбритымъ затылкомъ.

Тулупъ былъ настолько изорванъ въ борьбѣ, что разбойники не сочли нужнымъ брать его съ собою и оставили на убитомъ; за то сапоги были сняты, и босые ноги, посинѣлая,

окоченѣвшія, торчали врозь, запутанныя въ оборванныхъ постромкахъ.

Я попробовалъ тронуть убитаго и хотѣлъ перевернуть его лицомъ вверхъ, но не могъ; тѣло до такой степени примерзло, что не поддавалось моимъ усиліямъ. Должно быть, не менѣе сутокъ, если не болѣе, находилось оно въ такомъ положеніи. Преступленіе совершено не въ эту ночь, значитъ, а раньше.

— Это тотъ самый!—рѣшилъ одинъ изъ ямщиковъ.

— Кто?

— А тотъ, что послѣдній выѣхалъ, и ямщикъ обратный до сихъ поръ не возвращался. Вотъ его здѣсь «яу» разбойники убили, ограбили, лошадей увели и ямщика тоже, а его самого кинули!

— Они-бы и его не убили, а увели,—разсуждалъ другой ямщикъ,—да видно дрался очень шибко, взять нельзя живьемъ было... Ну, вотъ, съ нимъ и покончили... Ишь, ты, какое дѣло!

— Аллахъ, Аллахъ!

— Пресвятая Богородица! Что-же намъ дѣлать теперь?—воскѣющимъ языкомъ прошепталъ одинъ изъ приказчиковъ... Эхъ! Не надоть выѣзжать было... Поторопились!

— Ужъ я и не знаю,—лепеталъ другой.—Какъ вотъ, ихъ благородіе. Вертать, что-ли?

— Ну, садись и трогай дальше! — угрюмо произнесъ Воробьевъ. Ну, чего высунулась, Надя! Сиди смирно, есть на что смотрѣть. Коля спитъ, слава Богу!

— Садись и пошелъ! — крикнулъ и я своему ямщику.— Половину дороги проѣхали...

— Воля ваша, потому какъ «волосъ съ головы»... — твердили все свое приказчики и тоже полѣзли въ сани, боязливо оглядываясь на слѣды кровавой катастрофы.

Мы усѣлись и тронулись. Колокольчики снова загудѣли на всю степь.

— А не мѣшало-бы эти звонки, на всякій случай, отрѣзаты!—промелькнуло у меня въ головѣ.

Вдругъ раздался сзади гнѣвный голосъ Воробьева.

— Подлецы, каналы, трусы! Чтобъ вамъ головы свои сломать! Чтобы вамъ...—кричалъ Антипъ Михайловичъ и, вставъ въ саняхъ во весь ростъ, грозилъ кулакомъ вслѣдъ удиравшимъ приказчикамъ.

Папа и Яша крѣпились еще, пока мы ѣхали, до роковой встрѣчи, но теперь видъ этого трупa, этихъ саней со слѣдами борьбы вокругъ произвелъ на нихъ полную реакцію. Они не выдержали, отдались всецѣло охватившей ихъ паникѣ и, повернувъ оглобли, что называется, во всѣ лошадки, неслись обратно, на прежнюю станцію.

Я видѣлъ, какъ они оба хлестали лошадей, чѣмъ попало. Не оглядываясь, не обращая вниманія на ругань и оскорбительные возгласы разсвирѣпѣвшаго Антипа Михайловича, они неслись впередъ и впередъ, — и разстояніе между ними и нашими санями быстро увеличивалось.

Труссы удирали, воротить ихъ не было уже никакой возможности. Да и стоило-ли? Вѣдь, тоже самое они сдѣлали-бы въ минуту дѣйствительной опасности, а тогда ихъ бѣгство надѣлало-бы намъ несравненно больше вреда, чѣмъ теперь.

Не знаю, выиграютъ-ли они что-нибудь своимъ бѣгствомъ, судя по времени, мы уже на половинѣ дороги, — опасность одинаковая и впереди, и назадъ... Почему знать, можетъ быть, назадъ даже большая... Я не желаю имъ зла, но признаюсь, въ данную минуту, не прочь-бы...

— Эхъ, съ какою охотою я бы имъ пулю пустилъ въ догонку, если-бы заряда не жалко было! — произнесъ, охрипшій даже отъ криковъ Воробьевъ, садясь, наконецъ, въ сани.

Наши желанія въ эту минуту почти сходились...

Прежде, чѣмъ продолжать путь, мы устроили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Насъ было теперь трое русскихъ и два ямщика киргиза. Въ числѣ первыхъ я считалъ и Надежду Васильевну. Она хоть и женщина, но... во всякомъ случаѣ, она стоитъ больше, чѣмъ храбрецы приказчики и оставшіяся на станціи ротмистръ Колупаевъ со своимъ пьянымъ товарищемъ.

На ямщиковъ мы разсчитывать особенно не могли. Они, вѣдь, все-таки, киргизы. Впрочемъ, оба эти скуластые малые смотрѣли такъ просто и честно, что у меня ни на минуту не шевельнулось противъ нихъ никакого подозрѣнія.

Въ нашемъ маленькомъ совѣтѣ рѣшено было, что я пересажу въ сани Воробьевыхъ, а мои сани поѣдутъ сзади. Изъ саней, такъ сказать, пассажирскихъ, лишній багажъ былъ перенесенъ въ мои, чтобы облегчить первыя, на случай, если намъ будетъ предстоять продолжительная скачка.

Мы даже перепрягли съ этою цѣлью одну изъ пристяжныхъ, начинавшую уже уставать, и тщательно осмотрѣли свою упряжку. Боже сохрани, если въ критическую минуту что-нибудь порвется или развяжется.

Если придется жертвовать, то во всякомъ случаѣ эту жертвою послужать вторыя, багажныя сани.

Дорога, сколько я помню, ровная, овраговъ нѣтъ; тутъ, лѣвѣе, должны быть киргизскія мазарки, въ сторонѣ отъ дороги, отъ нихъ уже недалеко станція... Пока еще этихъ мазарокъ не видно, а странно: — эти сооруженія далеко видны въ степи, особенно въ такой ясный день... Вонъ, что-то слышится вдали... какъ будто курганъ... не они-ли...

— Ну, съ Богомъ, трогай! Заднія сани, держись вплотную, не отставай... Не гони шибко, не мори лошадей... ровною рысью... Трогай...

Колокольчики мы оба сняли... зачѣмъ поднимать шумъ на всю степь... Впрочемъ, эта предосторожность почти излишняя, — глазъ киргиза видитъ дальше, нежели слышитъ его ухо...

Антипъ Михайловичъ нахмурился что-то и косо смотритъ на свою Надежду Васильевну... онъ все прикрываетъ коврикомъ ребенка. Хорошо, что мальчикъ все вѣ�ми крѣпко спитъ... Дай Богъ ему покойно проснуться... уже на слѣдующей станціи... Надежда Васильевна тоже призадумалась и даже не отвѣтила на мою шутку, попытку развеселить общество, придать всему болѣе веселый характеръ...

— Еслибъ я зналъ, что такъ случится, — нагнувшись ко мнѣ, шепотомъ произнесъ Воробьевъ, — если бы я зналъ, что эта сволочь броситъ насъ, я-бы не выѣхалъ... Я одинъ не боялся-бы, но теперь... поймите...

И онъ опять покосился на свою жену, опять потянулъ коврикъ и совсѣмъ уже съ головою покрылъ имъ спавшаго мальчика.

— Э, пустяки, — бравировалъ я, — они были уже давно здѣсь... чего имъ тутъ рыскать... Эта шайка — теперь уже версть за двѣсти отсюда... пустяки!..

— Эта, можетъ быть, — а другая... Надя, выпей-ко рюмку хересу... у тебя губы дрожать; ты, кажется, озябла...

— Я-то? — отвѣчала Надежда Васильевна, — Нисколько, напротивъ... Вотъ посмотри — какая горячая!..

И она освободила свою руку изъ-за пазухи и приложила ее къ лицу своего мужа.

— Для бодрости выпей... — улыбнулся тотъ. — Для куражу... хватимъ-ко вмѣстѣ!

Онъ досталъ свою дорожную бутылку, зашитую въ войлокъ, оловянный стаканчикъ и развернулъ бумажный свертокъ съ кусочками раскрошившагося полузамерзшаго сыра.

Не успѣли мы позавтракать, какъ услышали фразу ямщика, фразу, заставившую насъ встрепетаться и взяться за оружіе.

— Вонъ человѣкъ гуляетъ! — произнесъ киргизъ, не обобравиваясь къ намъ, словно про себя.

Черная точка двигалась въ степи, въ сторонѣ отъ дороги; эта точка двигалась съ одинаковой скоростью съ нами... она была еще очень далеко и направлялась, какъ будто на перерѣзъ нашего пути... по крайней мѣрѣ, разстояніе между нами и ею мало-по-малу уменьшалось.

Минутъ пять спустя, мы ясно могли уже разсмотрѣть, что это былъ всадникъ... Но этотъ всадникъ былъ одинъ... Кругомъ ничего другого подозрительнаго не было видно. Если онъ одинъ и не избѣгаетъ встрѣчи съ нами, значитъ, это не врагъ.

— Не напъ, букеевецъ... — сообщил намъ ямщикъ. — У него ружье за плечами, и конь воровски осѣдланъ... это «яу»!

Посмотримъ, что этотъ одинокій «яу» намѣренъ дѣлать дальше.

Опередивъ насъ, онъ подѣхалъ почти къ самой дорогѣ, оглянулся, посмотрѣлъ на насъ и шагомъ поѣхалъ дальше... черезъ минуту мы его догнали... мы поровнялись...

Тогда киргизъ прибавилъ рыси и сталъ равняться съ передней тройкою, не отставая уже ни на шагъ.

Всадникъ держался теперь не болѣе, какъ въ двадцати шагахъ отъ насъ. Онъ былъ одѣтъ въ яргакъ — халатъ, сшитый изъ жеребятчихъ шкуръ мѣхомъ вверхъ, малахай на головѣ, подшитый рыжимъ лисьимъ мѣхомъ, закрывалъ почти все его лицо... за плечами у всадника было кремневое, старое ружье, и у пояса болталась туземная шашка (кыльчъ), съ разорванными ножнами, изъ которыхъ на свѣтъ Божій выглядывало яржавленное лезвие...

Крѣпкій, горбоносый конь шелъ, раскачиваясь, иноходью, вытянувъ впередъ свою косматую голову... Вьюкъ за сѣдломъ былъ самый умѣренный, двѣ переметныя сумки, тщательно при-тороченныя, плотно пригнанныя къ задней луцѣ сѣдла... это и называлъ нашъ ямщикъ «воровскою сѣдловою...»

Онъ ѣхалъ и только изрѣдка, словно украдкой, взгляды-валъ на насъ изъ-подъ своего малахая.

Наши ямщики вступили съ нимъ въ переговоры.

— Эй, Божій человѣкъ!.. Куда путь твой лежитъ?—крикнулъ одинъ.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Куда ѣдешь, эй? — крикнулъ въ свою очередь Антипъ Михайловичъ, приставъ на своемъ мѣстѣ.

Биргизъ молча протянулъ нагайку впередъ и лаконически отвѣчалъ, наконецъ:

— Туда!..

Мы оставили его, пока, съ разспросами и только слѣдили за его движеніями.

Мало-по-малу, мы замѣтили, однако, что разстояніе, отдѣ-лявшее насъ отъ Букеевца, стало увеличиваться... онъ взялъ наискосокъ, въ степь... затѣмъ съ мѣста погналъ свою ло-шадь въ карьеръ... и словно провалился разомъ... по крайней мѣрѣ, мы уже его болѣе не видали.

— Тамъ балка есть!—пояснилъ намъ ямщикъ его исчез-новеніе.

Маневръ этотъ былъ совершенно понятенъ для насъ... По крайней мѣрѣ, въ немъ то хорошо, что мы были предупѣдом-лены. Букеевецъ видѣлъ насъ, онъ хорошо высмотрѣлъ наше вооруженіе, онъ замѣтилъ полную готовность нашу къ отпору и увѣдомитъ объ этомъ своихъ товарищей. Если тѣхъ немного, они не рѣшатся атаковать... Если-же ихъ много—то...

— Онъ изъ барсуковскихъ ауловъ... а тѣ человѣкъ по двадцати высылаютъ и больше! — сообщилъ ямщикъ, словно угадывая наши мысли и соображенія...

Однако, мы подвигаемся и подвигаемся впередъ... До стан-ціи теперь не должно быть далеко, верстъ десять, можетъ быть, одиннадцать, не болѣе... «До станціи» теперь... А что мы встрѣтимъ на той станціи?.. Если она цѣла, если тамъ есть люди, готовые оказать намъ помощь,—ну, тогда все еще

идеть хорошо, а если нѣтъ, если эта станція уже разбита и занята бандитами?..

Мы старались отогнать отъ себя подальше это послѣднее предположеніе, оно рисовало намъ такую мрачную картину, что... теперь, только теперь, мы позавидовали въ душѣ — трусамъ, оставившимъ насъ... если только эти трусы выиграли что-нибудь своимъ бѣгствомъ...

Ба!.. Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности... Едва только мы поровнялись съ устьемъ балки, подходившимъ почти къ самой дорогѣ, какъ оттуда выѣхало человѣкъ десять вооруженныхъ всадниковъ и загородили намъ дорогу... Эти всадники не стали лицомъ противъ насъ... Они гурьбою ѣхали шагомъ впереди, мы видѣли ихъ спины въ яргакахъ и верблюжьихъ халатахъ, ружья, болтающіяся за плечами, и коренастые крупы лошадей, помахивающихъ своими подвязанными хвостами...

Намъ оставалось на выборъ: или ѣхать за ними шагомъ-же, или заставить ихъ разступиться и дать намъ дорогу...

Они не выказывали пока ничего враждебнаго, но могли выказать это каждую минуту... они словно заставляли насъ первыхъ *показать зубы*...

Такой способъ атаки показался бы намъ чрезвычайно оригинальнымъ, если бы мы не знали хорошо степныхъ, разбойничьихъ обычаевъ...

— Надо дать имъ замѣтить, что мы ихъ не боимся... — шепнулъ мнѣ Воробьевъ...

— Пошелъ рысью!.. — толкнулъ я нашего ямщика... и, обернувшись, велѣлъ заднимъ санямъ держаться совсѣмъ вплотную, чтобы между нами не могъ проскочить ни одинъ верховой...

Ямщикъ посмотрѣлъ на меня какъ то просительно и не сразу исполнилъ мое приказаніе... онъ сильно оробѣлъ, и его руки дрожали, сжимая войлочные возжи.

— Пошелъ!.. — крикнулъ я громко. — Эй, тамъ, впереди... дорогу...

Кое-кто изъ верховыхъ засмѣялся, слышавъ мой крикъ, — кое-кто обернулся, однако, всѣ раздались вправо и влево и пропустили нашъ поѣздъ... Теперь они уже и сами прибавили рыси и не отставали ни на шагъ отъ саней.

— Поѣзжайте своею дорогою... а то стрѣлять будемъ!— крикнулъ имъ Воробьевъ.

— Мы этого и ждемъ!—отозвался одинъ изъ всадниковъ, въ которомъ мы узнали перваго, встрѣтившагося намъ четверть часа тому назадъ.

— Развѣ стрѣльнуть для страха?..—шепнулъ мнѣ на ухо Антипъ Михайловичъ.

— Погодите...—отвѣчалъ я...—ямщикъ, держи по дорогѣ!..

— Нельзя... они лошадей сбиваютъ... жмутъ справа... нельзя держать по дорогѣ...

Дѣйствительно, тутъ только мы замѣтили маневръ всадниковъ съ правой стороны... Они нажимали на правую пристяжную, помахивая ногойками у ея морды, и тѣмъ заставляли ее—сбивать всю тройку... Дорога осталась уже саженьяхъ въ трехъ справа.

— А если такъ, такъ вотъ-же вамъ!..—неожиданно выстрѣлилъ Воробьевъ въ ближайшую спину...

Цѣпій конь брыкнулъ задомъ... верблюжій халатъ какъ-то перекинулся на сторону и тяжело рухнулъ на землю...

— Гони во весь махъ!..—крикнулъ я.—Дуй по всѣмъ!.. Ага!..

Пуля щелкнулась о верхъ нашей кибитки...

Минута—и мы отдѣлились сразу отъ нападавшихъ сажень на десять... Тѣ гикнули и охватили насъ полукругомъ.

Въ это время сзади раздался стонъ и жалобные крики: я выглянулъ черезъ кибитку и увидѣлъ, что вторыя сани уже отрѣзаны.—Я не замѣтилъ, что сдѣлалось съ тѣмъ ямщикомъ, и только слышалъ его крики и мольбы о помощи...

Мы неслись во весь духъ... старались снова выбиться на дорогу, но это было положительно невозможно... Теперь уже за нами открыта была настоящая травля, и киргизы, словно волки, охватили насъ своею хищною стаею...

Вотъ еще что-то щелкнулось о кибитку.

— Господи!.. — престонала Надежда Васильевна!—Чуть было Колю не убили!..

Пуля пробила войлокъ кибитки и расплоснулась въ уголъ кованнаго погребца...

Я привсталъ на саняхъ, оперся локтемъ о верхъ и ловилъ на прицѣлъ ближайшаго всадника, того самаго, въ рукахъ котораго еще дымился его кремневый мултукъ... Сани

подпрыгивали на замерзшихъ кочкахъ... Эти дробные, неожиданные толчки мѣшали цѣлить.

Наконецъ, мнѣ удалось уловить мгновеніе. Еще одна лошадь зарыла мордою снѣгъ, еще одинъ халатъ перелетѣлъ ей черезъ голову.

Но въ ту же минуту и у насъ одна изъ пристяжныхъ упала на всемъ скаку и, дрыгая ногами, протаскилась нѣсколько шаговъ на туго натянутыхъ постромкахъ...

Воробьевъ кинулся съ ножемъ обрѣзать эти веревки...

— Прямо на мазарку!.. Туда-туда!..—крикнулъ онъ во все горло.

Въ пылу схватки мы и не замѣтили, какъ очутились почти у самаго подножія кургана, вершинну котораго занимала большая мазарка, съ фронтономъ съ передней стороны и полукруглымъ куполомъ.

Да, эта мазарка можетъ послужить намъ несравненно лучшимъ прикрытіемъ отъ пуль бандитовъ, чѣмъ войлочная выбитка нашихъ саней...

Ударивъ по лошадямъ, заставивъ ихъ собрать послѣднія свои усилія, — мы вскарабкались кое-какъ на холмъ и пустились еще по выстрѣлу въ преслѣдователей.

Въ десяти шагахъ отъ насъ, не болѣе, зіялъ черный четвероугольникъ, заваленный снизу до половины входа въ мазарку... Мѣшкать было нечего, я высадивъ Надежду Васильевну, выхватилъ Колю и бѣгомъ кинулся къ этому спасительному входу.

Замѣтивъ нашъ маневръ, преслѣдователи остановились у подножья холма; они этимъ дали намъ возможность перебраться изъ саней въ наше новое убѣжище... Ямщикъ только-что соскочилъ на землю,—какъ вдругъ схватился за бока и упалъ... Раненъ онъ или убитъ, я не замѣтилъ... не до того было... Порогъ, загораживающій входъ, былъ высокъ, съ трудомъ я пересадилъ черезъ него Надежду Васильевну и обернулся, чтобы еще разъ выстрѣлить... Смотрю, а Воробьевъ опустилъ ружье внизъ, страшно поблѣднѣлъ и держитъ себя рукою за голову...

— Задѣли, подлещы,—простоналъ онъ...—Кажется плечо!

Я кинулся къ нему на помощь—и помогъ ему тоже пролѣзть въ мазарку. Я забрался туда послѣднимъ...

Въ данную минуту мы были, относительно, въ безопасности...

Внутреннее помѣщеніе нашего убѣжища было не болѣе четырехъ квадратныхъ саженъ. Свѣтъ въ него проникалъ только изъ входного отверстія, но такъ какъ это отверстіе было довольно велико, то свѣта было совершенно достаточно, чтобы разсмотрѣть аляповатыя фрески, которыми испещрены были стѣны мазарки...

Въ своихъ прежнихъ этнографическихъ очеркахъ я часто описывалъ во всѣхъ подробностяхъ подобныя могильныя сооруженія номадовъ, а потому и пропускаю эти подробности теперь, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ настоящемъ положеніи не до того было, чтобы восхищаться наивными рисунками кочевыхъ художниковъ.

Да, наше положеніе, — когда мы осмотрѣлись, оказалось гораздо хуже, чѣмъ мы предполагали...

Антипъ Михайловичъ былъ раненъ серьезно... Едва только я помогъ ему спрятаться, правильнѣе, втащить его въ мазарку на рукахъ, какъ онъ впалъ въ безпамятство... Онъ только успѣлъ пробормотать: — Колю... Колю не забыли-ли... — и уже болѣе не произносилъ ни слова...

Несчастный отецъ, вѣроятно, думалъ, что его ребенокъ, впопыхахъ, оставленъ въ саяхъ. Надежда Васильевна нагнулась къ самому уху мужа и громко крикнула:

— Здѣсь... всѣ здѣсь... спасены...

Она не заплакала, она не потеряла нисколько присутствія духа и, закутавъ ребенка въ свой бурнусъ, уложила его на полъ, къ стѣнкѣ, выбравъ наиболѣе безопасное мѣсто отъ выстрѣловъ.

Пули хищниковъ могли только влетать въ этотъ четвероугольный входъ, заваленный снизу порогомъ... Стѣны-же мазарки настолько толсты, что ихъ не могла-бы пробить никакая пуля, даже изъ лучшаго оружія, чѣмъ мултуки и дрянныя ружья нападающихъ...

Подкравшись осторожно къ выходу, я взглянулъ, что дѣлается въ степи...

Наши сани стояли всего въ нѣсколькихъ шагахъ... Одна пристяжная, какъ я уже говорилъ, была раньше убита, другая успѣла-таки оторваться и ускакать, а коренная, занутав-

шись въ своей упряжи, упала и лежала на сломанной оглоблѣ, сѣлся подняться на ноги... Можетъ быть, и она была ранена... Я не знаю... Ямщикъ киргизъ лежалъ неподвижно, ничкомъ и, казалось, было убить на поваль... Я не имѣлъ никакой возможности убѣдиться въ этомъ... Я его пробовалъ окликнуть, но мой призывный окликъ остался безъ всякаго отвѣта...

Въ мазаркѣ холодно и сыро... Надежда Васильевна дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... Въ саняхъ есть запасное платье, но его нельзя достать... Зоркіе разбойники замѣтили, какъ я выглянулъ, и тотчасъ же нѣсколько пуль влетѣло въ мазарку и шлепнулось о стѣны... Въ саняхъ есть также вино и съѣстные припасы... Мы въ нихъ пока не нуждаемся, но скоро будемъ нуждаться... Все это для насъ тоже недосыгаемо... Мы можемъ утѣшаться только тѣмъ, что и киргизы, въ свою очередь, не рискнуть подступить близко къ санямъ, эта попытка была бы для нихъ слишкомъ рискованна...

Мы съ Надеждою Васильевною рѣшили дожидаться ночи—темноты... Попытаемся тогда что-нибудь сдѣлать...

Я сижу и наблюдаю входъ; Надежда Васильевна возится около мужа, она ощупываетъ ему раненую голову и пробуетъ остановить кровь, медленно текущую, густою, темно-красною струею... Коля не плачетъ, онъ слишкомъ напуганъ, чтобы плакать, и робко смотритъ вокругъ своими серьезными, широко раскрытыми глазенками...

Разбойники держатся внѣ вѣрнаго выстрѣла; они съѣхались въ кучу и совѣщаются... Вотъ отъ этой кучи отдѣлился одинъ всадникъ и поскакалъ въ степь... Вотъ его окликнули, вернули... Тотъ махнулъ рукой и снова поскакалъ... Вдали чернѣетъ еще какая-то группа: это наши вторыя сани... Что тамъ дѣлается, разобрать невозможно...

Солнце уже спускается къ горизонту... Я его не могу видѣть и замѣчаю только розовые отблески, скользящіе по стени, голубыя тѣни на низкихъ мѣстахъ и впадинахъ... Этотъ отблескъ становится ярче, золотистѣй, тѣни темнѣе... Последнія все расширяются и расширяются, первый суживается... Вотъ уже только на гребняхъ холмовъ вытягиваются чуть замѣтныя полосы... Вотъ и тѣ потухли... Въ мазаркѣ уже совершенно темно... Темнѣетъ и степь, охваченная покровомъ ночи...

Звѣзды высыпали на небѣ... Морозно... Воздухъ чистъ и прозраченъ... Завтра тоже хорошій день, что только онъ принесетъ намъ!..

— Рана не опасна,—произнесла въ эту минуту Надежда Васильевна, — вотъ пуля: она только кожу пробила, а кость, кажется, не тронула... Я помню, мнѣ говорилъ докторъ, въ прошломъ году, кажется... Онъ говорилъ, что если трогать руками черепъ и не слышно треска, значитъ, онъ цѣлъ... Попробуйте, пожалуйста, попробуйте... Я, можетъ быть, ошибаюсь... Попробуйте...

Я исполнилъ ея желаніе... Она была права...

— Ну, что... ну, что?—спросила она, схвативъ меня за плечо...—Ну, какъ вы нашли?..

Въ голосѣ ея слышалось столько тревоги, столько затаеннаго, мучительнаго страха, за жизнь мужа, что я бы рѣшился солгать ей, если бы это надо было... Но, къ счастью, мнѣ лгать не приходилось.

— Слава Богу!—произнесъ я.

— Слава Богу!—повторила она, чуть слышно, и нагнулась зачѣмъ-то къ ребенку...

Когда стемнѣло окончательно, мнѣ удалось ползкомъ добраться до саней и перетаскать оттуда все необходимое, я захватилъ коверъ, полушубокъ, мѣшки изъ волчьей шкуры, которыми обыкновенно проѣзжіе кутають себѣ ноги, погребецъ съ чайными принадлежностями и кулекъ съ замороженнымъ хлѣбомъ...

— Тамъ у меня спиртовая кострюлька есть... Она сзади уложена, подъ сидѣньемъ. Вотъ бы ее хорошо теперь... Тамъ и спиртъ есть въ плетеной бутылѣ... Поищите...—просила меня Надежда Васильевна.

Все это было, дѣйствительно, хорошо въ настоящемъ нашемъ положеніи, на столько хорошо, что стоило рискнуть еще разъ и отправиться на вторичную экскурсію къ санямъ...

Эта вторая экскурсія была менѣе удачна: — едва только я отыскалъ все, что слѣдуетъ, какъ послышались разомъ два выстрѣла, и одна изъ пуль шелкнулась почти около моихъ ногъ, заставивъ меня, какъ лисицу въ нору, юркнуть поскорѣе въ спасительное убѣжище...

Сколько времени придется намъ просидѣть въ этой мазаркѣ—неизвѣстно... Можетъ быть, счастливый случай выве-

детъ насъ завтра-же отсюда, можетъ быть, еще не разъ придется намъ встрѣчать и привѣтствовать свѣтлую полосу утренней зари, ту самую, что мы ясно видимъ теперь, выглядывая украдкой изъ отверстія мазарки...

Кромѣ того, что киргизы могутъ долго держать насъ въ осаждѣ, держать до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ насъ добровольно сдаться, они могутъ даже и не трудиться рыскать вокругъ этого могильнаго холма и оставить насъ пока въ относительномъ покоѣ... Мы, вѣдь, все равно, не можемъ уйти... Мы должны сидѣть и ждать случая... Какъ мы уйдемъ отсюда?.. Пѣшкомъ? Да развѣ это возможно для Надежды Васильевны съ ея ребенкомъ! А несчастный Антипъ Михайловичъ... развѣ его можно бросить?.. Ну, а что если киргизы уйдутъ, чтобы дать намъ возможность выйти и отойти подальше отъ мазарокъ... Тогда имъ, конечно, ничего не будетъ стоять захватить насъ пѣшихъ въ открытой степи и поставить насъ сразу въ полную невозможность къ защитѣ...

Положимъ, станція должна быть близка... Но это-то и есть плохой признакъ. Если-бъ эта станція была цѣла и не занята бандитами,—эти не могли бы такъ безнаказанно рыскать въ ея окрестностяхъ... Значить, и съ той стороны нѣтъ никакой надежды на помощь...

Да, мы сдѣлали непростительную глупость, что рѣшились выѣхать... Впрочемъ, выѣзжай мы все вмѣстѣ, никакой бы бѣды не случилось, мы были бы достаточно сильны, если-бы эти негодяи не остались, если-бы эти два труса не бѣжали отъ насъ, при первомъ намекѣ на опасность.

Соображая все это, я долженъ былъ придти къ тому убѣжденію, что намъ долго еще придется просидѣть въ пріютившей насъ мазаркѣ, а потому не мѣшаетъ счесть и провѣрнуть наши съѣстные, а отчасти и боевые запасы.

Провѣрка первыхъ дала намъ самые плачевные результаты! — Четверть фунта чаю, съ фунтъ, не больше, колотатаго сахару, небольшой остатокъ промерзшей ветчины и два хлѣба, оба фунта въ четыре... Вотъ все, что я нашелъ въ саниахъ Антипа Михайловича. Спирта въ бутылкѣ тоже осталось немного; вина едва-бы хватило на нѣсколько добрыхъ глотковъ...

Тутъ только мы съ Надеждою Васильевною вспомнили, что перекладывая лишнія вещи изъ этихъ саней въ мои, мы пере-

ложили также и коробъ съ провизіей, коробъ, который, будь только теперь съ нами, заставилъ-бы насъ несравненно лучшими глазами смотрѣть на наше положеніе... Но этого короба не было...

Печально встрѣтили мы и провели этотъ второй день осады.

Киргизы уѣзжали и снова возвращались, часть ихъ бивакировала у подножья холма, раскладывая огни изъ сухой колючки, торчащей повсюду изъ подъ тонкаго, снѣжнаго покрова; другіе рыскали по окрестностямъ и, казалось, очень мало обращали на насъ вниманія...

Разъ я, вымѣривъ глазами отдѣляющее насъ разстояніе и рассчитавъ полетъ пули изъ моего карабина, захотѣлъ ихъ поугатъ и выстрѣлилъ... Пуля рикошетиствовала и пронеслась надъ головами группы, сидѣвшей у огня... Бандиты встревожились, вскочили на ноги и замахали руками, указывая въ нашу сторону... Они кричали что-то, но что именно, нельзя было разслышать, и кончили тѣмъ, что переѣстали свой бивуакъ подальше, на такое разстояніе, что трата зарядовъ была-бы для меня совершенно бесполезна...

Въ этомъ отступленіи было, по крайней мѣрѣ, то хорошо, что теперь открылось безопасное сообщеніе съ санями, чѣмъ я и воспользовался для того, чтобы осмотрѣть нашего ямщика и перетащить его въ мазарку, если онъ только раненъ.

Но увь! Тѣло его успѣло уже окостенѣть... Несчастный уже не нуждался ни въ какихъ попеченіяхъ...

У коренной лошади тоже оказалась сломанною одна изъ переднихъ ногъ... Я распуталъ ее, заставилъ подняться на ноги, и бѣдное животное, жалобно заржавъ, заковыляло на трехъ ногахъ въ степь, скусывая на ходу торчащія изъ-подъ снѣга былинки...

Киргизы видѣли мои попытки и продѣлки, стрѣляли по мнѣ, но безуспѣшно... Ихъ пули теперь уже почти не достигали, и ихъ рикошеты едва достигали подножья холма, бесполезно бороздя ни въ чемъ не повинную снѣжную поверхность.

Мы зажгли спиртъ, растопили снѣгу въ кострюлькѣ и сварили чай. Надежда Васильевна пила жадно и много... Она только очень умѣренно отнеслась къ хлѣбу и, взявъ одинъ,

незамѣтно отъ меня сунула его подъ коврикъ, на которомъ лежалъ маленький Коля... Она, вѣроятно, думала, что я не замѣтилъ ея маневра... Бѣдная женщина, бѣдная, мать...

— Знаете что?—сказалъ я ей... Этотъ хлѣбъ—я ей протянулъ тотъ, который остался, — этотъ хлѣбъ вы берегите только для себя и для Коли... Мнѣ не нужно... Я, въ случаѣ чего, могу довольствоваться вонъ и тѣмъ...

Я указалъ ей глазами на убитую лошадь... Надежда Васильевна покраснѣла, слезы заблестѣли у нея на глазахъ, она протянула руку ко мнѣ...

— Я привыкъ къ конскому мясу, оно очень вкусно... Вотъ, погодите, когда стемнѣетъ, я проберусь туда и вырѣжу великолѣпный бифштексъ... Вы сами увидите, какъ это вкусно... Только-бы эти не воспользовались имъ раньше...

Моя шутка развеселила нѣсколько Надежду Васильевну, и она сквозь слезы улыбнулась...

— Еще чаю, мама!—настойчиво потребовалъ ребенокъ.— Съ булкою хочу...

Господи, что будетъ, когда мы снова услышимъ эту дѣтскую просьбу и не будемъ имѣть возможности ее удовлетворить!..

Съ Антипомъ Михайловичемъ дѣлается что-то странное... Онъ дышитъ покойно и ровно, онъ, видимо, не страдаетъ, — онъ спитъ... Но отъ этого сна ничѣмъ нельзя его разбудить... Онъ не вздрагиваетъ даже, когда своды мазарки гулко отражаютъ звукъ выстрѣловъ... Когда ему прикладываютъ къ головѣ компрессы изъ снѣга,—въ его лицѣ не дрогнетъ ни одна жилка... онъ не чувствуетъ холода...

Разжавъ крѣпко, судорожно стиснутыя губы, я влилъ ему въ ротъ немного чаю съ виномъ, не болѣе чайной ложки... Проглотилъ-ли онъ это, или нѣтъ, я не могъ замѣтить... Надежда Васильевна говоритъ, что будто проглотилъ...

Вотъ и второй день подходитъ къ концу:—положеніе дѣлъ не мѣняется... Только къ киргизамъ, осаждавшимъ нашъ холмъ, прибыла еще большая партія, человекъ до пятидесяти... Половина изъ нихъ осталась здѣсь, а другіе уѣхали и угнали съ собой большой смѣшанный косякъ лошадей и рогатаго скота, отбитый ими, вѣроятно, у не принявшихъ участія въ возстаніи мирныхъ киргизовъ...

Все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго... Даже самое относительное бездѣйствіе осаждавшихъ доказывало только полную увѣренность ихъ въ успѣхѣ и безнаказанности... Они, значить, хорошо знали, что къ намъ ни откуда не можетъ придти никакая помощь...

Я не дѣлился, конечно, съ Надеждою Васильевною моими грустными выводами, но она сама была опытная степнячка, отлично понимала и отлично оцѣнила все происходящее...

Она быстро похудѣла, въ глазахъ ея я не разъ читалъ полную безнадежность. Она, повидимому, равнодушно относилась къ положенію мужа... Да и чѣмъ-же оно худо, чѣмъ оно хуже нашего... Онъ теперь покоенъ и не сознаетъ ничего, мы волнуемся и бѣдствуемъ; онъ, можетъ быть, не сегодня, завтра умереть, а мы... Кто поручится намъ, что мы сами завтра будемъ живы!..

Только ребенокъ сильно смущалъ и огорчалъ Надежду Васильевну... Бѣдная мать, вѣроятно, себя обвиняла во всемъ случившемся и считала своего Колю жертвою ея ошибки...

Разъ даже это самое обвиненіе сорвалось съ ея языка въ видѣ фразы:

— Если-бы я была одна съ мужемъ, я могла-бы рисковать... а теперь...

Она не договорила, но мысль ея была совершенно понятна...

Я услышалъ легкій стонъ въ углу, гдѣ лежалъ Антипъ Михайловичъ; Надежда Васильевна стремительно бросилась въ ту сторону, я тоже. Большой раскрылъ до половины глаза и тотчасъ-же сомкнулъ ихъ снова... Онъ пошевелилъ губами... и теперь уже ясно, замѣтно проглотилъ еще одну ложку чаю. Пожалуй, онъ будетъ... виноватъ,—онъ могъ-бы быть живъ...

Провизія вся съѣдена... Осталось только нѣсколько крохъ... Надежда моя на убитую лошадь не сбылась: ее еще прежде заката солнечнаго утащили къ себѣ киргизы... Правда, это имъ стоило одного тяжело раненаго, но что значить этотъ одинъ, когда ихъ теперь человѣкъ сорокъ, если не больше...

И спиртъ нашъ приходитъ къ концу, какъ мы умеренно ни употребляемъ его, грѣться нечѣмъ... Желудокъ пустъ... Меня трясетъ почти непрерывный, лихорадочный ознобъ. Надежда Васильевна съежилась въ углу, закутавшись въ ковровъ,

тамъ съ ней и ея Коля. Мнѣ остается только бѣгать по мазарѣмъ изъ угла въ уголъ, чтобы согрѣть себя хоть движеніемъ.

Странно, когда я выходилъ на воздухъ, тамъ было несравненно теплѣй, чѣмъ подъ этимъ сырымъ, могильнымъ сводомъ... Какая тишина въ степи, какое безвѣтріе... Кругомъ заволакиваетъ густымъ туманомъ: морозъ смѣнился замѣтною оттепелью... Солнце, красное, багровое такое, спускается въ эту дымчатую, тяжелую мглу... Между киргизами замѣтно какое-то безпокойное волненіе... они сговариваются... уже не готовятся-ли они къ послѣдней, рѣшительной атакѣ?..

Между тѣмъ киргизы, сбившись въ кучу, поговорили, поговорили и вдругъ понеслись крупною рысью не къ намъ, а совсѣмъ въ противоположную сторону.

Вотъ они выбрались на дорогу, оглянулись на нашъ курганъ, пріостановились на минуту и снова тронулись въ путь...

Я вылѣзъ изъ мазарки и наблюдалъ за ихъ маневрами... Вотъ вся вереница скрылась за холмомъ... тамъ-ли она остановилась, или пошла дальше, я уже не могъ видѣть...

Заунывный гулъ неся по степи съ противоположной стороны. Тяжелая, молочно-свинцовая туча медленно поднималась изъ-за горизонта, расплываясь по всему небу... Солнце зашло за эту тучу, и багровый, кровавый свѣтъ заискрился на ея окраинахъ.

Гулъ и вой въ степи съ каждою минутою усиливался... Мелкіе хлопья снѣга замелькали и закружились въ воздухъ... Вѣтеръ налеталъ съ порывами, но въ промежуткахъ между этими шквалами мгновенно водворялась полная тишина... Темнѣло быстро, и скоро уже было невозможно различать предметовъ... Даже тяжелыя очертанія мазарки сливались въ общемъ мракѣ... Только въ той сторонѣ, гдѣ опустилось солнце, чуть-чуть свѣтились, словно накаливались, менѣе сгущенные слои надвигающейся тучи... Да въ высотѣ, надъ самыми головами, одна за другою погасали чуть мерцающія звѣзды...

Я понялъ теперь причину внезапнаго бѣгства степныхъ бандитовъ... Они во время замѣтили приближеніе страшнаго бурана, снѣжнаго урагана, заметающаго иногда и срывающаго цѣлыя становища и аулы...

Я едва успѣлъ вскочить въ мазарку, какъ разразился

первый удар могучей мители... Въ той сторонѣ, гдѣ находились наши сани, послышался трескъ... Жалобный волчій вой раздался у самаго входа... Эти бездомные бродяги, вѣроятно, сами рассчитывали спастись и укрыться въ мазаркѣ, они это часто дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, но теперь, почувявъ тамъ присутствіе человѣка, они не рѣшились отбить себѣ силою занятое мѣсто и только невыносимымъ, то злобнымъ, то жалобнымъ, почти страдальческимъ вытьемъ, выражали свое огорченіе...

Намъ было не до волковъ, но на всякій случай я выстрѣлилъ, выставивъ ружье въ отверстіе.

Порывъ вѣтра словно у самаго дула оборвалъ звукъ выстрѣла... Я, по крайней мѣрѣ, его не слышалъ...

Всю ночь бушевалъ бурянь, и его удары глухо отражались подъ сводами мазарки... Въ страшной, непроницаемой темнотѣ сидѣли мы, прижавшись къ стѣнѣ, и прислушивались къ этимъ могучимъ ударамъ... Иногда намъ казалось, что стѣны мазарки не выдержатъ и рухнутъ, придавивъ насъ, расплющивъ своими развалинами, но это были напрасныя опасенія... Сколько десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ лѣтъ, стоитъ такое приземистое, самобитное сооруженіе... сколько десятковъ степныхъ бурь выдержало уже оно, выдержитъ и теперь... А кто знаетъ, можетъ быть, эта буря послана намъ для спасенія; можетъ быть, она далеко угонитъ разбойниковъ, можетъ быть, замететъ ихъ подъ своими сугробами и откроетъ намъ свободную и безопасную дорогу... будемъ-же ждать утра и надѣяться...

За часъ до разсвѣта ураганъ началъ замѣтно стихать... Дальше и дальше уносилось его завываніе... Снова замелькали на горизонтѣ разрозненные звѣзды... Вотъ и разсвѣтъ начинается золотить край неба... брр... какъ холодно стало... зубы у меня выбиваютъ дробь, я не въ силахъ удержать дрожаніе своихъ челюстей... Коля плачетъ и тоскливо жалуется, что ему холодно... Надежда Васильевна закутала его всѣмъ, что только осталось у ней годнаго для этой цѣли... Антипъ Михайловичъ очнулся; должно быть, тоже отъ холода, и чуть слышно, едва внятно, произнесъ:

— Гдѣ мы?..

Разсвѣло.

Я снова вышелъ для осмотра окрестностей... Нигдѣ ни одной живой души не было видно. Наши сани стащило вѣтромъ къ подножью холма, и на нихъ навалило цѣлую гору снѣга; тамъ, гдѣ лежалъ трупъ нашего ямщика, тоже виднѣлось одно только незначительное возвышеніе... Я вернулся, чтобы вдвоемъ съ Надеждою Васильевною обсудить, что намъ предстоитъ дѣлать дальше?..

Надо было на что-нибудь рѣшиться... Если идти было опасно, если, оставляя наше убѣжище, мы рисковали своими головами, то оставаться въ немъ тоже не было ничего утѣшительнаго...

Смерть отъ голода и холода настолько ужасная смерть, что заставить предпочесть болѣе легкую смерть отъ ножа разбойника или плѣнь... Значить, надо было идти...

Но Надежда Васильевна была настолько изнурена, что путешествіе пѣшкомъ было уже ей не подъ силу... Да она бы и не рѣшилась оставить своего мужа, какъ я уже говорилъ, значить, идти могъ только одинъ я.

На эту идею навела меня сама Надежда Васильевна.

— Вы идите,—сказала она,—кто знаетъ: можетъ быть, на той станціи еще есть люди, не враги; если вамъ удастся добраться туда и извѣстить ихъ о нашемъ положеніи... Ну, и слава Богу... Если-же нѣтъ, если васъ схватятъ и убьютъ, то...—Она не договорила, что именно, но ея мысль была совершенно ясна и убѣдительна...

— Я и одна останусь здѣсь, въ случаѣ чего!—попробовала она улыбнуться и взяла ружье своего мужа...—Идите-же...

Я пожалъ ей руку, поцѣловалъ ребенка и вышелъ...

Разговаривать болѣе не о чемъ... Всѣ великодушныя, величественныя фразы, такъ легко льющіяся съ пера писателя, описывающаго подобныя событія, не вяжутся на языкъ, на самомъ дѣлѣ...

Я шелъ и шелъ впередъ, даже не оглядываясь на мазару... Въ головѣ у меня стоялъ мучительный звонъ, уши заложило, ноги подкашивались, глаза не видѣли... Слава Богу! Дорога все подъ гору, снѣгъ не такъ глубокъ... По временамъ только я попадалъ въ наметанные сугробы и съ трудомъ вылѣзалъ оттуда... Мнѣ кажется, что я не шелъ по прямому направленію... Меня качало изъ стороны въ сторону,

руки мои ослабѣли, и я чуть-чуть не уронилъ ружья у себя, а если-бы я его уронилъ, я, очень можетъ быть, поднять его былъ бы не въ силахъ... Если-бы я упалъ самъ или присѣлъ отдохнуть, я бы уже болѣе не поднялся на ноги...

Вотъ что-то чернѣетъ впереди, что — разобрать не могу, да и не стараюсь вовсе... Мнѣ какъ будто рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до какихъ бы то ни было встрѣчъ... Я даже забываю цѣль своего движенія... Я уже двигаюсь безсознательно, машинально, словно въ силу разъ взятаго направленія... Я ничего болѣе не помню... Мнѣ показалось, что меня окликнули какіе-то голоса... Эти голоса говорили по-русски... Около меня ходили, хлопотали... Лили въ ротъ что-то теплое, что такъ пріятно расплывалось по моимъ внутренностямъ... Мнѣ самому было тепло, такъ хорошо...

Я пришелъ въ себя, вспомнилъ все разомъ и очнулся...

Смотрю: какое-то обгорѣлое строеніе... Закопченные, полуразвалившіяся стѣны со сгорѣвшимъ потолкомъ, всѣ слѣды разрушенія и погрома... На дворѣ, въ коновязяхъ, стоитъ десятка три казачьихъ лошадей, бродятъ люди въ сѣрыхъ шинеляхъ, въ фуражкахъ съ синими околышами...

— А ужъ мы думали, что вы не очнетесь... Капуть, значить...—весело улыбаясь, говоритъ мнѣ казачій офицеръ и подносить стаканчикъ съ подогрѣтымъ ромомъ...—На-ко, хватите—чудесно будетъ, И какъ это вы очутились въ такомъ положеніи?..

Это была казачья сотня, которая выслана была изъ Казалинска, чтобы усилить станціонные гарнизоны... Она уже много израсходовала людей, идя по тракту, и только сегодня пришла на эту станцію, найдя ее разбитою и ограбленною...

Казакіи подняли меня не болѣе, какъ въ ста шагахъ отъ станціоннаго дома и принесли... Такъ какъ я впалъ въ обморокъ единственно отъ голода и изнуренія, то, понятно, нѣсколько глотковъ рому сразу привели меня въ чувство, а стаканъ горячаго чая съ кускомъ холодной баранины развязалъ мнѣ языкъ и заставилъ энергично приняться за спасеніе оставшихся въ мазаркѣ.

Тотчасъ-же нѣсколько казаковъ отправились туда; мнѣ дали лошадь, и я ихъ повелъ, не забывъ захватить съ собою кое-чего съѣстнаго.

Часа черезъ три, къ вечеру того-же дня, мы, уже всѣ вмѣстѣ, весело толковали о прошедшихъ бѣдахъ, а на другой день, уложивъ въ сани тоже пришедшаго въ себя Антипа Михайловича, тронулись въ путь, подъ конвоемъ десяти казаковъ, до слѣдующей станціи, съ которой, какъ намъ сказали, путь до самаго Казалинска совершенно свободенъ и безопасенъ.

Въ Казалинскѣ Антипъ Михайловичъ выздоровѣлъ окончательно отъ своей раны, и мы всѣ четверо, считая и маленькаго Колю, стали съ тѣхъ поръ большими друзьями и не разъ, за дружескою бесѣдою, вспоминали свои дорожныя бѣдствія, эти трое сутокъ въ мазаркѣ...

Послѣ мы узнали, что станція, съ которой мы выѣхали, была атакована въ тотъ-же день многочисленною партіею киргизовъ... Она была сожжена до тла, урядникъ, двое казаковъ и ротмистръ Колупаевъ убиты, и трупы ихъ найдены подъ збгорѣвшими развалинами. Что-же касается до храбрецовъ Яши и Паши, то оба они доскакали все-таки до станціи, но прибыли туда какъ разъ въ минуту погрома и катастрофы, — и оба были уведены въ Хиву, въ плѣнъ, вмѣстѣ съ полутьянымъ товарищемъ ротмистра Колупаева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
✓ Рискванный сеансъ	3
Портретъ	9
Страшное мгновеніе	19
Зара-Буланскія высоты	45
Ургутъ	78
✓ Городъ мертвыхъ	112
Юнуска-головорѣзъ	119
Рахмедъ-Инакъ, бекъ Заадинскій	131
Старый Кашкара	164
Джигитская честь	177
Три дня въ мазарѣ	195
